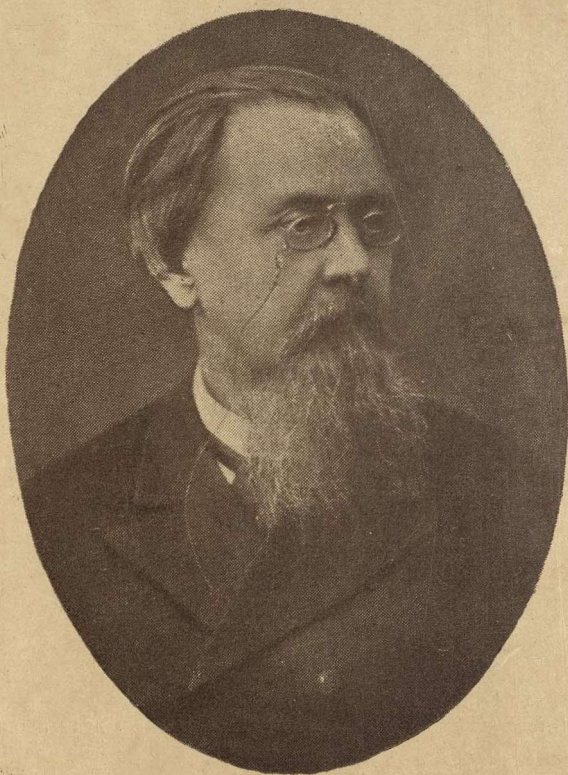

А.С.ГАЦИСКИЙ

1838-1938

ОГОНЬ КОЛЛЕКЦИОНА В ПЕРИОД С 1989

К 03497 2

Байракин

1838 К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ 1938

кр +

А. С. ГАЦИСКИЙ

СБОРНИК, ПОСВЯЩЕННЫЙ
ПАМЯТИ
А. С. ГАЦИСКОГО

СОСТАВИЛ
К. Д. АЛЕКСАНДРОВ

З. Г. Б. Н. С.
кр

ОГИЗ 1939

ГОРЬКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

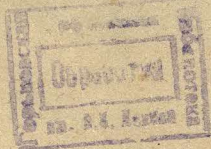
А. С. Гациский. Составил *К. Д. Александров*.
ОГИЗ. Горьковское Областное Издательство,
г. Горький. 1939.

*
Редактор *Н. А. Барсуков*. Технич. редактор
Л. И. Немченко. Корректор *В. М. Плотникова*.
Переплет художн. *Ю. А. Порфирьева*.

*
Сдано в набор 22/X-38 г. Подписано к печати
15/IV-39 г. Формат 84×108. Тираж 3000. Печ.
л. 8⁷/₈. Бум. л. 2⁷/₃₂. Уч.-изд. л. 8,67. Зн. в бум.
л. 163 т. Инд. X-4-в № 1115.

*
Уполномоченный Обллита № Б-43. Полиграф,
гор. Горький, ул. Фигнер, 32. Заказ № 7576

*
Цена 2 р. 60 коп.
Переплет 1 р. 20 коп.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий сборник статей и материалов, собранных К. Д. Александровым, был подготовлен Горьковским издательством к столетию со дня рождения Александра Серафимовича Гациского—выдающегося исследователя нашего края, этнографа, экономиста, статистика, фольклориста, очеркиста, зачинателя областной печати.

Знаток нижегородского Поволжья, А. С. Гациский горячо любил свой край, отдавал все силы изучению прошлого и настоящего Н. Новгорода.

О любви А. С. Гациского к Нижегородскому краю говорит следующее место из очерка „На Сундовике“. Как-то, сойдя темной ночью на пристани в Работках, Гациский встретился с неудобствами и позднее так описал свои ощущения: „И смотря на удалявшийся от нас пароход с его комфортом, я, конечно, как и всегда в подобных случаях, припомнил слова Щедрина о том, как у нас, слезая с парохода или выходя из железнодорожного вокзала, немедленно погружаешься из Европы в Азию. . Я лично, однако, и тут бываю совершенно счастлив, потому что горячо люблю Европу, но не менее, если не более, горячо люблю и мою Нижегородскую Азию“...

Гациский был типичным выразителем идей прогрессивной интеллигенции конца пятидесятых и начала шестидесятых годов, он положил основание публицистической работе в Нижегородском крае, являлся редактором неофициальной части „Губернских ведомостей“, ведя на страницах этой казенной газеты борьбу с темнотой и невежеством, освещая ряд вопросов культуры.

Гациский сумел привлечь к сотрудничеству в газете группу корреспондентов из Сергача, Лукоянова, Городца, Балахны. Он не устал призывать и убеждать, что „служение местной печати может быть своего рода поэтической миссией, достойной того, чтобы с любовью посвящать ей свои силы“.*

Деятельность Гациского, превратившего позднее и частный „Ярмарочный листок“ в содержательную газету, а потом корреспондировавшего в „Камско-Волжскую газету“,—все время сталкивалась с цензурными препонами и рогатками. Запрещения отдельных статей, закрытие газет, в которых сотрудничал А. С. Гациский,—все это волновало и угнетало публициста, заставляло его тяжело переживать свое почти одинокое положение. Но он не сдавался, работал все напряженнее, готовил объемистые сборники трудов статистического комитета.

* „Нижегород. губернские ведомости“, № 3, 1869 год.

„Нижегородский сборник“ (первый том вышел в 1867 году) освещал многообразные вопросы крестьянской жизни, земского дела, судебно-медицинской статистики, торговли на нижегородской ярмарке, народного творчества, этнографии и истории края.

Следует отметить, что усилиями Гациского-редактора были подготовлены и выпущены в свет целые десять томов „Нижегородского сборника“ с описанием жизни многочисленных сел и деревень Нижегородской губернии, с материалами времен крепостничества, с интересными картинами истории, запечатленными в „сказаниях иностранцев о Нижегородском крае в XV—XVI столетиях“.

В 1890 году выпуск „сборника“ прекратился, вследствие отсутствия денежных средств у редактора. Не нашлось никого, чтобы целиком поддержать ценнейшую инициативу исследователя-историка.

Земское статистическое бюро, где работал с 1886 года его организатор А. С. Гациский, проводило соби́рание сведений о ценах на хлеб, на землю, на рабочие руки, об имущественном состоянии крестьянской семьи и т. д.

Земская статистическая деятельность высоко оценивалась В. И. Лениным. Известно, что, работая над книгой „Развитие капитализма в России“, он использовал и „Нижегородские сборники“, редактированные А. С. Гациским.

По замыслу и предложению Гациского была создана в Н. Новгороде ученая архивная комиссия, исторический музей и специальная библиотека. Председателем архивной комиссии А. С. Гациский состоял до самой своей смерти в 1893 году.

Характерно, что за гробом Гациского шел тот „простой люд“, те интеллигенты, те люди из народа, которым исследователь отдал всю свою жизнь. В. Г. Короленко, говоря над гробом Гациского о значении его трудов, указал, что пример этой жизни, с которой мы здесь прощаемся в последний раз, учит нас, его товарищей на литературной ниве, соединять с нашим словом живое дело любви и самоотречения. А бывших товарищей и преемников его в практической области она учит уважению к возвышающей мысли и к ее могучему орудию—печатному слову, без которых всякая практика мертва и безжизненна. Таков благородный завет человека, имя которого прочно сохранится в истории края, которому он отдал безраздельно всякую мысль, всякое слово, всякое дело своей жизни“...

Этот безусловно справедливый отзыв великого писателя-гуманиста сохраняет свою силу и для нас, советских людей, взирающих с благодарностью на ту огромную и положительную работу А. С. Гациского, которая весьма полезна и нужна для всех, кто изучает прошлое.

Всякий исследователь прошлого нашей области должен использовать богатое наследство А. С. Гациского. Освоение его опыта даст очень многое. Краеведческой, подлинно-научной работы, сейчас—непочатый край. И мы думаем, что настоящий сборник поможет в деле создания новых трудов советских краеведов. Такова задача предлагаемой читателю книги, выпускаемой в память об Александре Серафимовиче Гациском.

ПАМЯТИ А. С. ГАЦИСКОГО*

I

15-го ноября 1847 г. в № 71 „Нижегородских губернских ведомостей“, в отделе, озаглавленном „О приехавших и выбывших с 8-го по 12-е ноября“, отмечено прибытие в город Нижний лекаря Серафима Гациского, который, впрочем, по ошибке наборщика или отметчика назван Гацынским. Вместе с ним водворились в городе: его жена и сын Александр, девяти лет¹.

Серафим Гациский происходил из польского рода Дахновичей². Одному из его предков, Григорию Дахновичу, пожаловано польским королем Сигизмундом III имение Гацищи (гать, гатище) за какие-то услуги при осаде Смоленска. С тех пор Дахновичи стали прибавлять к фамилии кличку (przydomek) Гациский.

Жена лекаря и мать нашего писателя Александра Серафимовича Гациского, Генриетта Свобода, была дочь французского эмигранта³. Настоящая фамилия ее отца осталась неизвестной. Свободой он назывался потому, что приобрел за несколько франков у чеха Свободы узаконенный паспорт, с которым и прибыл в Россию. Здесь он поселился в Ревеле и унес с собой в могилу тайну своей прошлой жизни. Был ли это аристократ, бежавший от преследования конвента, или, наоборот, ярый якобинец, имевший основание молчать о своей деятельности перед русским правительством, благопритествовавшим аристократической эмиграции, — сказать теперь невозможно. Несомненно только одно, что мальчик Александр Гациский, прибывший с отцом в Нижний-Новгород

* Речь, читанная в годовщину смерти А. С. Гациского.

в ноябре 1847 г., наследовал часть польского гербового шляхтича, часть же французского выходца времен революции, женившегося, вдобавок, на ревельской немке. В шутливой „Некрологии старца Александра“ (написанной к своему литературному юбилею в 1889 г.) сам Александр Серафимович отмечает то обстоятельство, что юные годы его протекли под многоразличным воздействием нескольких национальных начал: „польского (от отца), французско-ревельского (от матери), французско-швейцарского (от гувернера-воспитателя m-r Jacot) и чисто российского (от няни Аграфены Кирилловны Ореховой)“⁴.

Чрезвычайно интересно отметить эти, так сказать, космополитические черты в биографии человека, которому впоследствии суждено было стать истинно-типичной, бытовой фигурой, не просто русской, но даже специально областной, „человеком нижегородского Поволжья“.

В 1849 г. Александр Гациский поступил в нижегородскую классическую гимназию, а по окончании севастопольской кампании был уже в казанском университете. В „Нижегор. губ. ведомостях“ за 1865 г. (№ 23) помещены воспоминания Гациского о С. В. Ешевском⁵, профессоре сначала казанского, а потом московского университета. Он читал историю после проф. Иванова⁶, который вел свои лекции в стиле Шевырева⁷, приподнятом и исполненном искусственного патриотического пафоса. Сам бывало плачет, и аудитория ревет, — шутивно вспоминали впоследствии бывшие его слушатели. Нам трудно теперь понять этот условно-патриотический тон, с вечно-готовым пафосом, с слезами, проливаемыми ежегодно в таком-то месте литографированных записок, — но до Севастополя он, очевидно, был в моде и пользовался правом гражданства. После этих бурно-пламенных чтений первая лекция молодого профессора, говорившего просто и ясно, без громов и литавров, без воплей и слез, произвела на слушателей впечатление ошеломляющей неожиданности. „Мы не знали, — вспоминал впоследствии Гациский, — что это такое: необыкновенно хорошо, или уже никуда не годится“. Дальнейшие чтения определили окончательно отношение аудитории к профессору: это было свежее веяние нового критического направления в истории, вносящее ясное и простое освещение в область, загроможденную до тех пор бутафорскими принадлежностями ложно-классического маскарада. Из школы Ешевского вышел, между прочим, известный историк

Бестужев-Рюмин⁸, и Ешевский же, несомненно, способствовал зарождению той исторической струйки, которая впоследствии являлась преобладающей чертой умственного склада Гациского и его товарищей.

К этому следует, разумеется, прибавить влияние общерусской атмосферы того времени, полной свежих стремлений и надежд. Этот период общественного пробуждения, совпадавший с определяющим периодом жизни самого Гациского, наложил на него характеристический и ясный отпечаток, проникавший до последних дней все отрасли его общественной деятельности. Очень важно также то обстоятельство, что эти годы застали Гациского в стенах именно провинциального университета. Эпоха умственного подъема и пробуждения идеальных стремлений сказалась несколько различно на учащейся молодежи столиц и провинции. В то время как в Москве и Петербурге умственное движение принимало характер широко философский и до известной степени космополитический, — в провинциях оно окрашивалось областными оттенками. На юге пробуждались украинофильские симпатии, в Казани пылкий Шапов⁹ разыскивал земские и областные начала в истории русского народа...

Если прибавить, что в Нижнем уже в сороковых годах работал талантливый этнограф П. И. Мельников¹⁰ и что отец Гациского в юности принадлежал к Обществу филаретов¹¹, — то этим мы можем закончить далеко не полную, конечно, характеристику той умственной и нравственной атмосферы, среди которой вырос А. С. Гациский. В бумагах, оставшихся после его смерти, есть автобиография, назначенная для словаря г. Венгерова, и подробный дневник, исписанный необыкновенно мелким почерком и доведенный до 70-х годов. Из них мы наверное узнаем много интересного о том умственном настроении, из которого возникло основное и определяющее стремление всей жизни А. С. Гациского и некоторых его сверстников, отдававших, как и он, свои силы на служение не существовавшей еще тогда областной прессе.

Повидимому, уже в то время, когда, только-что покинувший университетскую скамью, он стоял, как сказочный герой, на распутье разных жизненных дорог, — эта руководящая идея была в нем сознательной и впоследствии почерпала только новую крепость в потраченных усилиях, в испытанных удачах и неудачах. Она же заставила его вернуться в Нижний из столицы, куда

он направился тотчас же после окончания университетского курса.

В той же шуточной „Некрологии старца Александра“, о которой я упоминал выше и из которой почерпнул эти биографические сведения, Гациский говорит, что „в Казани, по слабости характера и под влиянием некоторых порочных товарищей, он предался страсти к увеселениям в пределах, благоразумием не дозволяемых“. Увы!—это также черта, в большей степени присущая провинциальным университетам, и надо думать, что увлечение это, в те времена гомерических кутежей и „олимпийского“ похмелья, кончавшихся по большей части прозаическим запоем, действительно начинало принимать размеры довольно опасные. По крайней мере опасением печальных последствий сам Гациский объясняет свое переселение в Петербург, где природное благоразумие, врожденная порядочность и склонность к серьезным умственным интересам встретили, повидимому, более благоприятную почву. Здесь-то, познакомившись с В. Курочкиным, редактором „Искры“¹², Александр Серафимович напечатал (3-го июля 1859 года) свою первую литературную работу — беллетристический очерк „Записки офицера“. Произведение это, написанное, правда, литературно и бойко, не блещет, однако, никакими художественными достоинствами. Между тем, разбирая бумаги покойного, я нашел письмо, писанное ко дню 30-летнего юбилея Гациского, в котором автор вспоминает, что „Записки офицера“ ходили в Нижнем в рукописных списках¹³. Надо думать поэтому, что уже в этом первом опыте было нечто, затрагивавшее какие-то живые тогда, хотя и замолкшие струны. И очень может быть, что если бы автор пошел дальше по этой дороге, то он выработался бы в хорошего рассказчика или беллетриста-этнографа. Нужно, однако, сказать, что выдающейся чертой литературной физиономии или, вернее, литературной судьбы Гациского является то обстоятельство, что ему не пришлось избрать окончательно и бесповоротно ни одного литературного жанра. Об этом мне придется еще говорить впоследствии, а пока отмечу только, что еще два очерка („Музыкальные воспоминания“ и „На именинах“), появившиеся в „Искре“ в том же 1859 г., являются последними попытками Гациского в этом роде. Впоследствии беллетристическая жилка сказывалась разве в том своеобразном стиле, исполненном описаний природы и лирических отступлений, в котором написаны

многие статьи Гациского — этнографического и исторического содержания. После этого он окончательно избирает свой путь и возвращается в 1861 г. из Петербурга в Нижний, в качестве чиновника особых поручений при губернаторе Одинцове и, вместе с тем, в качестве редактора „Нижегородских губернских ведомостей“¹⁴.

II

Оживлять „Губернские ведомости“! В то время эта задача имела свое специфическое значение для людей, работавших в провинции. Дело в том, что губернские ведомости исчерпывали собою, за незначительными исключениями, всю наличную провинциальную прессу. Из этого совершенно ясно, что всякому, кто, подобно А. С. Гацискому, решил отдать свое перо на служение областной прессе,— предстояло прежде всего ведаться с единственным ее органом.

На этой почве происходили частые драмы или, скорее, трагикомедии. Тут был бы прежде всего просвещенный администратор, благосклонно желающий, чтобы в „его крае“ процвели искусства и науки вообще и печатное слово в частности. Тут были бы, во-вторых, более или менее умные и талантливые (но и несколько наивные на наш нынешний взгляд) представители губернской интеллигенции, которые с жаром и пылками надеждами принимались за „неофициальный отдел“, представляемый в их распоряжение. В первом действии — общее благоволение и призывы „к совместному труду на пользу края“. Во втором — появление первого обновленного и „оживленного“ номера, знаменующего начало процветания местной прессы. Потом — первые тучи на ясном небе. Одной стороне казалось, что достаточно доброго желанья, чтобы все процвело в „вверенном крае“ и что теперь „темные стороны“ могут существовать разве только в соседних губерниях. Другая ждала, что ей позволено будет раскрывать „бедность и несовершенство нашей жизни“ и призывать лучшее будущее. На этой почве взаимные недоразумения растут, как грибы, „оживление“ вскоре кончается среди обоюдного охлаждения и недовольства, неофициальный отдел исчезает или принимает чисто канцелярский характер, и губернский орган опять издается для одних только шкафов волостных правлений, где благие начинания находят веч-

ное успокоение, рядом с волостными книгами договоров, пустыми полуштофами и огрызками колбасы...

Хорошо еще, если в результате „оживления“ не оказалось какой-нибудь безнадежно разбитой служебной карьеры... То же, в конце-концов, постигло и нижегородский губернский орган, хотя, правда, редакторская деятельность Гациского на первое время встретила с внешней стороны более благоприятные условия. Губернатор А. А. Одинцов¹⁵ (1861—1873 гг.), сменивший декабриста Муравьева¹⁶, представлял собою тип губернского администратора довольно редкий и в наше время, пожалуй даже в наше время особенно. Мы можем только вздыхать, вспоминая, что были когда-то и такие губернаторы! Впоследствии, уже оставляя губернию, он в шуточной речи на прощальном обеде сам охарактеризовал свою губернаторскую деятельность: „своим десятилетним управлением, — сказал он, — я доказал ясно (и это моя главная заслуга), что губерния могла десять лет отлично обходиться без губернатора“¹⁷. Это, конечно, была шутка, и А. С. Гациский, упоминая об этом в своем сборнике („Люди нижегородского Поволжья“), приводит несколько случаев, когда присутствие в губернии губернатора Одинцова сказывалось довольно ощутительно. Но все это были случаи, так сказать элементарные, когда приходилось восстановить какое-нибудь нарушенное равновесие или какие-нибудь попранные законные интересы. Когда равновесие восстанавливалось и закон опять вступал в свою силу, — губернатор Одинцов устранялся, и губернатора Одинцова как будто не было видно. Он не думал, что во „вверенном крае“ все должно от него исходить и к нему устремляться, что самые злаки не могут произрастать без того, чтобы администрация не подтягивала их из земли кверху, и что право на дальнейшее существование имеет лишь то, что зародилось по его особому благословию в узком пространстве, освещенном специальным губернаторским вниманием. Одинцов, повидимому, верил в силу простого солнечного света, и всякое обывательское начинание, не вступавшее в прямое противоречие с существующими узаконениями, пользовалось, если не административной поддержкой, то тем, что часто бывает лучше такой поддержки, — полной терпимостью. „Поддержка“, даже самая энергичная, — по необходимости узка и одностороння, тогда как терпимость дает сразу простор естественным силам по всей поверхности местной жизни.

Это очень удобно для края, но не особенно выгодно для личной репутации администратора. В то время как другие наполняют местную историю своей предприимчивостью и энергией до такой степени, что начинает казаться, будто самого края не существует и все живет и движется блестящей деятельностью одного лица, — Одинцовы проходят незаметно, как будто в это время „губерния в самом деле была без губернатора“. Их торжество — торжество закона, законных интересов и тому подобных безличных начал. И когда дело сделано, когда никто не кричит караул, и то, что родилось само, само же пытается расти и крепнуть, — то мы и не вспоминаем об администраторе, как будто все так и шло всегда в этом мире, где есть дожди и солнце, трудолюбивые земледельцы и обрабатываемые ими нивы, предприимчивые коммерсанты и промышленность... И только внимательный взгляд различит в окончательном результате „отрицательной“ деятельности Одинцовых — приросты и плюсы в самой жизни; тогда как в результате иной необыкновенно „блестящей“ личной энергии и предприимчивости так часто открываются изъяны и недочеты. Уйдет такой энергичный администратор, и тотчас же все меркнет. „Блестящая страница“ кончилась, и мы видим, что многочисленные и разнообразные процветания охватили узенькое искусственно освещенное пространство, а зато многое, зарождавшееся силою самой жизни, погибло и увяло; что таких безвременно погибших начинаний бесконечно более, чем принявших жизнь от личной энергии; что, наконец, обыватель утратил за это время значительную долю и без того небогатых запасов инициативы, которыми его наделила история, и по приобретенной привычке даже самому факту восхождения солнца готов поверить не иначе как по соответствующем о том извещении с пожарной каланчи или из полицейской будки.

Редакторская деятельность А. С. Гациского в Нижнем-Новгороде почти целиком совпадает с периодом губернаторства Одинцова. Но уже один из ближайших его преемников (гр. Кутайсов)¹⁸ подготовил Гацискому одну из тех неожиданностей, которые у нас принято называть „печальными недоразумениями“. К счастью, в это время гр. Кутайсова сменил гр. Игнатъев¹⁹, который нашел, что этот „опасный человек“ есть наоборот человек очень благонамеренный и полезный. В бумагах покойного писателя сохранились указания на эти в высокой сте-

пени интересные страницы его биографии, но это не входит в задачи этого очерка, и мы обратимся теперь к изложению опыта Гациского по насаждению местной прессы.

III

В темах и запросах недостатка, разумеется, не было. В обществе совершался перелом, требовавший живого и умного слова, разъясняющего новые жизненные отношения. „Чем еще недавно занято было наше общество? — спрашивал А. С. Гациский в одной из своих статей („Губ. Вед.“ 1862 г. № 28).—Только и разговоров было, что кто сколько визитов сделал, да кто сколько полек без передышки отхватил, да о том, что в пиесе „Полковник старых времен“ очень выгодно выказываются формы г-жи Н. Нынче же прислушайтесь к разговорам: кто говорит о новых судах, кто о волостных судах, кто о суде присяжных“²⁰. Но самая техника областного слова была слаба и недостаточна для удовлетворения этих запросов. Идеи искали своих людей и часто не находили. „Неужели, — спрашивает Гациский в № 50 тех же „Губернских ведомостей“, — в целой губернии не найдется трех-четырех, человек, которые своим сотрудничеством помогли бы Губернским ведомостям подняться?“²¹ Это настоящий вопль живого, интеллигентного человека, испуганного своим одиночеством. А между тем, неужели тогда в самом деле не было людей? Если говорить специально о прессе, то ведь столичная пресса именно с этого времени превращается из забавы словесностью в серьезную общественную силу. Это правда, но правда также и то, что пишущих людей, в общем, было немного, и все, что было, схлынуло в столичные органы. Провинциальная же пресса оставалась еще без деятелей. Обновленному губернскому органу нужно было еще разыскивать своего писателя и приучать к себе читателя медленно и с трудом.

А вот каковы были внешние условия работы А. С. Гациского. В распоряжении его (как редактора „неофициальной части“) состоял в то время один наборщик. Этот труженик, разделявший с молодым редактором задачу оживления губернского органа прессы, — „должен был и набрать №, и выставить его в станок, и выправить корректуру, и потом разобрать литеры, так как без этого, по скудости кассы, ее не достанет на следующую

щий №²². К тому же этот типографский геркулес, выносивший на своих плечах прессу целого края, — оплачивался очень скудно, и у редактора нехватало духа предъявлять слишком большие требования к своему единственному наборщику, скромному труженику, самое имя которого осталось, к сожалению, совершенно неизвестно.

Как бы то ни было, „оживление“, хотя и не особенно бойкое, все-таки происходило. Появлялись статьи о театре, о местных событиях, отмечался ход крестьянской реформы. И главное — затеплился огонек, на который понемногу потянулся обыватель-корреспондент из уездных захолустий: Сергача, Лукоянова, Городца и Балахны. Интересно и даже трогательно в наше скептическое время перечитывать эти первые, еще робкие опыты местной публицистики. Отречение от старого и самая наивная вера в близкое будущее водили пером захолустного корреспондента.

Не могу отказать себе в удовольствии привести для примера корреспонденцию из Балахны („Губ. вед.“ № 7, 1863 года).

„Вперед, вперед, наш длинный, но узкий городок! Пусть в жизни твоей только одна местность стесняет ширину твоего населения, и то потому, что ты прибрежное детище Волги!. Твое древнее достояние — солеварни, чуть не допотопного устройства — обряжаются ныне в новые удобнейшие формы; их пробудила наука, передавшая тебе свое знание через морского инженера В. П. Васильева... Ты завел у себя библиотеку, и только ждешь преобразования по управлению городскими суммами, чтобы исправить необходимые пути сообщения... О, много, много талантов в тебе, дорогой наш город!..“²³

И т. д. Интересно, между прочим, что вся эта пылкая тирада — только вступление к рецензии о любительском спектакле, к которому автор и переходит, замечая, что после таких подвигов на пути прогресса город имеет право отдохнуть и повеселиться...

Очевидно, предавая тиснению эти балахнинские, сергаческие и другие восторги, редакция имела в виду поощрение своих бескорыстных корреспондентов, и было бы несправедливо думать, что этими излишествами ограничивалась местная публицистика того времени. Несмотря на узость рамок, в ней пробивались уже и другие, более серьезные ноты, встречались попытки разъяснения на новых началах жизненных отношений. Для примера мы

возьмем статью другого органа, редактировавшегося тоже Гациским. В „Нижегородском ярмарочном листке“ было помещено объявление о конторе г. Лика для найма и рекомендации прислуги. В наше время такие конторы открываются с соответствующего разрешения полиции и без дальнейших околичностей приступают к взиманию соответствующей mzды за комиссию. Но в те наивные времена каждое новое дело ставилось принципиально и не обходилось без некоторого пафоса. Поэтому и г. Лик в своем объявлении прибегает к примерам просвещенных стран, говорит и об общественном благе, и о прогрессе, и чуть не „о любви к отечеству и народной гордости“. А. Г. (инициалы Гациского), отмечая новое учреждение в фельетоне о ярмарке, — обращает внимание на одну сторону, упущенную из виду Ликом, обещавшим всевозможные гарантии и справки о поведении прислуги — нанимателю. Хорошо, — писал по этому поводу Гациский, — но отчего же нет речи о гарантиях и справках для нанимающихся? „Кто бы ни был нанимающийся, — гувернер или кучер, управляющий имением или дворник, — он должен иметь в акте условия одинаковые права с нанимателем. Что такое наем? Если это *обоюднo-свободное* условие одного лица с другим... то оно должно существовать на тех же основаниях, как и всякий разумный договор двух заинтересованных сторон, со всеми разумными последствиями. Если договор такого рода, что требует непременно гарантий, гарантия необходима с обеих сторон. А если все это так, то странно, что накладывая своего рода *main morte*²⁴ на нанимающегося, г. учредитель не допускает недобросовестности нанимателя. А ведь это легко может случиться“²⁵.

Я полагаю, что эта простая мысль не утратила своей свежести еще и в наше время, когда в значительно выросшей российской прессе вновь и неоднократно подымается все тот же „вопрос о прислуге“.

... Само собой разумеется, что рамки губернского органа очень скоро оказались тесны для нарождающейся провинциальной публицистики. Отсюда — постоянное стремление выйти из пределов узкой программы, стремление, не у всех встречавшее такую благосклонную терпимость, как у губернатора Одинцова. Уж в 1864 году следует в этом смысле внушительное указание из Петербурга. В статье 17-го номера „Губернских ведомостей“ (25 апреля 1864 г.) А. С. Гациский высказывает несколько мыслей о благотворительности. Общие заключения автора

в высшей степени скромны, даже скорее робки, чем умеренны. Нам теперь трудно понять, что собственно вредного предполагалось в этой статье, проводившей мысль, что обществу и правительству еще очень долго придется смягчать последствия нищеты посредством благотворительности, не касаясь основных причин этого явления. Факт, однако, тот, что эта статья подала повод к собственноручному письму министра внутренних дел П. А. Валуева²⁶ (как кажется, принципиального противника областной прессы) на имя губернатора Одинцова.

С этих пор статьи подобного общего содержания в „Губернских ведомостях“ (по крайней мере временно) прекращаются.

Тем, конечно, с бóльшим напряжением стучатся они в другие двери и ищут другого помещения, по возможности в частной газете.

IV

Первою частною газетою нижегородского Поволжья явился „Нижегородский справочный ярмарочный листок“, принадлежавший некоему Мельгунову^{*27}.

Интересная черта к истории областной печати. Повидимому, высшая администрация того времени смотрела на провинциальную газету, как на праздную затею, совершенно излишнюю и, пожалуй, вредную, причиняющую сверхсметные беспокойства цензурному ведомству. Поэтому добиться права на издание частной газеты в провинции и в то время было почти невозможно.

Первые отступления от этого общего правила были сделаны в пользу торгово-промышленных интересов. Потребность в органе „объявлений, биржевых и других справок“ представлялось до такой степени осязательной и реальной, что отказать в основании такого органа в сколько-нибудь крупном промышленном городе было почти невозможно. Вот почему заглавия „N-ский биржевой листок“ или „N-ский листок справок и объявлений“ являются прототипами провинциальных газет в первом периоде. Скоро, однако, сама жизнь указывает на то, что действительная потребность лежит совсем не здесь. Торгово-промышленные листки ведут самое жалкое существование, издание не окупает даже бумаги и печати, и владельцы обращаются с жалобными просьбами о расши-

* Издавался с 1860 до 1863 года. (Примечание автора).

рении программы, тогда перед администрацией встает другой „реальный интерес“; издатель разорился и просит дать возможность вернуть затраты. Если этот понятный и осязательный мотив встречает признание, то слова „биржевой“ или справок и объявлений“ начинают печататься в заголовке все меньшим шрифтом, пока не атрофируются совершенно и пока из „N-ского биржевого листка справки и объявлений“ не сделается просто „N-ский листок,—газета литературная и политическая“. Если же почему-либо просьбы остаются без последствий,—то бедный орган увядает и падает, как осенний листок, иссохший от недостатка питания, без живой связи с почвой...

Эту печальную историю испытал на себе и Мельгунов, издатель „Нижегородского справочного ярмарочного листка“. В течение трех лет он боролся с равнодушием торгово-промышленного класса, во имя которого только и получил разрешение. Все его жалобные слезницы о расширении программы встречались в Петербурге полнейшим равнодушием. Тогда-то он обратился к содействию А. С. Гациского и А. П. Смирнова²⁸, бывших в то время членами статистического комитета и стоявших в центре местной интеллигенции. Для оживления умирающего органа они сообща прибегли к чрезвычайно сложной и запутанной комбинации.

С 1863 г. Мельгунов по договору передает свою газету статистическому комитету, как учреждению официальному, которому, очевидно, легче было добиться расширения программы.

Затем губернский статистический комитет, по новому договору, сдает газету Мельгунову в аренду. И в довершение всей этой юридической путаницы фактическое редакторство все-таки переходит к А. С. Гацискому и А. П. Смирнову, как членам статистического комитета. Эта невинная хитрость со стороны кружка местных писателей, имевшая очевидную целью—провести первую частную газету под официальным флагом, вначале послужила несчастному „Листку“ на пользу. Целый ряд постепенных ходатайств со стороны комитета, поддержанных благосклонным сочувствием губернатора Одицова, был уважен. Газета получала новый отдел за отделом, не исключая даже „политических известий“, под условием, однако, заимствования таковых из официальных петербургских изданий. С 20-го июня 1870 г. Мельгунов, по ходатайству все того же губернского коми-

тета, получает разрешение откинуть эпитет „ярмарочный“ и выпускать газету круглый год, а не в ярмарочное только время.

Однако, уже с конца 60-х годов отношение к „Листку“ изменяется к худшему. В целом ряде бумаг на имя губернатора главное управление по делам печати отмечает постоянные погрешности газеты. То, в одной статье, „преувеличенно и тенденциозно“ трактуется о бедности учащейся семинарской молодежи, то, в другой,— как бы оправдывается народное пьянство ссылкой на изречение св. Владимира („веселие есть Руси пити“) и т. д., и т. д. Если вспомним, что в те времена более или менее беспрепятственно печаталось в столичных изданиях,— то самая ничтожность этих обвинений покажет красноречиво, что для областной печати существовали совершенно иные мерки. Впрочем, гораздо проще дело объясняется несколько ироническими сентенциями, сопровождающими почти каждое из этих указаний. „Нельзя не заметить, что все это не входит в утвержденную программу издания“. Действительно, несмотря на значительное, повидимому, расширение, программа „Листка“ всетаки оставалась еще очень узкой, и статьи руководящего характера, обозрения и фельетоны проходили только благодаря терпимости местной цензуры. Теперь газете показывали ясно, что вперед она должна держаться строго в пределах программы, а в дальнейшем ее расширении отказывали категорически. Наконец, в 1872 году (4-го июля) последовало совершенно точное и, к сожалению, довольно справедливое замечание, что издание частной газеты „общелитературного и политического направления“ отнюдь не входит в задачи губернского статистического комитета, почему и предлагается последнему окончательно выяснить отношения свои к изданию, не возобновлять с Мельгуновым контракта и обратить газету в действительный орган комитета для печатания трудов последнего.

Само собой разумеется, что это равнялось фактическому закрытию газеты, и уже к следующему году „Листок“ прекратил свое существование, длившееся при указанных очень тяжелых условиях ровно десять лет. К этому времени ему, очевидно, удавалось постепенно одолевать внутренние препятствия (отсутствие сил и равнодушие публики): он вырос в объеме и выходил уже круглый год, по 4 раза в неделю...

К этому следует прибавить еще один эпизод, в кото-

ром, правда, Гациский не играл непосредственной роли, как в предыдущих случаях, но в котором, однако, он принимал близкое участие.

В 1872 году, т. е. как раз в то время, когда судьба „Нижегородского листка“ уже выяснилась, и он доживал последние дни — в Казани кружок местных писателей, товарищей Гациского, стал издавать „Камско-Волжскую газету“. Редактором-издателем был Н. Я. Агафонов²⁹, ближайшими сотрудниками — Пономарев и К. Лаврский³⁰ в Казани.

А. С. Гациский, уже в то время пользовавшийся известностью в качестве провинциального писателя и издателя „Нижегородского сборника“, принимал в газете тоже очень деятельное участие. Это была первая газета Поволжья с более или менее полной программой и располагавшая сложившимися и совершенно достаточными литературными силами. Велась она талантливо и литературно, сразу заняла очень видное положение, в особенности пылким, настойчивым, горячим и обстоятельным выяснением памятного самарского голода в 1873 году.

В лице „Камско-Волжской газеты“ печать Поволжья делала огромный шаг, оставляя далеко позади тот тип газеты, с которой приходилось иметь дело Гацискому. Времена для областной печати назревали быстро, и новая казанская газета показала, что провинциальный орган может играть очень важную и много определяющую роль в критические моменты местной жизни.

К сожалению, непривычка к этой роли областной прессы была еще очень сильна, и то самое, что составило силу газеты, послужило к ее гибели.

Уже в 1874 году цензура „Камско-Волжской газеты“ была перенесена — в Москву. Разумеется, сообщать новости, которые, ранее своего появления, должны были предварительно съездить в Москву и потом вернуться обратно, — это было равносильно гибели газеты.

Издатель, г. Агафонов, отправился в Петербург и там горячо изложил все практическое неудобство для издания этого порядка цензуры.

Покойный М. Н. Лонгинов³¹ выслушал очень холодно это объяснение и ответил сухо, что все это — для него совсем не новость. Агафонов понял, вернулся в Казань, и юная газета была закрыта в 1874 году, существовав только два года...

Так кончились попытки А. С. Гациского по насаждению органов печати в провинции,—попытки, которым он отдал десять лучших лет своей жизни. Можно было подумать, что после всех этих усилий, таких настойчивых и все-таки напрасных,—он стоит опять у своего исходного пункта...

Уже в 1869 году,—в период наибольшего внешнего давления на оба редактируемые им органа,—в „Губернских ведомостях“ А. С. Гациский высказывал мнения о задачах провинциальной печати, проникнутые некоторым унынием и пессимизмом. Он распространяется здесь о центростремительном влиянии столиц, отнимающих у провинции лучшие силы, о внешних и внутренних препятствиях, мешающих развитию областной печати. Из всего этого делался вывод, что провинциальная печать надолго еще должна ограничиваться собиранием бытового, этнографического и экономического материала. Уже из этого видно, что в сущности А. С. Гациский не был совсем журналистом. К этому времени его имя, почти неизвестное в качестве публициста вне пределов Нижегородского края, начинало приобретать известность в специальной области, как имя знатока исторической и бытовой стороны местной жизни. Его „Сборник в память первого статистического съезда“ и его „Нижегородский сборник“, изданный в 1875 году уже в составе четырех больших томов, обращали на него внимание специалистов, а также всех, работавших в том же направлении в провинции. Кабинетная складка его ума брала свое, и совершенно понятно, что, отдаваясь сам с любовью и видимым успехом изучению старины и нейтрального бытового материала, он был склонен увести в минуту уныния свое любимое детище — провинциальную газету — в эту безмятежную и совершенно несродную ей область.

Однако, уже пример „Камско-Волжской газеты“, с ее молодой, может быть, неопытной, но кипучей и живой деятельностью, с ее влиятельным участием в вопросах повседневной жизни, — выводит А. С. Гациского из этого настроения, и возникшая в 1875-6 годах оживленная полемика по вопросу о задачах провинциальной печати застаёт его опять исполненным самой пылкой веры в свое дело.

Сколько мне известно, вопрос этот принципиально ставился в нашей прессе два раза. О первом из этих слу-

чаев еще в 60-х годах упоминает А. С. Гациский в заметке, помещенной в „Губернских ведомостях“. К сожалению, подробности этой полемики мне неизвестны из подлинных источников, а это было бы любопытно, тем более, что на одной стороне был Аксаков. Интересно, однако, что спор ставился очень круто. Одна из сторон доказывала, что провинции не нужны и невозможны в ней свои газеты. Так как в губернских городах нет вовсе умственных интересов, то им достаточно официальной части губернских ведомостей, из коих обыватель может узнать последние распоряжения своего начальства.

Полемика семидесятых годов отличается от этого эпизода настолько же, насколько провинциальная печать этих годов отличалась от своих эмбрионов предыдущего десятилетия.

В 1875 году в журнале „Дело“ (кн. IX и X) появились статьи Д. Л. Мордовцева³² под заглавием „Печать в провинции“. Это было время, когда были в ходу широкие обобщения, заключающие от явлений биологических к общественным. В качестве посылки, автор взял указание одной статьи Эли Реклю³³: „большие рыбы стремятся в большие моря, крупные инфузории — в большие стаканы“. Отсюда получился чуть не универсальный закон всякой общественности, по которому все выдающееся стремится к крупным центрам. „Вот,—прибавлял от себя Д. Л. Мордовцев,—та страшная сила, которая налагает руку на провинциализм во всех его видах... в том числе на провинциализм литературный... Ясно, что и печать вместе с человеком будет тяготеть к центрам, городам, а провинции должны оставаться вдовствующими во всех отношениях“.

Правда, эти жестокие по своей категоричности выводы были обставлены в статье Д. Л. Мордовцева многими ограничениями и даже прямо противоречиями. Между прочим, статья заключала в себе интересные указания на существование целых шести заметных фракций труженников провинциального слова, работам которых сам автор придавал большое значение. Уже одно это указание довольно красноречиво, особенно же в связи с фактом существования таких провинциальных изданий, как „Камско-Волжская газета“ в Казани, „Дон“ в Воронеже, „Азовский вестник“ в Таганроге, „Сибирь“ в Иркутске, „Киевский телеграф“ в Киеве и несколько других, доказавших свою полную жизнеспособность при условиях более тяжелых, чем условия столичной печати.—Из этого

видно, сколько утекло воды с тех пор, когда Гациский спрашивал с отчаянием: „неужели не найдется у нас 2—3 сотрудников для газеты?“, когда спорили о самой возможности какого-либо материала для губернского издания.

Тем не менее, вопрос опять ставился принципиально, и во многих местах своей статьи Д. Л. Мордовцев предсказывает поглощение и смерть областному печатному слову. Правда, он признает возможность того, что когданибудь процесс централизации превратится в обратный, и тогда литература хлынет в провинцию,— но тут же прибавляет, что „это едва ли когда-нибудь случится“. Затем он указывает факты роста и успеха провинциальных изданий,— но считает их случайными и не имеющими ближайшего будущего. Самое закрытие „Камско-Волжской газеты“ он объясняет не внешними причинами, а тем, что газета взялась судить о вопросах, которые подобает ведать только печати столиц... Затем он кончает ссылками на указанные уже мною мнения А. С. Гациского, как на авторитетное признание ограниченности задач и сферы действия провинциальных изданий.

Полемика, возникшая по этому поводу, в свое время составила очень заметный литературный эпизод. Статья г. Мордовцева, написанная слишком наскоро и довольно сбивчиво в отношении главной мысли, однако не лишенная той талантливой и раздражающей яркости, которая вообще была присуща этому писателю,— задела,— может быть, неожиданно для самого автора — целую серию смежных вопросов. Впоследствии спор локализовался и принял форму диалога между „Отечественными записками“ (Н. К. Михайловский)³⁴ и „Неделей“.

Всякому, кто пожелает изучить настроение и главные течения мысли в 70-х годах, этот полемический эпизод доставляет очень много интересного и живого еще и ныне материала. Для нас, однако, интересна та сторона его, где он касается предмета настоящей статьи, т. е. судеб провинциального слова... В этом отношении любопытны уже те размеры, какие внезапно приняла полемика. Оказалось, что так или иначе, где ползком, где ничком, прямо или обходами и хитростями, провинциальная пресса все-таки уже заняла свое место в русской жизни, и необыкновенный шум, раздавшийся после статьи Д. Л. Мордовцева между прочим в провинции, обнаружил присутствие, в качестве живого и задорного факта, того самого явления, в самой возможности которого еще так недавно сомневались даже писатели. Кроме столичных газет,

в полемике приняли участие провинциальные, начиная „Воронежским телеграфом“ и кончая далекой „Сибирью“. Казань выступила как раз в это время с „Первым шагом“, заключающим между прочим также и пылкую, хотя и несколько наивную отповедь Д. Л. Мордовцеву, и последний в своем ответе („Quos Ego!“³⁵ — „Дело“, 1876, кн. 5-я) приводит даже выдержки по тому же предмету из газеты „Правда“, издававшейся в Галиции. А. С. Гациский выступил в свою очередь с брошюрой „Смерть провинции или нет?“, которая сразу заняла центральное положение среди голосов полемизировавшей провинции и способствовала широкой известности А. С. Гациского гораздо в большей степени, чем вся его предыдущая кропотливая работа. В этой брошюре с некоторой умеренностью, но в других изданиях с значительной резкостью и задором пишущая провинция заявляла уже не только о своем праве голоса, но в иных случаях о праве голоса преимущественного, как голоса областного, как выражения непосредственной жизни страны, — „земли“, вопиющей против канцелярской и бюрократической рутины столиц. Провинциальный писатель, в душе которого накопилось много горечи, далеко, разумеется, не беспричинной, — теперь изливал ее, задетый обмолвкой Д. Л. Мордовцева, на ни в чем не повинного столичного собрата. В этом, конечно, было много наивного. Между прочим, в своей брошюре А. С. Гациский упоминает об одном из своих друзей, выражавшем готовность принести клятву Аннибала в вечной вражде к столичной прессе. „Литератор-обыватель“ в „Первом шаге“ звал самого Мордовцева доказать искренность своих симпатий к областной прессе, бросив столицы для того, чтобы работать только в провинциальных изданиях³⁶. Сам А. С. Гациский в это время, да и после, любил прибегать к сравнению петербургских писателей с департаментскими чиновниками, а провинциальных — с „волжскими бурлаками“.

Как бы то ни было, этот шуточный эпизод был уже последним, в котором вопрос о праве провинциальной прессы на существование ставился принципиально.

Д. Л. Мордовцев отступил перед натиском и впоследствии напечатал в газетах полупокаянное обращение к Гацискому, в котором заявлял, что ошибся, что радуется своей ошибке и даже (выражаясь своеобразным полуархаическим стилем автора) имеет „патент радования“, выданный ему благодушным противником А. С. Гациским, пионером все растущего областного слова...

Так закончилась эта характерная полемика, вынесшая имя Гациского из областной полуизвестности в ту область, где оно стало известным, как имя „пионера областной печати“. Обращаясь собственно к литературной характеристике покойного в тесном смысле слова, приходится сказать с грустью, что после 35-летней литературной работы он не оставил все-таки трудов, на которых в особенности покоилась бы его литературная известность.

... Исторические работы А. С. Гациского, обнаружившие изумительную память и детальное знакомство с историей края, носили всегда характер случайных заметок и справок, слишком специальных, а порой представляли просто сырой материал. Таков его „Нижегородский летописец“ — свод четырех вариантов рукописной летописи Нижнего - Новгорода. Затем мы имеем еще несколько статей исторического содержания, напечатанных в „Нижегородских сборниках“ („На Сундовике, в Жарах и на Сице-реце“ и др.). Это — рассказы о поездках Гациского для ученых изысканий, — в одном случае места битвы на Сити, в другом — могильного памятника кн. Пожарского⁸⁷, в третьем — для раскопок кургана в одном из уездов Нижегородской губ. Все эти заметки написаны в том своеобразном стиле, образец которого дал некогда покойный Погодин⁸⁸ (между прочим, тоже ездивший на берега Сити с той же целью), и со всей непосредственностью кабинетного труженика, на которого всякая мелочь полей, проселочных дорог и сельского быта производит необыкновенно яркое и сильное впечатление. Свет солнца, облако, дорожная встреча и пение птицы на ветке придорожной березы — все это покойный заносил в своей путевой дневник, пересыпая эти описания множеством детальных замечаний исторического и этнографического характера, которые обнаруживали необыкновенные познания в бытовой области местной жизни, но которые вместе с тем являлись случайно, не связанные никакой внутренней связью ни с предметом статьи, ни друг с другом. Что касается до чисто исторических результатов этих изысканий, то они оказывались более чем скудными: точное определение места татарского погрома осталось под такими же сомнениями, как и после поездки Погодина. Курган оказался „натуральным“, а могильная плита Пожарского — простым булыжником, на котором пастухи нацарапали что-то посредством гвоздя.

О характере „Нижегородского сборника“, — капитального и многолетнего труда покойного Гациского, — приходится сказать, что сам он, как писатель, участвовал в нем предисловиями и несколькими статьями, в роде упоминаемых выше. Затем нужно упомянуть о „нижегородском театре“, представляющем материал для истории театрального дела в России, с характеристиками игры забытых давно артистов, затем „Нижегородку“ — нечто в роде путеводителя по Нижнему, и „Люди нижегородского Поволжья“ — маленький сборник довольно сухих биграфий, подобранных тоже довольно случайно.

Вот то, что остается после А. С. Гациского. Передо мной лежит еще библиографический список, составленный самим Гациским с необыкновенной аккуратностью³⁹. И чего только нет в этом списке! И история, и этнография, и беллетристика, и летучая отметка газетного хроникера, и печатная докладная записка по чисто деловому вопросу, и даже — стихотворение!

Наконец, когда после его смерти я приступил, по просьбе близких лиц, к обозрению его бумаг, — меня охватило какое-то жуткое чувство, близкое к ужасу при виде этой необъятной массы сырого материала, которою покойный окружил себя при жизни. Вырезки из газет, исторические брошюры, с отметками на полях и подготовленные для извлечений, тетради с различными выписками, столбы записных книжек и затем — тучи отдельных листков, исписанных торопливым и мелким, как бисер, почерком. „Я собираю и классифицирую материал так, как будто мне предстоит работать до 80 лет“, — говорил покойный. Но мне кажется, что для этого моря литературного сырья не хватило бы десяти жизней, и невольное жуткое чувство проникало в душу, при виде этой пучины, проглотившей даровитого, но одинокого труженика...⁴⁰

В этом истинно-трагическая судьба людей того интеллигентного типа, к которому принадлежал Гациский. Они брались за все, должны были растрачивать свои дарования в областях, часто им несродных, утопали в непосильной борьбе с надвигавшимся со всех сторон материалом, но все-таки выполняли свою особенную миссию.

Это была миссия — „литератора-обывателя“ в лучшем значении этого слова.

Тип этот теперь уже сходит со сцены, недаром Гациский в последние годы почти не участвовал в текущей литературе. Он чувствовал инстинктивно, что его

роль сыграна и его дело сделано. Он видел, как из того эмбриона, который представляла собой его „неразделенная“ тридцатилетняя работа, выделилось, в одну сторону, систематическое, вооруженное всеми средствами науки исследование в виде почвенных исследований и земской статистики, как с другой на смену ему приходили провинциальные публицисты нового типа, успешного из многих зависимостей скинуть с себя хоть одну, опутывавшую деятельность литератора-обывателя.

В той полемике, о которой я говорил выше, провинциальные писатели любили останавливаться на специфических отличиях писателей провинции и сотрудников столичных изданий. Мы видели, что А. С. Гациский с добродушной наивностью любил изображать себя „волжским бурлаком“, как бы в противоположность „департаментским чиновникам“ петербургской прессы, и в предисловии к одному из своих сборников он говорит, что от радости густо смазал свои волосы квасом и надел по-праздничному сапоги бураками. Казанский Литератор-обыватель, в сборнике „Первый шаг“, с бессознательной меткостью коснулся еще одной черты, выгодно, по его мнению, отличающей писателей-областников: „Мы, — писал он, — относимся к литературе бескорыстно. Вы получаете от нее, мы на нее тратим. Вы пишете, чтобы жить, мы живем, чтобы писать“.

Н. К. Михайловский очень остроумно отразил сравнение Гациского. Петербургский писатель далеко не всегда и, пожалуй, даже довольно редко служит в департаменте. С другой стороны, провинциальный писатель довольно часто служит в канцелярии губернатора или в казенной палате. Таким образом, петербургский писатель с таким же правом может считать себя петербургским крючком, как и провинциальный — волжским бурлаком. Дело, очевидно, не в том, где пишет тот и другой, а лишь в том, чьим интересам отдает он свое перо...

Это, без сомнения, совершенно справедливо и бьет в самый центр вопроса; но при этом остается, однако, в полной силе отличие, указанное Литератором-обывателем. Дело именно в том, что петербургский литератор не ходит в департамент и именно потому, что не имеет в этом надобности, так как его уже кормит литература; между тем как провинциальная литература еще никого тогда кормить была не в состоянии, и мнимый „волжский бурлак“, т. е. литератор-обыватель наших провинций, обязывался непременно служить чиновником особых по-

ручений у губернатора, чтобы кормить свое хилое детище.

Только вряд ли это сравнение служило к выгоде провинциальной прессы. Правда, это обстоятельство налагает особую черту бескорыстия и некоторого идеализма на отношения провинциального писателя к его газете и вообще к его изданию. Едва ли до конца жизни А. С. Гациского так называемый литературный гонорар составлял хоть сколько-нибудь заметную статью его бюджета. Наоборот, жалованье чиновника особых поручений при губернаторе Одинцове в значительной части наверное поглощалось нуждами издания. Сколько мне известно, ни одно еще из изданий А. С. Гациского не окупилось, и, значит, все эти начинания требовали затрат, которые не возвращались.

Таким образом, — и в этом главное отличие литератора-обывателя, — он не только жил, чтобы писать, но еще и *служил* для той же цели. Это трогательная черта для его характеристики. Но она же указывает на слабость и зависимость областной печати этого периода...

Если газета живет на средства, получаемые из канцелярии губернатора, — она поневоле и неизбежно подпадает под косвенное влияние канцелярии. Если средством для ее существования является жалованье городского головы, — она опять невольно будет, если не говорить, то молчать в зависимости от партийных соображений. И только газета, которая не кормится от сторонних источников, а сама дает средства своим работникам, является органом независимого мнения, той новою силою, которая, имея собственную точку опоры, действительно движет и поворачивает окружающий ее мир частных своекорыстных интересов... Правда, и теперь провинциальная пресса еще далека от этого положения... И в этом немало виновато ее прошлое: „торговый листок“, даже погибший вначале, все-таки налагает руку на ее будущее: она почти вся в руках издателя-промышленника. Но провинциальный „писатель“, отдавшийся нераздельно одной литературе, уже народился. Он бродит порой из города, в город, подымает значение той или другой газеты, разочаровывается и опять ищет. Он повторяет собой прежнюю историю „оживления“ губернских органов, только роль прежних администраторов играет теперь для него торгош и промышленник... Однако, это уже не относится к нашему очерку...

VII

И для того, что уже достигнуто, потребовалась работа, потребовалась жизнь целого поколения, целого общественно-литературного типа...

В истории каждой национальной литературы есть непременно период так называемого меценатства, своего рода паразитизма, когда, еще неокрепшая, она нуждается в стороннем покровительстве и поддержке. Провинциальная пресса, скромная и неблестящая, нашла его не при дворах и не во дворцах вельмож. Ее, сиротливую и убогую, взял под свое покровительство сам далеко небогатый и неважный литератор-обыватель. Он не получал от нее выгод и поддержки, наоборот — ее он должен был охранять, ее надо было поддерживать. Для нее-то он служил, чтобы охранять ее на два фронта: от предубеждения сверху, от равнодушия и часто косной враждебности снизу.

Таким именно литератором-обывателем был и Гацинский. В той же шуточной автобиографии, которую я уже цитировал ранее, он так рисует собственный портрет: „с годами старец Александр все более приобретал душевного спокойствия, почерпаемого в некоторой мании к нижегородоведению и нижегорододеланию: окружив себя нижегородскими книгами, картинами, планами, картами, иконами, он чувствует себя, как рыба в воде, птица в воздухе, или „крот в норе“. Ступая по стогнам града и почти безошибочно определяя встречающихся ему на пути угольщиков из Красной Рамени, грушевников из Сиухи, штукатуров из Белгородья, столяров-пурехан из Жаров, он находит в этом не малое удовольствие. Считая вообще весь нижегородский край своей научно-литературной вотчиной, закрепленной за ним несколькими давностями спокойного и ненарушимого владения, изучая отдаленнейшие исторические эпохи во второй половине дня, — он был бы идеально счастлив, если бы, — так заканчивает он эту свою исповедь, — жизнь не напоминала ему слишком часто о несоответствии идеалов 40-х годов, на которых он воспитался, и 60-х, в выработке которых участвовало и его поколение, с современною действительностью“⁴¹.

Не правда ли, в этих немногих штрихах — целый бытовой тип, весь окрашенный бытовою местною окраской и крепко сросшийся со своей почвой. Легко представить себе, что „многие давности“, в течение которых

может сложиться в данной среде такой интеллектуальный образ, не проходят напрасно и для данной среды. Он окрашен ею, но и она невольно принимает кое-что от него. Одинокий свет его лампы, его затеи, его работы — все это становится знакомым и близким. И вот почему он мог проводить в обывательскую среду свое любимое, но еще бессильное и нищее детище — литературу.

Вот он задумывает работу. Он знает, что в таких-то глухих углах живет учитель, священник, старик-управляющий... Они тоже в меньших размерах — литераторы-обыватели. Один любит записывать песни, другой читает старые документы, валявшиеся на церковной колокольне. Третий ведет запись погоды, четвертый зачем-то каждый вечер гусиным пором заносит впечатления дня. Эти записи и эти впечатления ни к чему не стремятся, ничего не имеют в виду. Они делаются от полноты обывательского сердца, в котором не исчезло еще смутное стремление к выражению смутных мыслей. Они заносятся, как заносил в прошлом веке один из таких литераторов-обывателей, Болотов,⁴² все, что останавливало на себе его взгляд или внимание в Богородецком захолустьи. Снег покрыл поля и дороги, снег завалил деревья, снег мелькает в воздухе, к усадьбе нет ни прохода ни проезда. И вот литератор-обыватель пишет в своем дневнике, четко выводя на синем листе заглавие:

„О обильном выпавшем снеге“.

В другой раз проезжий ремонтер, человек бывалый и досужий, рассказывает о белом свете, и Болотов, по его отъезде, прибавляет еще главу к дневнику:

„О полячке гордой и богатой“.

Оказывается таким образом, что обильно выпавший снег поломал в усадьбе деревья, и что полячка гордая и богатая живет в Варшаве и что к ней часто ездит в гости Понятовский. Что из этого? Снег в усадьбе, а вдалеке, в шумном свете — полячка; между этими двумя фактами, из которых решительно ничего не следует, бьется в тоске замирающая человеческая мысль, не находящая выхода...

И вот является человек, который дает исход этому брожению тоскующей мысли. Оказывается, что старые бумаги, валявшиеся на колокольне, интересны и даже подлежат опубликованию в трудах архивной комиссии, основанной и председательствуемой Гациским. Оказывается, что песни принимаются с благодарностью статистическим комитетом, в котором секретарствует все тот

же Александр Серафимович. Оказывается, что обывательская тоска и обывательское негодование, и желание лучшего — все может найти место в газете. Оказывается, одним словом, что все это идет в дело, что все направляется к такой-то цели, что все, над чем смеялись, как над чудачеством, куда-то годится... и вот в углах об этом говорят, этому удивляются, потом в свою очередь начинают чинить перья и на вопрос о причине необыкновенных предприятий отвечают:

— Хочу тоже... Александру Серафимовичу кое-что... о нашей жизни.

А Александр Серафимович начинает огромный труд, без работников, без средств, с одной надеждой и верой в свое дело. И, смотришь, растут десять томов этнографического сборника. Откуда-то явились молодые люди, которые именем А. С. Гацкого разъезжают по усадьбам, по церковным домам, по глухим деревушкам. Пишут священники, пишут самоучки-крестьяне, царапает что-то о своей нужде полуграмотный кустарь. Сначала статистический комитет принимается печатать все то, что набирается с разных сторон. Потом у него уже нехватает средств, — Александр Серафимович говорит в городской Думе о важности познания своей родины. Если бы это говорил человек со стороны, какой-нибудь специалист-литератор, то обыватель, пожалуй, готов был бы закричать караул, подозревая, что его вовлекают в государственное преступление. Но говорит Александр Серафимович, товарищ городского головы, — и обыватель дает пособие. Потом, когда и этого нехватает, А. С. говорит о важности родиноведения в земстве. А в земстве сидит волостной писарь, который уже кое-что посылал в „ведомости“, сидит священник, который очень уважает Александра Серафимовича, сидит гласный, которого А. С. тоже будет выбирать куда-нибудь, — и опять получает пособие. А затем оказывается, что в практическом вопросе Александр Серафимович засыпал противника данными, почерпнутыми из исследования. И обыватель сам начинает раскрывать книгу...

Так постепенно совершалась эта работа, и дремавшая мысль и засыпавшие умственные запросы просыпались к жизни. Является корреспондент, а за ошеломляющей захолустьем корреспонденцией идет в газету читатель... Целая жизнь, работа десятков лет потребовалась для этих результатов — но что ж из этого! В каждой области, в каждом губернском городе есть свой Гац-

ский, больших или меньших размеров. В Нижнем — это был Александр Серафимович, в Казани — Агафонов, в Перми — Смышляев⁴³, в Саратове, в Астрахани, Твери, Воронеже, Симбирске — всюду были свои Гациские, делающие так же и то же дело...

Нам нужна, нам настоятельно необходима областная печать, и теперь это ощущается неоспоримо. Жизнь необыкновенно усложняется и, каково бы ни было направление нашей государственной деятельности, никто не сомневается, что для ее успеха необходимо живое и сочувственное отношение всех слоев общества, между тем и вглубь, и вширь мы, несмотря на свое прославленное даже в учебниках единство, в сущности далеко не едины. Не говоря о малограмотном народе, хранящем допотопные понятия о самых основаниях нашего гражданского строя, Россия так необъятна вширь, что всякая государственная идея, как бы живо она ни сознавалась в центрах, рискует замереть прежде, чем дойдет до окраин. Начиная от внутренних губерний Европейской России, чутко вздрагивающих при каждом новом „веянии“ из центров, и кончая северо-востоком Сибири, занятым „несовершенно-подданными“ (по определению Свода законов) чукчами, которые не испытывают уже ни в какой мере влияния нашей культуры и нашего государственного права — наше отечество похоже на гиганта, вяло раскинувшегося на огромном пространстве, с отеками членами, не проводящими к оконечностям нервных токов от центра.

И это-то мы называем нашим единством, и при этом мы боимся не инертности, а слишком будто бы быстрого прогресса. Между тем, никакие воображаемые сепаратизмы, никакие областные учреждения со всем разнообразием их местных особенностей не могут доставить нашему единству, нашему дальнейшему гармоническому развитию тех поистине устрашающих препятствий, какие ставятся этой инертностью нашего государственного организма, этой бездеятельностью его областей.

И вот почему всякий очаг живой местной мысли, который пытается провести в своем уголке общую идею, общие сведения, который направляет дремлющее внимание далекого захолустья на те же предметы, о которых думают и говорят в центрах общей жизни отечества, который будит гражданские интересы и чувства, направляя их на вопросы общего блага, является прежде всего могучим органом объединения и развития. И вот почему

вопрос о будущем освобождении областного слова является для нашего огромного отечества настоящим и насущным.

Но если это так, если Россия сделала в этом направлении такой шаг, после которого самые вопросы, над решением которых приходилось биться предыдущему поколению, перестали быть вопросами и стали фактом; если теперь в провинции уже есть своя пресса, если в ней то и дело закипает уже систематическое исследование, если на смену литератора-обывателя приходит новый тип писателя,—независимого работника уже отделенного литературного труда; если, наконец, мы близки к тому времени, когда предубеждение против провинциального печатного слова окончательно разрушится, — то и этим в весьма значительной степени мы будем обязаны разно-сторонним усилиям „литератора-обывателя“, который заслужил всею своею одинокой и самоотверженной работою вечную и благодарную память...

В. Г. КОРОЛЕНКО
„СОН“ и „ГРЕЗЫ“ *

С О Н

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ.

Это было в 189... году. В это время Серафиму Ивановичу пошел уже шестой десяток, и первый раз за долгую жизнь ему показалось, что жить на свете, собственно говоря, совсем не стоит.

Эта мысль никогда раньше не приходила ему в голову. Его жизнь сложилась ровно, уютно и даже красиво. Окончив университет, он по принципу отказался от службы в столицах и пошел в провинцию. В провинциальном университете, в котором он учился, существовал в то время кружок профессоров и студентов, которые пришли к заключению, что, в сущности, столицы — только случайный нарост на общественном организме, и что будущее принадлежит области. Серафим Иванович всецело примкнул к этой идее. Она пришлась ему по душе, и он пришелся по ней. У него были явные склонности археолога и исследователя, он любил этнографию и историю, и уже студентом поговору узнавал происхождение встречавшихся ему рабочих. Как некогда Даль, он говорил: а ведь ты, братец, астраханский, или: а ведь ты ягутка. И каждый раз угадывал без ошибки.

Областная идея давала исход этой специфической способности. Кроме того, она приходилась также по его характеру. Мягкий идеалист, несколько восторженный, но с примесью меланхолии, он хотел работать для будущего достаточно отдаленного, подернутого как бы дымкой романтизма. Когда он говорил о будущем

* Наброски незаконченного рассказа о Гациском.

А. С. ГАЦИСКИЙ В ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ГОДЫ.

русского народа, то в его душе подымалось какое-то розоватое облако, в котором роились неясные очертания... И такое же чувство возбуждало в нем прошлое, только очертания были несколько яснее. Он отлично знал летописи, и каждый городок его родного края был для него связан с целой цепью совершенно определенных сказаний, относительно которых он мог во всякую данную минуту указать не только источники, но и страницы и строки, где о данном месте в этих источниках говорилось.

Все это давало ему возможность остаться при университете и отдаться мирному изучению родной старины. Тогда, наверное, он стал бы известным исследователем, которого цитировали бы во всех исторических трудах. Но областная идея, тогда еще молодая и свежая, требовала другого. Кружок затеял сборник, в котором идея выступала впервые с молодым и свежим задором. Одна из самых заборных статей принадлежала Серафиму Ивановичу, и случилось как-то так, что в полемике, вызванной появлением сборника,— имя Серафима Ивановича стало как бы центром. Это определило его карьеру. Двигать науку, хотя бы в провинциальном университете,— это было бы не то. И... Серафим Иванович поступил чиновником особых поручений при N-ском губернаторе...

В те времена это еще легко мирилось с идеализмом. Правда, губернатор был либеральный и смотрел благосклонно на то, что около восторженного чиновника с идеей—группировалась местная либеральная интеллигенция. Он терпел не только „оживление губернских ведомостей“, но даже покровительствовал возникновению первого частного органа печати в N-ском крае. Правда, орган печати просуществовал недолго. Однажды какой-то высокопоставленной особе кинулась в глаза в передовой статье невинная фраза: „еще Владимир Святой сказал: веселие есть Руси пити“. Этого было достаточно, и первая ласточка погибла, едва успев прочирикать приветствие читателю.

Затем губернатор сменился, и Серафим Иванович должен был оставить должность. Но это его не смутило. Он перешел на общественную службу. Выбрали его блестяще. Некоторый ореол потерпевшего за правду в те времена еще имел большое значение. Кроме того, обыватель чувствовал в Серафиме Ивановиче нечто, хотя и высшее, но все же родственное и любовное.

И Серафим Иванович с удовольствием перешел на новые рельсы. Он стал земским гласным и членом городской управы, участвовал в комиссиях и ежегодно выпускал сборник по истории и этнографии края, на который умел как-то получать средства от города и земства. Городские гласные, преимущественно из купцов и трактирщиков, мало понимали в этих трудах, но все же мысль, что эти книги составлены человеком, заседающим с ними в одних учреждениях, — доставляла им тщеславное удовольствие, а так как обыватель вдобавок втировал средства на издание, то считал и себя до известной степени участником ученых трудов Серафима Ивановича.

Так шли годы. Фигура Серафима Ивановича стала в городе своего рода бытовым явлением, и когда он, несколько строгий, спокойный, прямой, шел из своего маленького домика „за дамбой“, — направляясь в думу, — то попутные торговцы считали за честь выбежать из-за прилавка и обменяться с Серафимом Ивановичем приветливыми поклонами.

— Это наш Серафим Иванович, — радостно говорил обыватель приезжему человеку, и ему бывало приятно, когда приезжий человек иной раз отвечал:

— А, знаю, знаю... Как же...

— Ученый! — с гордостью прибавлял обыватель.

У Серафима Ивановича бывали часы приема, когда к нему приходили за советами и для беседы. Тут бывали учителя из уездов, с проектами „расширения помещений“, какой-нибудь сельский лавочник, любитель просвещения, пожелавший вместо традиционного колокола построить школу, иной раз сельский батюшка, нашедший на колокольне ремонтируемого храма связку бумаг XVI или XVII столетий... Нередко также посещали его кладоискатели и начетчики, доморощенные археологи, приносившие свои находки, а иногда и продававшие их Серафиму Ивановичу, мечтавшему о будущем Н-ском областном музее... И Серафим Иванович обсуждал, рассматривал, давал советы. Это были хорошие часы хорошего человека. Не мало мелких тружеников уходило от Серафима Ивановича ободренными. Учитель уносил надежду на „расширение помещения“, благодетель получал точные указания о том, где всего полезнее будет его пожертвование, — снабженное иной раз текстами и старинными изречениями, доказывавшими, что школа важнее колокола... Серафим Иванович заносил затем все

деловые заметки в особую книгу, с нотабенами: „поговорить с председателем земской управы“ „попросить у губернатора“ „сказать городскому голове“.

Затем, когда суতোлка делового дня уходила, последний посетитель прощался с Серафимом Ивановичем, и в комнаты со двора заглядывала темнота, Серафим Иванович складывал деловые бумаги, тушил лампу внизу, в помещении губернского статистического комитета, которого он состоял неизменным секретарем, и, скинув туужурку, надевал просторный халат, который в шутку называл хламидой. В этом одеянии он поднимался по узенькой лестнице к себе наверх. Проходившие в это время по переулку могли легко видеть, как по комнатам первого этажа мелькала высокая, прямая, белая фигура и подымалась по лестнице кверху... На время свет скрывался, нижний этаж погружался в тьму, а зато наверху, в мезонине, вспыхивало вдруг венецианское окно. Потом Серафим Иванович зажигал свою рабочую лампу... Зеленый колпак сразу скрывал в полутьме потолок и верхушки стен, а зато у самого окна, в освещенном круге под абажуром, можно было видеть с противоположного тротуара красиво сформированную голову с высоким лбом и начинающейся плешью и глаза в очках. По временам рука Серафима Ивановича приподымала большой фолиант, иногда он ставил на полку одну книгу или рукопись и брал другие...

И огонь горел в засыпающем переулке долго, иногда до тех пор, пока на востоке розовело небо, и ночной извозчик Иван, возвращавшийся с промысла, тарахтел по мостовой коваными колесами пролетки, а затем начинал стучать в крепко запертые на ночь ворота соседнего двора. Тогда, если это бывало летом, окно мезонина отворялось, и в нем появлялась белая фигура. Серафим Иванович вдыхал всею грудью предутренний воздух, и первые робкие еще лучи освещали усталое, но спокойное лицо довольного человека. В эту ночь, среди ненарушимой тишины мезонина — перед умственным взором Серафима Ивановича проходило прошлое этого спящего города, полное страданий и крови, но смягченное исторической далью... И ему казалось, что все эти образы еще реют где-то в уходящем сумраке, исчезая перед прозаическим светом начинающегося дня...

Потом огонек спускался из мезонина, фигура в белом опять проходила по комнатам, и вскоре весь скромный домик погружался в сон и молчание. А в 10¹/₂ часов ут-

ра Серафим Иванович неизменно выходил из своего подъезда и направлялся в городскую управу... Начинаясь опять день обычных забот. В его портфеле лежала книга с отметками: сказать городскому голове, поговорить с председателем. И почти всегда в результате являлось „расширение помещения“, увеличение ассигновки на школу, пособие какому-нибудь маленькому просветительному начинанию...

И, разумеется, никому никогда не приходило в голову подозревать Серафима Ивановича в каких бы то ни было „субверсивных идеях“. У него были, правда, старые товарищи, не разделявшие его областных принципов, или давно им изменившие иной раз для гораздо более рискованных предприятий. Он поддерживал с ними сношения, аккуратно отвечал на письма с штемпелями областей очень удаленных, но эти его симпатии всегда носили печать какого-то спокойного, непреклонного превосходства. Он не сомневался, что ошиблись они, а он был прав, и что в своей жизни он идет твердыми шагами именно туда, куда надо... Всякий раз, когда он думал об этом, в его душе подымалось туманное розовое облако с неясными, но светлыми очертаниями. И он испытывал какое-то особенное устойчивое и солидное наслаждение... Его труд, задуманный еще в юности, вырос, — правда, пока в виде сырого материала; он чувствовал себя органически необходимой частью окружающей жизни, которую любил и в которую как бы врастал все больше и больше... А кругом — хотя и тихо — росли школы, расширялись помещения, городские и земские стипендиаты кончали гимназии и университеты. И, оглядываясь на все это, он видел во всем частицу своего влияния и своей личности. „И се видех, яко добро есть“, — говаривал он нередко в беседах со своими N-скими друзьями, и светлая улыбка озаряла благодушное лицо Серафима Ивановича.

Так прошло много лет, тихо, незаметно, приятно и даже красиво, и эти годы мало отражались на Серафиме Ивановиче: на его лице лежала печаль неизменного душевного равновесия и спокойствия.

Но, наконец, пришли такие времена, когда это спокойствие дрогнуло, а душевное равновесие стало очень неустойчивым.

Подошло это как-то незаметно, почти украдкой.

Началось с того, что в городе N-ске, наконец, появилась частная газета. Это была мечта всей его жизни,

но его собственные попытки кончились неудачей. О „Ласточке“ осталось почему-то такое воспоминание, как будто это была совсем не „Ласточка“, а по меньшей мере „Коршун“, и на все новые попытки Серафима Ивановича следовали неизменные отказы. Один еще раз счастье улыбнулось Серафиму Ивановичу, но не надолго... И вот, газета все-таки возникла, только это была газета чужая.

Серафим Иванович почувствовал, как будто его что-то кольнуло в сердце. Он так много мечтал и так много работал. Еще в то время, когда в столичной печати сомневались в самой возможности провинциальной прессы,— он отдавал газете свои молодые силы и половину своего жалования, как чиновника особых поручений... Он разыскивал писателя и читателя, он из никому как будто ненужного листочка старался сделать предмет интеллектуальной необходимости... И каждый раз, когда ему казалось, что дело начинает налаживаться, что печатное слово „забирает“ глубину обывательской жизни и интересов,— оно прекращалось. Как отец, у которого умер ребенок,— он считал прошедшие годы и говорил себе: теперь „Ласточке“ было бы уже столько-то лет, это была бы установившаяся, почтенная областная газета, умеренная, солидная, либеральная без крайностей и интересная не по уличному... Но уже столько-то лет, как она лежит в могиле... „Проблески“ были бы моложе, но тоже стали бы уже бытовым явлением и лежали бы на каждом столе города N-ска...

И вот, все это только неосуществленные возможности... Пришел чужой человек, даже из другого города и... он делает то, о чем сам он мечтал так страстно...

Это было обидно, но, вздохнув, Серафим Иванович подавил в себе легкие движения зависти и, из раскаяния в нехорошем чувстве— дал для первых номеров N-ского листка свои статьи. Редакция напечатала его фамилию жирным шрифтом...

Серафим Иванович начал увлекаться. Все-таки это было печатное слово!.. Ему показалось даже, что он видит в этом большом листе дорогие черты погибшей „Ласточки“. И он давал статью за статьей. Редактор, прогоревший парходчик, очень бойкий, хотя и малограмотный, охотно печатал. Цензор, из уважения к почтенному имени Серафима Ивановича, пропускал его статьи несколько легче, чем заметки других лиц. Газета начала привлекать симпатии...

И вдруг,— все это изменилось. Откуда-то пронесся отдаленный гром. В статье о всеобщем обучении нашли слишком много мечтательного. Статья о самоуправлении показалась прямо опасной.

Но что всего больше огорчило Серафима Ивановича— это отношение редакции. Редактор стал холоден, имя Серафима Ивановича в объявлениях сначала стало печататься все меньшим шрифтом, потом как-то незаметно исчезло из списка сотрудников. Эту маленькую диверсию Серафим Иванович понимал и даже одобрял. Во время своей долгой службы по выборам — он приучился к разного рода невинным хитростям и компромиссам. С младенчески чистой душой он принял это умаление его имени как „уступку в интересах дела“... Он предложил даже всем не подписывать теперь своих статей, но настаивал, что газета должна „сохранить направление“.

Однажды ему вернули в рукописи статью о земских школах. Статья была написана со всеми предосторожностями. И Серафим Иванович был огорчен. Редакция, по его мнению, слишком уже торопилась навстречу цензуре. Он поехал объясняться, но редактор встретил его с совершенно застывшим лицом и повторял только одну фразу:

— Душой бы рад, но... не могу-с. Не в состоянии. Поверьте — не могу-с...

На несколько дней это лишило его сна и аппетита. В его душевное равновесие вторглось что-то тяжелое, слякотное и разъедающее... Явились признаки бессонницы и отсутствие аппетита... Целую неделю он не заглядывал в „Листок“, но наконец— заглянул. Действительно,— „направление“ газеты изменилось по всему фронту. Столбцы были те же, но физиономия газеты другая. И на первом месте, где прежде стояло под статьями его имя,— теперь он увидел подпись Симеона Алебастрова.

Это был молодой человек, получавший некогда стипендию, которую ему исходатайствовал Серафим Иванович. Окончив университет, он поступил учителем в N-скую гимназию, и Серафим Иванович радовался, что молодые силы не уходят на сторону, а возвращаются на родную почву. Алебастров от времени до времени появлялся у Серафима Ивановича, с почтительным видом и почтительными словами. Когда открылся „Листок“, Алебастров написал свою первую заметку и принес ее не прямо в редакцию, а предварительно передал ее на просмотр Серафиму Ивановичу. Серафим Иванович сделал некоторые стилистические поправки, сгладил

неосторожные и слишком пылкие выражения, и — статья была напечатана. Впоследствии Алебастров стал выписываться, слог его становился более уверенным и бойким. За одну его заметку чуть не вышла „неприятность“. Алебастров как-то сам уладил дело.

И вот Серафим Иванович прочитал теперь статью Алебастрова, — и горестно изумился. В статье говорилось о нетерпеливых людях, торопящих ход истории, и о вреде беспочвенных начинаний. Говорилось это вообще, но Серафим Иванович явственно читал между строк — нападение на него лично... Сомневаться было невозможно...

С этих пор каждый номер „Листка“ приносил Серафиму Ивановичу что-нибудь новое в том же роде. Сегодня говорилось о преимуществах церковных школ, завтра о вреде гражданской грамоты, послезавтра о ненужности сельских библиотек, „хотя бы и украшенных именами громкими в провинциальных пустырях“... и т. д. и т. д.

Затем газета открыла систематический поход против всех просветительных начинаний Серафима Ивановича.

Статьи были написаны хлестко, забористо, с большим задором и той особой беззастенчивостью, которая режет ухо, зато оставляет впечатление... Они были замечены в столицах, и скоро „новая сила“ получила приглашение работать на страницах большой столичной газеты.

Здесь Алебастров сразу расправил крылья. Свою борьбу с Серафимом Ивановичем он сразу поставил на принципиальную почву. Он прямо заявил, что до сих пор правительство и благомыслящая часть прессы боролись с тайной крамолой. Теперь, когда тайная крамола побеждена, — настало время заняться крамолой „явной“, надпольной, действующей при свете дня, пользующейся по какому-то недоразумению общим уважением и почетом.

Для начала Алебастров взял одну из записок, поданных Серафимом Ивановичем в земство... Записка касалась положения сельских учителей и народного образования. В ней между прочим встречалась фраза: начальное просвещение является естественным правом всякого плательщика налогов. Статью свою по этому поводу Алебастров озаглавил:

„Мера, рекомендованная французским конвентом“... О самой записке Серафима Ивановича говорилось очень мало. В начале статьи приводились выдержки из декларации „прав человека“. Затем проводилась параллель с естественным правом плательщика земских налогов и, наконец, — приводились на память последствия деклара-

ции и „многочисленные злодейства“ [ее авторов. Вышло так, что Серафим Иванович под видом земских школ готовил отечеству „ужасы французской революции“.

Когда этот номер столичной газеты пришел в N-ск, впечатление получилось огромное. Обыватель, до сих пор в наивном неведении преклонявшийся перед ученостью Серафима Ивановича, — увидел, что на это дело возможна и другая точка зрения... Правда, он так же мало понимал сущность дела, как и прежде в работах Серафима Ивановича. Для него, однако, было ясно, что Серафима Ивановича всенародно называют крамольником, и что уже по этому самому он становится человеком опасным. Действительно ли он был крамольник, — этот вопрос оставляли в стороне. В крамоле его обвиняли, — и этого было достаточно: легко было попасть в свидетели или еще, чего боже сохрани, — в сообщники.

Серафим Иванович почувствовал вокруг себя какую-то страшную пустоту, как будто порвались те корни, которыми он был связан с родною почвой. Теперь, когда он проходил по улице, направляясь по обыкновению в думу, — его знакомый лавочник прикидывался занятым отпуском товара и старался не глядеть на мимо идущего Серафима Ивановича. Правда, при этом он невольно вздыхал. Ему хотелось попрежнему выйти на крылечко, приподнять шляпу и обменяться с Серафимом Ивановичем замечаниями о погоде. Он вздыхал, но все-таки крепился...

В управе писцы и конторщики как-то смолкали при появлении знакомой высокой фигуры, и хотя, быть может, они говорили о другом, но Серафиму Ивановичу казалось, что они только что прочитали столичную газету... И сами они чувствовали, что ему это кажется. Водворялась взаимная неловкость и отчуждение... Доклады Серафима Ивановича в думе тоже встречали далеко не прежний прием: вместо прежнего почтительного и общего ропота одобрения — теперь устанавливалось неловкое молчание, а затем, раздавались голоса его приверженцев, самая горячность которых только оттеняла их отрозненность от массы. В поступках самого Серафима Ивановича явилась какая-то неуверенность и колебание. Следующую свою записку, приготовленную для земского собрания, он взял из земской управы и долго, вместе со своим другом, земским председателем, обдумывал каждое слово, к которому можно было бы придраться для передержек и инсинуаций. При этом сердце Серафима Ивановича обливалось кровью: он чувствовал,

что каждая поправка только ослабляет впечатление его аргументации, делает записку вялой, бесцветной, неискренней и бессильной.

И все-таки это ничему не помогло, Алебастров, правда, получив записку из управы (Серафим Иванович всегда настаивал на правах гласности), — напрасно искал аналогии с актами конвента. Он рылся в истории, делал отметки, сравнивал, и ему начинало уже казаться, что обычное вдохновение ему изменяет и что на этот раз крамольная записка „о необходимости стипендии для обучения детей земских учителей“ должна остаться без комментариев в столичной прессе. Но вдруг его осенила гениальная мысль. Он откинул справочные книги и, быстро схватив перо, написал заглавие:

„Мера, случайно пропущенная французским конвентом“.

Статья вышла еще хлестче. Единственный афоризм, оставленный Серафимом Ивановичем в деловой записке, состоял в том, что учение свет, а неучение тьма. Серафим Иванович считал его уже совершенно неодолимым. Но Алебастров, в порыве настоящего доносного вдохновения, посягнул и на него. Он доказывал, что тот свет, который проводит крамольное русское земство, есть тьма с точки зрения русского народа, и, наоборот, во тьме, которую земство видит в безграмотности, — светился истинный свет, который, как маяк, вел русский народ от безначалия и раздоров прошлых веков к современной славе, могуществу, единству... Только западная крамола может до такой степени извращать понятия о тьме и сиянии света... Только члены конвента... Но нет, так как даже в актах конвента ничего не говорилось о льготах для детей учительского персонала, — то Серафим Иванович, оказывалось, — пошел дальше всех злодеев конвента...

Серафим Иванович протирал глаза, не веря возможности такого неожиданного силлогизма, в котором явно не было ни капли здравого смысла. Но силлогизм был налицо, и что было всего хуже, — Серафим Иванович чувствовал, что эта бессмыслица все-таки производит впечатление... Это была громко кричащая ложь, тогда как с его стороны... робко бормотала истина... А громко кричащая ложь всегда сильнее робко бормочущей истины...

Таковы были обстоятельства, и таково было настроение Серафима Ивановича, — когда с ним случилось небольшое происшествие, которое должно служить предметом настоящего моего очерка.

ГРЕЗЫ.

I

Это было 24 декабря 189... года.

Луна, большая и красная, выглянула из-за близкого горизонта и стала совсем низко над обрезом улицы, в перспективе ее домов... Она как будто оглядывала Студеную улицу, оглядывала с каким-то загадочным и грустным любопытством.

Так, по крайней мере, казалось, Серафиму Ивановичу Гоздаве-Дробецкому, который в это время подходил к своему деревянному домику.

Протянув уже руку к звонку, он остановился, повернулся к югу и несколько минут стоял безмолвно, как будто переглядываясь с луною.

Луна как будто тоже глядела на Гоздаву-Дробецкого, с каким-то особенным, затаенным, значительным выражением. Никогда еще он не видел, чтобы луна была такая большая, такая задумчивая и, прямо сказать, такая умная.

У Гоздавы-Дробецкого было очень тяжело на душе и ему казалось, что лунный свет проникает к нему в грудь, туда, где всего больнее, где всего глубже запряталась эта боль — и шевелит ее, тихо, пожалуй, ласково, но неотступно и упрямо.

Он стоял несколько минут, молча, боясь шевельнуться, как человек, сломавший ногу, боится ступить на нее. И все глядел вперед, туда, где за бугром, которым кончалась улица, висел в воздухе этот огромный круг, мерцающий таким загадочным, таинственным блеском.

Он знал, что там в конце улицы — снежное поле. В обычные вечера можно было разглядеть вдали за оврагом снежный подъем, потом рощу, тихо дремавшую за большими оврагами. Но теперь ничего этого не было видно. И овраги, и снежные поля, и рощу заслонило какое-то трепетное сияние, неопределенное и смутное, а среди этого сияния висела луна, низко и близко, так близко, что казалось, будто она вошла совсем на Студеную улицу, и ее можно, пожалуй, достать рукой, если стать на середину улицы, между двумя последними домами, тоже затканными отчасти золотистой дымкой...

Это было странно, но все же еще страннее и прямо даже страшнее было то особенное сознательное выражение глубокой печали, которое так и струилось от этого золотистого на этот раз круга.

Гоздава-Дробецкий стоял и смотрел неподвижно, как

лунатик, внезапно застигнутый припадком. Неизвестно, сколько времени продлилась бы эта неподвижность почтенного N-ского деятеля, если бы луна была также неподвижна. Но она не оставалась на месте. Она смотрела вдоль пустынной окраинной улицы, а между тем сама тихонько менялась и двигалась. Откуда-то из золотистой сетки, ее окружавшей, тихо, почти незаметно выступило тонкое длинное облачко и протянулось по верхней части лунного диска. От этого и луна и улица как будто сразу омрачились. Луна отступила несколько дальше, на улице яснее замелькали густые желтые огни фонарей. А еще через некоторое время оказалось, что луна передвинулась совсем вправо, и на ней ясно выступил угол железной крыши одного из домов. Этого было достаточно, чтобы иллюзия исчезла. Луна сразу ушла с улицы и водворилась на своем месте на далеком, холодном, немного мгlistом небе. В конце улицы опять появились и снежное поле, и дальняя затянута сумраком роща, правая сторона сразу укрылась тенью, левая осветилась скользящим серебристым светом, и невдалеке, у железного насоса, на обычном месте выступила фигура городского. Все было в порядке, все было обычно, все было, как всегда...

Серафим Иванович Гоздава-Дробецкий вздрогнул от озноба, закрывшегося, во время его неподвижности, под его бекешу старинного, немодного покроя — и дернул за ручку звонка.

— Серафиму Ивановичу, — раздался вдруг на улице сладкий, заискивающий и вкрадчивый голос.

Гоздава-Дробецкий вздрогнул, откинулся назад своей суховатой и стройной фигурой и с высоты трех ступенек взглянул вниз на говорившего. В позе и выражении лица Гоздавы-Дробецкого было в эту минуту что-то высокомерное и даже гордое, что в нем проявлялось очень редко.

— А, это вы, Трифон Семеныч, — сказал он, продолжая вглядываться.

— Я-с, Серафим Иванович, я-с... Домой иду, — вижу, вы стоите. Долго что-то стояли, не испортился ли звонок? Я вон еще откуда вас заметил, — против месяца-то видно. Этак и простудиться недолго? А нам, — прибавил он вдруг неприятно-ласковым тоном, — нам вас беречь нужно-с.

— Спасибо, — угрюмо ответил Гоздава.

— Как же, как же-с... Мы ведь вас, Серафим Иванович, ценим...

И вдруг, оглянувшись по пустой улице и поднявшись на одну ступеньку, — он прибавил тише:

— А сегодня, — опять статья-с. Ах, какая неприятная... Есть на свете подлые люди...

Гоздава-Дробецкий нахмурился и вздрогнул.

— Пустяки, — сказал он резко, — охота обращать внимание.

В коридоре послышались шаги, и дверь открылась. Дробецкий вошел в дверь, едва кивнув головой оставшемуся на улице обывателю. Дверь захлопнулась. На ней сияла под лунным блеском медная дощечка: „Серафим Гоздава-Дробецкий“.

— Гоздава, Гоздава, — пробормотал про себя обыватель, как будто только теперь заметив эту часть фамилии давно знакомого человека... — А ведь действительно, — фамилия не русская...

И он пошел вдоль улицы, торопясь к себе. Его ждали дома жена и дети. Оставалось еще два квартала, и он представлял себе свой собственный дом, приветливо сверкающий окнами на холодную улицу. Там у него тепло, хорошо, уютно. А здесь... Он еще раз оглянулся. Дом Гоздавы-Дробецкого был погружен в темноту. В обмерзшие окна было видно, как кто-то прошел по комнатам, потом огонек скрылся, и внезапно вспыхнули окна мезонина. Всему городу были известны эти два оконца, в которые долго за полночь виднелся свет рабочей лампы. Это был рабочий кабинет Гоздавы-Дробецкого, гордости и славы города N-ска, историка, этнографа, литератора и председателя управы...

Вскоре свет установился ровно, и на одной из занавесок смутной тенью зарисовался силуэт человека, сидящего за рабочим столом.

Трифон Семенович исчез. Улица опустела.

II

Однако Гоздава-Дробецкий не работал. Он сидел за столом, а перед ним лежал № газеты.

Серафим Иванович Гоздава-Дробецкий происходил из польской семьи. Дед Серафима Ивановича, диссидент и конфедерат, был еще во времена Екатерины прислан в Балахну и тут остался с семьей. Отец женился на польке, и, таким образом, Гоздава-Дробецкие не слились окончательно с своими новыми соотечественниками, вплоть до Серафима, который уже не говорил по-польски и

был женат на русской. Жена, впрочем, умерла у него рано, и он остался одиноким в своем деревянном домике на Студеной улице, в котором вот уже тридцать лет аккуратно в известный час зажигалась рабочая лампа за тем самым столиком, за которым застает его в настоящую минуту наш правдивый рассказ.

Это человек лет шестидесяти, еще бодрый и не одряхлевший. Правильные черты лица, светло-синие глаза, глядящие из-за стеклышек, так как Серафим Иванович близорук, высокий лоб и поредевшие над ним волосы, — все это привлекательно и довольно оригинально. Легкая расплывчатость черт Н-ского обывателя сильно окрашивается взглядом мыслителя, и порой задумчивый блеск синих зрачков говорит о глубокой поэтической натуре.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ФАКТ *

Николай Петрович Дудочка считал себя философом, и это обстоятельство было одной из причин его воскресных прогулок по кладбищу. Он знал троих философов, выработавших себе некоторые особенности: Бенедикт Спиноза любил наблюдать жизнь и нравы пауков и весело смеялся, когда они пожирали друг друга; аккуратность Иммануила Канта служила лучшим средством для проверки часов кенигсбергских обывателей; а товарищ Николая Петровича — Акакий Двоеточие, землемер по профессии, но по призванию тоже философ, всякий раз, когда говорил о чем-нибудь мудром и высоком, задумчиво дергал себя за левое ухо и во время пауз глубоко-мысленно высовывал кончик языка, чем как бы дразнил и слушателя, и те вопросы, о которых говорил.

Николай Петрович тоже приобрел себе особенность — прогулки по кладбищу в воскресенья от 12-ти часов утра до 3-х дня. Случилось это так: однажды он, не зная, на что бы убить свободное время, пошел гулять по городу и незаметно для себя, увлеченный своими думами, очутился на ниве смертных.

Это было весной. Кустарники и деревья, густо покрывшие старое, тесно засеянное могилами кладбище, точно оделись в пышные свежие одежды; их гибкие ветви ласково осеняли камни памятников и поросшие шелковой зеленью холмы; солнце сияло так молодо и ясно... а когда над могилами проносился легкий и душистый весенний ветер, трава и листья меланхолично вздыхали, точно сожалея о тех, что лежат в земле и никогда уж более, никогда не увидят весны и не послу-

* Мало известный рассказ об отношении крестьянства к Гацискому.

шают ее музыки. Тяжелые памятники, теряясь в зелени, смотрели из нее так хмуро и сосредоточенно и, казалось, были недовольны тем, что эта веселая весна не оставляет в покое и кладбища, отнимая у них ту солидную важность и тоскливую красоту, которая так полна осенью гармонии с голыми сучьями дерев, желтым листом, опавшим на землю, и с серым, печальным небом. Теперь все они лишились цельности, и это весеннее яркое небо, и веселая зелень, и рой бабочек, порхающих повсюду, всё, что принесла с собой весна,—отталкивает их на задний план, тушует собой и как-то обворовывает их.

Николай Петрович ходил по кладбищу и думал о равнодушии природы, о жалкой участи людей, о вечном покое смерти и обо всем, что вызывает в уме вид массы могил, облитых живыми лучами весеннего солнца. Ему понравилось это печальное место; оно так сильно волновало мысли и заставляло так грустно и глубоко задумываться; понравился ему и самый характер дум и, наконец, он сам себе понравился, как человек, умеющий подумать о жизни и, притом, думающий совершенно в духе времени.

Он не любил читать, но пессимизм, тот, что встречается в обыденной жизни, по большей части надутый или рисующийся, редко умный и искренний и никогда философский,—был знаком ему и нравился своим фрондерством.

Покойный Акакий Двоеточие говорил ему, что пессимизм — это единственная умная теория в свете и что всяк, кто не пессимист — трус и идиот. „Ты, братец мой, вникни только: всю жизнь насмарку! понимаешь? Всю жизнь! Вот что такое пессимизм! Самый, братец ты мой, высокий скачок человеческого ума, ибо дальше отрицания жизни никуда не пойдешь. А коли там разные эти говорят, что, дескать, все должны жить для жизни, плюнь им в рожу! Никакого, братец мой, толку из этой жизни не может быть; я, Акакий Двоеточие, в том тебе порука! Выпьем-ка еще!..“ Они выпивали,—и бедняга Акакий допился, наконец, до белой горячки, чем закончил свою жизненную карьеру и дал лишний предлог своему товарищу чаще посещать кладбище.

Потом он уже настолько привык, что то воскресенье, в которое почему-либо ему не удалось совершить своей прогулки, казалось ему потерянным. Ему было болезненно приятно сидеть где-нибудь в тенистом уголке на могиле, думать о том, кто лежит в ней, и день за днем восста-

А. С. ГАЦИСКИЙ
Фото Д. Лейбовского

новлять перед собой его жизнь. Выходили грустные истории, и чем более логично они были построены, тем более Николай Петрович нравился себе и тем дальше уходил от здоровой жизни в мир болезненно тоскливой фантазии, в мрачно-красивый мир, заслонявший собой ту простенькую жизнь, что проходила перед его глазами в течение недели, от одного воскресенья до другого. Служба, товарищи, женщины,— все понемногу теряло в глазах Николая Петровича свою цену, рисуясь ему мелким и смешным...

Над ним стали смеяться, заметив, что он избегает общества, о нем заговорили, что он хочет пойти по стопам пьяницы Двоеточия, зашибленного жизнью, безвольного, жалкого человека, смеялись, клеветали, но, как всегда это бывает, никто не догадался серьезно заглянуть в его внутренний мир; он обозлился, и скоро вышло как-то так, что он остался совершенно одинок и еще более полюбил свои экскурсии в область пессимистических предположений и картин. И, все более влюбляясь в себя, гордясь своим исключительным положением, он потерял, наконец, интерес ко всему, что выходило из рамок его мелких и личных фантазий. В этой жизни, среди людей, не связанных друг с другом ни солидарностью целей, ни взаимным уважением и верою друг в друга, так легко и быстро можно погибнуть и потеряться, раз сам недостаточно стоек и не имеешь никого, для кого бы твое существование было ценно и важно.

День, в который Николай Петрович был очевидцем исключительного факта,— факта, чуть было не выбившего его из пессимистической колеи и о котором он после рассказывал, скрывая свое смущение за скептическим тоном и улыбкой, этот августовский день был сух и жарок.

Сняв шляпу и обмахиваясь ею, Николай Петрович ходил по извилистым дорожкам кладбища и, в сотый раз прочитывая надписи на крестах и памятниках, грустно улыбался им, как старым знакомым. Бывшие люди, лежавшие мирно и покойно под этими крестами и памятниками, были наделены Николаем Петровичем сочиненными им биографиями, и он расхаживал, ничуть не убавляя мрачных красок и тоски, а еще более увеличивая их. У него прогрессировала страсть к творчеству несчастий и бед, коими он уснащал и без того, наверное, не очень светлую жизнь своих упокоенных объектов.

На кладбище было тихо и пусто. Деревья и кусты замерли в знойном воздухе и, не шевеля листвою, стояли

и, казалось, так же как и Николай Петрович,— думали о смерти, несчастьях, горе и о прочих неприятных вещах. Трава на могилах, покрытая пылью, тоже грустно склонила стебли.

Николай Петрович проходил мимо богатого мавзолея, обнесенного вычурной решеткой, с клумбами цветов, разбитыми в ней. Цветы заставили Николая Петровича улыбнуться.

Цветы на могиле! думал он... Тот, кто посадил их тут, посадил несомненно с добрыми намерениями; но их присутствие от этого не стало более уместным. И мне кажется, что они как бы говорят тому, кто лежит там, в земле, дающей им сок жизни: „Смотри, ты умер, но это нам ничуть не мешает цвести!“ И ничему не мешает твоя смерть. Ты, может быть, что-то думал о себе, чем-то считал себя? Напрасно. Был ты,— была жизнь, и нет тебя,— есть жизнь. И твое присутствие или отсутствие в жизни не дает ей никакого особого колорита. Может быть, ты предполагаешь, что ты был нужен кому-то и что кто-то будет сокрушаться о тебе? Я часто хожу мимо твоего места и никогда не видал, чтобы трава вокруг решетки твоего памятника была смята. Очевидно, никто не бывает у тебя, дружище!.. Может быть ты куда-то порывался, когда жил,— и это сделало твою жизнь мучительной и беспокойной? Э, лучше бы ты помнил всегда о том, что все порывы ввысь только ускоряют тот день, в который мы отправляемся в ту землю, где так сыро и холодно и куда не следует торопиться, раз ты появился на свете, ибо все равно не избежишь того, что неизбежно.

Николай Петрович вздохнул и оглянулся.

Кладбище в этот знойный день было настроено в унисон с его мирозерцанием. Безмолвное, пустынное, подавленное зноем, оно смотрело каждой деталью своей в жаркое небо так сосредоточенно-мрачно и неподвижно, точно говорило ему: „все созданное и одушевленное тобою принадлежит мне. Ты все-таки хочешь создавать? Спасибо за хлопоты: но, право, не знаю, нужны ли они тебе и мне“.

„Старая игра в создание и разрушение, жестокая игра!“ думал Николай Петрович; но мирился с ней,— она необходима. Мы так легко миримся со всем и так быстро привыкаем ко всему, что давно бы уже привыкли к мысли о бесцельности бытия, если б подобная мысль не оскорбляла наше тщеславие.

— А! вот она, могила известности! Ну что, старый

идеалист? Каково тебе там?— остановился Николай Петрович перед свежей могилой, покрытой венками.— Отдыхай от своей трудовой жизни, за которую тебе заплатили этими пошлыми венками и — только! Твои похороны помпой и пышностью, которой они были обставлены, доставили много развлечения обществу и твоя смерть дала готовую тему для разговоров и газетных статей на три дня. Это — все. Немного мало за 40 лет работы, немного мало!.. И до сей поры никто не позаботился привести в порядок твое последнее место на земле...

Николай Петрович пошел дальше, кивнув могиле головой. Он помнил человека, что лежит в ней. Больной, иссохший старик, с лихорадочно возбужденной речью и не по-старчески энергично сверкавшими глазами, вечно о чем-то хлопотавший, что-то отстаивавший, кого-то проклинавший,— был ему совершенно непонятен. Какие пружины им двигают?— спрашивал себя Николай Петрович, когда видел, как тот злился, радовался, тосковал и всячески сокращал свои дни. И ему, казалось, что этот старик, несмотря на всю красоту и цельность его внутреннего мира, недалек. Неужели он не понимает, что все его хлопоты — жалкий пух? Разве он считает себя способным перестроить жизнь? Перестроить жизнь — это значит, по крайней мере, создать нового человека... И он про себя улыбнулся скептически, когда слышал об удачах или неудачах этого старого чудака.

Месяца полтора тому назад этот чудака отошел в царство теней. Над его могилой поговорили об его заслугах и — покончили с ним. И из всего, что говорилось о нем, самой красивой и искренней речью была речь какого-то пьяного молодого человека.— Прощай, брат! — сказал он.— Прощай, старый вояка! Ты оставил после себя гораздо больше торжествующих врагов, чем опечаленных друзей. Эт-то хорошо! Эт-то очень похвально!..

Николай Петрович вспомнил эту маленькую, но верную характеристику покойного и печально улыбнулся. В ней все, до последней буквы, было верно... Врагов осталось больше, друзей меньше... Много врагов имеет только хороший и честный боец.

Дорожка, по которой шел Николай Петрович, повернула за большой мраморный памятник, и из-за него прямо на Николая Петровича вышли два мужика. Они смущенно посторонились, прижимаясь к решетке памятника и, молча, вопросительно посмотрев в лицо встретившегося барина, пропустили его мимо себя.

— Спросить бы у него...— услышал Николай Петрович возглас вполголоса.

— Ну, чего? говорю, знаю — где! Видал я, как хоронили-то.

— О ком бы это они?— подумал Николай Петрович и пошел вперед. Но через минуту он ощутил в себе желание узнать, кого они ищут, воротился и тихо пошел по дорожке вслед за ними. Впереди его, шагах в десяти, сквозь ветви кустов и меж памятников, тихо плыли две серые, отрепанные фигуры, то и дело оглядываясь вокруг себя и останавливаясь.

— Вот она!— донеслось до ушей Николая Петровича довольное восклицание.

„А, это плотники, очевидно!“— подумал Николай Петрович и тотчас же вспомнил, что сегодня воскресенье. „Так они пришли просто смерить ограду“... Но это заключение не убило в нем интереса к двум мужикам. Он прибавил шагу и, подойдя ближе, увидал, что две серые фигуры стали на колени на сухие комья глины у могилы старого чудака, стали и истово крестятся, то и дело склоняя головы к земле.

— Ба!.. вот как!— воскликнул Николай Петрович. Он почувствовал, что что-то острое, приятное кольнуло ему сердце, подошел ближе и стал в двух шагах за кустами позади молившихся мужиков. Они молились усердно и долго.

— Го-осподи!— вздыхал один, постарше, в дырявом расстегнутом полушубке, седой, грязный и лохматый, вздыхал и, подымая голову к небу, долго смотрел туда.

Другой, молодой парень, с сухим и хмурым лицом, молился молча, и всякий раз, когда он склонялся в землю, русые подстриженные в кружок волосы встряхивались и падали ему на лоб и виски. Он отводил их левой рукой, не переставая креститься правой. Осеняя их тенью, клеи простирал над их головами свою вычурную листву и стоял неподвижно, замерев в зное летнего дня. Кругом все молчало и было как-то особенно строго, пустынно...

Николаю Петровичу захотелось увидеть их лица и он было сделал движение, чтоб обойти могилу и стать против них, но в это время старший вздохнул и, проговорив вслух: „Упокой, господи, душу его с угодниками твоими!“— кончил молиться и сел на землю, боком к могиле и в профиль к Николаю Петровичу. Младший тоже сел рядом, положив свой картуз на могилу, рядом с поблекшим венком живых цветов. По левой руке старшего, обращенной к Николаю Петровичу, медленно сте-

кала мутная слеза; она не отражала в себе лучей солнца, бивших прямо в старое, морщинистое лицо. Лицо младшего было сосредоточенно и сухо, лоб разрезан глубокой вдумчивой морщиной; он вытащил из кармана своего серого суконного пиджака засаленный кисет и медленно свертывал папиросу. Старый, обняв руками колена, молча сидел и покачивался взад и вперед.

— Вот, значит, на этом самом месте и того...— заговорил он, вздыхая.

— Как, бишь, ему фамилия-то была?— спросил младший, не подымая головы.

— Фамилия? Старший поднял голову кверху, зачем-то плотно сжал губы и стал расчесывать пальцами свою лохматую бороду.— Позабыл я фамилию. Мудрена была. Нам что фамилия?! Радетель был покойник, и-их какой! Как раз он земского агента за страховку расчесал! бра-ат ты мой!.. беды! Вы, говорит, что? Трутень вы, значит, вот что. Крестьянство, говорит, своих денег не должно ждаты!.. Ах ты, господи, сколько в нем души к крестьянству было!..

Старик умиленно замолчал и провел заскорузлой ладонью по лицу.

— Один раз и я его тоже видал...— закуривая папиросу, заговорил молодой.

— Видал?— оживился старший.

— Как же, возил его из волости на станцию. Седой, строгий. Как, говорит, живете? Эх, мол, барин, даже отвечать трудно на это. И самим непонятно, как живем. То есть, коли мы, мол, в этом году с голоду не околеем все как есть, запишите — великое чудо случилось. Хлеб у нас, мол, такой, мыши и тараканы не кушают, вот как! И расписываю ему, значит. А он молчал, молчал, да и говорит: „Ну, ты, говорит, не очень куксись; оставь жалобы-то для баб. Хоть оно, говорит, и так, однако, говорит, и вы сами тоже не без греха. Гляди, говорит, в оба, а зри в три. Учись, разум тебе для того отпущен“. И пошел, и пошел!.. И так это все у него просто, складно, понятно. Ах ты, думаю! Остановил лошадей, слушаю. Ты чево, говорит, не едешь? Да вот, мол, не слышно вас от колес-то, потому гремят. Засмеялся. Ах, вы, говорит, младенцы! Потом хлопнул меня в спину и говорит: приходи ко мне, в городе будешь. Я тебе расскажу, коли слушать хочешь...

— Ну, и был ты?— спросил старик.

— Нет, не был. А к дому подходил раз, это точно.

Подошел, вижу карета стоит у крыльца; постоял, посмотрел — боязно. Чего я ему? Потом еще кто-то приехал, тоже как бы очень важный господин. Еще, еще... Я и ушел.

Он кончил разговор; докурив папиросу, бросил ее на землю и сумрачно посмотрел на могилу.

— Н-да, был старатель для крестьянства. Теперь, брат, не попрыгаешь далеко-то, потому лишились! — проговорил старик и снова закачался.

Оба замолчали. В их позах много было такого грустного, потерянного, и по лицам, задумчивым и сиротски-печальным, то и дело пробегали тени дум. Серые фигуры стали как-то еще больше серы, неуклюжи, и их молчание казалось Николаю Петровичу невероятно красноречивым. И несмотря на то, что их губы не разжимались, ему казалось, что двое сирот все говорят о своем „радетеле“, говорят теми же уродливо скомпанованными фразами и тем же мало выразительным тоном, которым говорили две-три минуты тому назад.

А кладбище сосредоточенно и бесстрастно молчало, все облитое зноем и пустынное, несмотря на то, что было густо заселено. Кресты, памятники и зелень деревьев, все кладбище было давно знакомо Николаю Петровичу; но теперь оно, казалось ему, приобрело какую-то новую, холодную и жестокую черту, резко изменившую его общую физиономию. Ему казалось, что каждый кусок креста и угол памятника, выглядывавшие из зелени, и сама эта зелень мертво-неподвижная, — все дышало в жаркое ясное небо холодом смерти и ироническим отрицанием всего живого, чувствующего и жаждущего жизни.

Николай Петрович глубоко вздохнул и потер себе лоб ладонью. Ему захотелось поговорить с сиротами, но в это время старший из них повернул лицо к товарищу и снова заговорил: „Тоже вот на земском однажды Телешевского барина разнес, ох, ах ты б-боже мой, как... Тот, значит, говорит: „Не родится хлеб, ну так пусть овес сеют!“ Это про нас-то. А он встал и давай его шпынять. „Вы, говорит, я, говорит, крестьянство, говорит, — все люди! Одинаковые люди, вот как!“ Да еще и это не так, а „мужик, говорит, наш кормилец, и мы, говорит, его неоплатные должники. Потому, говорит, кабы не он, так вы бы, говорит, первый живот-то себе туго-натуго подпоясали; потому корму вам нет, коли мужика нет!..“ Чудесно он его расколол. Тот так и загорелся со зла-то. Н-да! Человечек был, царствие ему небесное!..

И, крестясь, старик любовно посмотрел на могилу.

— Евстратова Николку в люди вывел, какой парень-то стал, башка! Приезжал прошлым годом к отцу-то, студент совсем как есть. Через два, говорит, лета доктором буду,— сообщил младший и снова стал вертеть папиросу.

— Школа тоже...— снова начал было старый, и, махнув рукой, замолк.

Николай Петрович чувствовал, что у него устали ноги, ему захотелось сесть. Сделав движение, он задел рукавом пальто за сучок. Раздался жалобный треск. Сироты дрогнули и, повернув в его сторону головы, подозрительно и пристально посмотрели на него, отвернулись, младший задымил папиросой, громко сплевывая слюну и равнодушно посматривая по сторонам; старший ткнулся подбородком в свои колени и, похожий на ком темно-серой высохшей грязи, сделался неподвижен.

Николай Петрович закрыл глаза и попытался восстановить тот взгляд, которым они оба с минуту смотрели на него. Холодное любопытство и жесткое недоверие светилось в глазах младшего, а старший смотрел своими красными, маленькими, слезящимися глазами равнодушно и как-то снисходительно. Николай Петрович решил, что пора ему уйти отсюда.

— Тоже венков наложили ему. Ишь!.. Пойдем, Ефим...— сказал старик, подымаясь на ноги.

— Айда!— коротко ответил тот и тоже встал с земли. Затем, обнажив головы, они снова начали молиться. Младший молился молча, старший, захлебываясь, шептал что-то.

— Ну, прощай!— встал на колени молодой и поклонился в землю.

— До будущего разу!— прошептал старый.

Николай Петрович молчал и смотрел им вслед. Они шли качающейся, медленной походкой по извилистой дорожке и, ни разу не обернувшись назад к могиле, пропали.

Николай Петрович подошел к месту, где они сидели, посмотрел на могилу и на покрывавшие ее венки и улыбнулся. Венки были смяты, сухи, пыльны, жалки и как-то пошло-смешны. Николай Петрович чувствовал себя скверно, недовольный их видом и еще чем-то. Но ему не хотелось разбираться в себе.

— Ба! что ж такое? Ну, это исключительный факт. Исключительный факт, и только!..— и, пожав плечами, он быстро пошел к ограде кладбища.

После, рассказывая обо всем этом, он начинал так:

— Однажды я наблюдал очень красивый, исключительный факт...

ЭПИЗОД ИЗ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ*

В прошлом году скончался один из видных и, что всего важнее, из честных людей нашей эпохи — Василий Степанович Курочкин. С этим именем у меня соединены самые дорогие воспоминания моей юности. Я бы их берег про себя, если бы они имели исключительно личный, относящийся только до меня интерес; но они, как мне кажется, могут дать содержание нескольким строкам как для будущей биографии Василия Степановича, так еще более — для будущей истории шестидесятых годов.

Попавши в 1858 году из замкнутого, одушевляющегося преимущественно „возлияниями“, кружка казанских студентов в мир студентов петербургского университета я попал с одного полюса на другой. Там (я говорю только об одних дурных сторонах) — принципы „товарищества“ построены на принципе кутежа; здесь — литературно-общественная и даже „политическая“ деятельность, с непременным стремлением во что бы то ни стало попасть „на замечание“... Что лучше — решать не буду; но во всяком случае ни то, ни другое, с точки зрения полезности „перебеситься“, не вредно в воспитательном отношении, если только „кутежи“ и „политика“ не завлекут слишком далеко, до полной бесполезности человека в будущем, а только поставят его со временем в возможность поучительно воспользоваться эпохой своего беснования.

„Литературно-политически-общественное“ движение петербургского студенчества конца пятидесятих годов задело меня всего сильнее одной своей стороной — литературной, не оставившей меня и на берегах Казанки и

* Памяти В. С. Курочкина.

Булака, но выражающейся там, главным образом, в стихотворных песенках элегического содержания и стишках, куплетцах и анекдотических сценках из студенческого мира, дальше рукописных тетрадок и товарищеского кружка не заходивших...

На берегах Невы зародилось во мне неопределенное желание „печататься“.

„Искра“ в то время только что появилась и сразу приобрела блестящее положение. Я спал и видел, как бы познакомиться с Василием Степановичем и попасть в число его сотрудников: последнее во мне таилось в глубине души, в форме самого неопределенного и несбыточного мечтания. Увидать Василия Степановича, — но еще не познакомиться с ним — помог мне один из моих товарищей С.¹, — теперь очень почтенный pater familias, тогда юркий „деятель“, тершийся во всех мало-мальски либеральных кружках Петербурга, всеми силами души жаждавший попасть „на замечание“ и, кажется, действительно попавший, за речь, сказанную им на похоронах художника Иванова², кончина которого облеклась тогда в „политическое“ событие, по общей страсти к ним, так же как несколько позднейшая кончина певицы Бозио.³ С помощью С. попал я зимой 1858-1859 года на обед в Знаменской гостинице, только что в то время отстроенной. Не помню, по чьей инициативе устроился этот обед; помню только, что говорилось что-то о сближении литераторов с молодежью. То было время всеобщего сближения, искреннего, молодого, которым увлекались и далеко не молодые люди сороковых годов... Не то сближение, которое практиковалось позднее, в 1865 г., например, в Нижнем-Новгороде, когда бывший председатель ярмарочного биржевого комитета А. П. Шипов,⁴ воспользовавшись приездом на ярмарку нескольких петербургских литераторов, устроил торжественный обед с целью сближения литературы с почтенным ярмарочным купечеством, и когда г. Илья Арсеньев⁵ без околичностей обругал в своей застольной речи именитых представителей купечества „по Гоголю“ — аршинниками и хриstopродавцами⁶.

На обеде в Знаменской гостинице речей не было. Были простые разговоры людей, большей частью вовсе незнакомых до того друг с другом, но, кажется, искренно веровавших в благие последствия своего сближения, — если и лгавших, то лгавших с верой в свои слова.

Здесь-то увидал я впервые Василия Степановича. Он

был в своей сфере. Ожидая увидеть желчного, сумрачного сатирика, я был очень удивлен, когда увидел умного, простодушнейшего, веселого человека. Но познакомиться с ним, хотя и представлялся удобный случай, я не решился, тем более, что очень хорошо сознавал, что не имея за собой никакого литературного прошлого, не имею и права на такое знакомство, да и вообще более присутствовал душевно при общем тогдашнем движении, чем принимал в нем деятельное внешнее участие.

Заговорив об обеде в Знаменской гостинице, расскажу, кстати, еще об одном „событии“, которое случилось несколько позднее, но хорошо рисует характер тех „давно минувших дней“, о которых идет речь.

Однажды, в мае 1859 года, приходит ко мне тот же приятель мой, который возил меня на обед в Знаменскую гостиницу, и говорит, что нужно принять деятельное участие в орации по поводу отъезда за границу одного официального лица, имя которого тесно было связано с судьбой литературного в то время „Русского вестника“⁷. Рассказывали, что г. К. (имя этого лица) получил по службе, в течение нескольких месяцев, 77 замечаний от своего начальства и подал в отставку. Я, конечно, вполне одобрил такое решение и, полагаясь на мудрость своего приятеля, отдал себя в его распоряжение. Дня через два он впопыхах прибегает ко мне:

— Скорее, скорее, все готово!..

Мы бросились в гостиницу Клея, кажется. Там уже было человек 20 молодежи — студентов, художников, литераторов. Кто-то сказал, что нас „переписывают“, кто-то обругался, кто-то крикнул „пора“, кто-то первый вышел, кто-то приготовил у подъезда 5—6 извозчичьих колясок, кто-то скомандовал — к „Красному кабачку“, кто-то уже приготовил в „Красном кабачке“ приличное количество шампанского и закусок. Всего страннее то, что, кажется, никто хорошенько не знал — как, для чего, кем, все это устраивалось.

Несмотря на то, что я достаточно настроил себя на „политические“ мотивы, мне становилось однако что-то очень скучно, так как никого, кроме моего приятеля, в этом обществе, у меня знакомых не было, а приятель мой суетился и бегал, закидывая по словечку всем и не разговаривая ни с кем. Единственным мне утешением было сознание, что я нахожусь в передовом кружке и даже, быть может, могу „пострадать“.

Погода была ясная, холодноватая. Более благоразум-

ные из нас прогоняли томление ожидания возлияниями у буфета. К такому времяпровождению я не был расположен, но проголодавшись съел какой-то бутерброд и собрался заплатить за него деньги.. Но за буфетом от денег положительно отказались. Когда я стал заявлять свое недоумение, мне было объявлено, что весь расход будет предъявлен после, для уплаты в равной мере всеми участниками.

Наконец, часа через три-четыре ожидания кто-то вбежал с террасы в зал:

— Едут, едут!..

Все бросились вон.

Вдали, по шоссе, плавно катился почтовый дилижанс и слышался рожок кондуктора. Карета с глухим шумом подкатилась на своих внушительных лежачих рессорах к ресторану. Но едва она поровнялась с ним, как была остановлена криками всей толпы: „стой, стой!“

Из экипажа вышел человек лет сорока, очень симпатичной наружности и, очевидно, сильно удивленный. Посыпались речи со стороны остановивших карету, и г. К., вместе с сопровождавшим его семейством, был положительно втащен в зал ресторана. Здесь, с бокалами шампанского в руках, говорилось несколькими голосами разом о сочувствии общества г. К., и даже г-жа К. должна была выдержать несколько „политических“ любезностей... Наконец, отговариваясь тем, что едет не в собственном экипаже, г. К. сел в карету и поехал, напутствуемый громкими возгласами.

Те же коляски подвезли нас к Клею, от подъезда которого все разошлись, куда кому следовало.

Потом узнал я, что распорядителем всей овации был племянник г. К-ва, оглашавшего тогда всю Россию своими статьями и проектами. Вопрос о бутербродах и коляске так и остался неразрешенным: положительно никто мне его разрешить не брался.

Не знаю, как понимают проводы г-на К. остальные его участники, но я вспоминаю о них любовно, несмотря на некоторый юный комизм их.

Возвращаюсь к Курочкину.

Написав один „животрепещущий“ очерк („Из записок офицера“), я снес его с замиранием сердца на угол Итальянской и Эртелева переулка, где тогда жил Василий Степанович, но Василия Степановича я, однако, не застал и, отправив ему очерк по городской почте, в первый раз в жизни стал думать о том, что почтамт может быть неисправен..

Летом 1859 года, живя на вакации в Нижнем, я увидел свой очерк напечатанным в „Искре“... Нынешнее молодое поколение не так чувствительно к писательству; но мы, начинавшие жить в конце пятидесятых годов, делали из литературы предмет чуть ли не благоговейного культа, и потому можно себе представить мой восторг при виде моего произведения в печати, да еще в таком представителе ее, каким была тогда „Искра“.

К осени того же года я состряпал еще два очерка и уже решил непременно лично познакомиться с Василием Степановичем. Несмотря на некоторые шансы для такого знакомства, в виду уже напечатанной статейки, я, однако, все-таки с большим страхом вошел в кабинет редактора „Искры“.

Василий Степанович меня положительно очаровал и так меня обласкал, что я даже почувствовал себя *чем-то*, особенно, когда он сказал, что у меня есть „тургеневская“ способность (перед Тургеневым тогда даже г. Катков⁸ благоговел) двумя-тремя словами резко очертить личность — что, однако, прибавил он, не значит еще, что я могу быть Тургеневым, хотя могу стать современем не совсем дюжинным беллетристом-сатириком... Не считаю теперь нескромным разглашать о себе слова Василия Степановича, потому что вошел в иные рамки своей авторской деятельности и во всяком случае давно уже перестал мечтать о беллетристической славе; одобрение Василия Степановича я себе просто объясняю его увлекавшимся характером и искренним сердечным отношением к начинающему литератору. Не вина Василия Степановича, что когда он мне, как сейчас скажу, задал работу, требовавшую не одного „таланта“, я спасовал перед ней... Василий Степанович дошел до такого внимания ко мне, что даже прочитал мне начало своей поэмы, написанной в средневековом стиле по поводу известной „истории“ покойного П. И. Якушкина⁹ с псковским полицмейстером. Поэма, однако, не могла быть напечатана и, кажется, осталась неоконченною.

Под влиянием симпатии ко мне Василия Степановича и, конечно, под влиянием щекотания авторского самолюбия, я чуть не кинулся обнимать и целовать Василия Степановича, и, выйдя от него, прямо прошел к Юнкеру, где купил себе касторовую шляпу, стоившую 8 рублей, такую, какую носили тогда чуть не все литераторы и художники, предмет заветнейших желаний, которые, наконец, могли осуществиться, потому что, во-первых, я

перед тем только что перешел из студентов университета в вольные слушатели и, следовательно, мог ходить в шляпе, во-вторых, получил от Василия Степановича свой первый гонорар, а в-третьих, следовательно, имел полное право на касторовую шляпу, как писатель.

Недолго, однако, продолжалось мое нахождение в эмпиреях: недостаток жизненных знаний был причиной отсутствия пищи для писательства; я силился выдумать что-нибудь, но ничего путного не выходило, а заданная мне вскоре Василием Степановичем задача вести политическую хронику „Искры“, на манер хроники „Charivari“¹⁰, не удалась. К тому же мне все хотелось изобразить что-нибудь такое, что удивило бы чуть не весь мир...

В декабре 1859 года я уехал из Петербурга и поступил в студенты казанского университета. С тех пор я видался с Василием Степановичем всего только два раза: осенью 1865 и весной 1870 года. Но уже времена были не те: Василий Степанович падал духом и говорил, что „ничего писать нельзя, никого, кроме городских да Андрея Александровича“¹¹, задевать не полагается“.

„ЩАПОВСКАЯ ПАНИХИДА“*

Разнесся слух в Казани... что в Спасском уезде крестьяне пушкинского имения Бездны отказались работать, что туда стекаются крестьяне со всех сторон, что коноводом у них — Антон Петров, пророк. Он говорил, что видел видение во сне, — будто у него на правой руке нарыв сделался, прорвался и под ним оказалась грамота, на которой золотыми буквами написано было: „воля“¹. В Бездне собралось (как рассказывали помещики) до 15 000 крестьян. Солдат, бывших там, оказалось мало — поехал из Казани Апраксин². Не прошло трех дней после его отъезда, как уже говорили в Казани, что он стрелял в крестьян; убитых на месте, говорили, было 70 человек. Когда в крестьян стреляли, они стояли смирно и только крестились! Много погибло в речке Бездне. От „кружка“³ были посланы туда двое разузнать хорошенько, как все было, но их схватили и переслали в Казань. Помещики в Казани так пленились подвигами Апраксина, что хотели поднести ему благодарственный адрес; в клубе пили за его здоровье, в том числе проф. Козлов⁴ и Бекетов⁵. Последний отказался потом от подписки в пользу пострадавших семейств крестьян, открытой в университете, за что был, конечно, ошельмован как следует. На Вяземского⁶, на Янишевского⁷ и Яновича⁸ (бывших в клубе) помещики смотрели как на революционеров, которых мало повесить, потому что они не разделяют их убеждений. Студентов называли мерзавцами, разбойниками... *поджигателями!* Рассказывали, что студенты поджигают дома в Казани, но не было пощады студентам, когда узнали о панихиде!

* Отрывок из дневника. Публикуется впервые.

16-го апреля был докторский диспут Быстрова⁹. Мы пошли (Александр Васильевич¹⁰, Николай Васильевич¹¹ и Виктор Иванович¹², который жил тогда у нас).

До начала диспута ко мне подошел Ар.¹³

— Вы будете сегодня на панихиде?

— Буду. Только не знаю, в котором часу.

— В четыре.

По окончании диспута (довольно плохого, между прочим) мы наскоро пообедали и пошли на куртино. Со всех концов двигались по тому же направлению кучки студентов. Когда мы пришли на куртино, там уже было человек 100; между ними Шапов, Нелидов¹⁴; пришло несколько дам, несколько чиновников. Неподалеку от кладбищенской церкви стояли наши университетские сторожа — Малиновский и Савельич¹⁵, бывшие солдаты, с каким-то крестьянином.

— Да, экой ты неразумный, — говорил Малиновский, — как же не стрелять-то, коли начальство велит?

— В своих-то братьев? — спросил крестьянин. — Эх вы — жандармы! Да что мы не люди что ли, что нас словно баранов убивают?

— Да ведь мы, чай, присягу давали царю и начальству, велят — ну и стреляешь, что станешь делать, и плачешь, а стреляешь.

— Присягу-то разве на то давали, чтоб в своих стрелять?

— На то не давали, а начальство велит, что ж поделаешь?

Малиновский, видимо, путался. Крестьянин разбивал его желчно, страстно на всех пунктах; наконец, дошло до того, что Малиновский, известный у нас остряк, — начал уже отделяваться шуточками, лубками, на которые крестьянин отвечал с сердцем и вскоре прекратил спор.

Дожидались священника. А массы все прибывали с каждой минутой. Толковали о том, чтобы служить панихиду на открытом воздухе, так как в крошечной церковке кладбищенской нельзя было всем поместиться. Приехал молодой священник¹⁶, часто бывавший на лекциях Шапова в университете и на других; он и другие священники советовали остаться в церкви. Служба началась. Импровизированный хор, человек из 50, пел превосходно. Незабываемо во мне впечатление этого хора. Начинали петь не все вдруг, а постепенно, — потому что хор был непривычный, импровизированный, и раскатывался страшный гул, точно снеговая глыба, катящаяся

по снегу, все росла и росла страшно-могучая песня, так и дышало мощью, силой от этого избытия басов, — теноров было меньше, остальных голосов, конечно, вовсе не было. Дрожь пробегала по телу при этих звуках, как-то задирали за сердце, щемили его слова: „упокой, господи, душу усопших раб твоих“. А в промежутках слышались возгласы молодого священника, фальцетом, не примиряющие, но как-то возбуждающие, как запах крови, как дым от пороху; он говорил: „вечная память убиенным за любовь к отечеству и свободе!“

Панихида кончилась. Щапов стал посреди церкви и сказал коротенькую речь, но с таким чувством, так горько и истинно лились у него слезы из глаз, что жутко становилось. Он упомянул, как издавна уже являются в русском народе от времени до времени люди, которых голос народный зовет пророками; большинство их гибнет за свои убеждения, но протест несправедливости всетаки заявлен; часто ложны стремления пророков, но народ видит в них истинное, неподдельное, и чтит это истинное. Кончил Щапов речь словами: „Да здравствует демократическая конституция“¹⁷.

Стали расходиться при „со святыми упокой“, которое пели уже все, кто только имел какой-нибудь голос. В каком-то небывалом настроении рассыпались мы по полю; но тут случился казус, заставивший всех от

А. С. ГАЦИСКИЙ в 1858 году.
Снимок сделан в Москве, в фотографии
„American Moscow“.

души посмеяться. Василий Дементьевич¹⁸ обещался доставить попа¹⁹, но опоздал, и мы встретили его, возвращаясь домой. Василий Дементьевич, комичный сам по себе, казался еще комичней от этого случая со своим дряхлым попом.

— Домой, домой! — Не надо! — кричали ему со всех сторон со смехом.

— Ничего, еще раз панихиду отслужу, — не даром ездил!

— С богом!

Перейдя полуразвалившийся мост, на котором, как рассказывают, встретился Бирон с Минихом, наша масса нашла на другую, — похороны жены Грахе. Мы остановились; похоронная процессия долго тянулась, музыка играла похоронный марш. Вдруг, сломя голову, к кладбищу, обгоняя похоронную процессию, пронесся полицмейстер Витте²⁰. Мы решили, что, вероятно, для нас и согласились подождать, а трое вернулись назад, узнать, что будет, — Дементьич ведь поехал другую панихиду служить.

Мы разлеглись отдельными кучками на земле. Чистый, прохладный, весенний воздух нежно бил в лицо, издали неслись медные звуки похоронного марша, солнце грело, от земли так и несло какой-то свежестью, силой. Хорошо было.

Долго дожидались. Наконец, вдали показался на своих уродливых дрогах Дементьич; он подъехал. Мы окружили его. Старик-поп сидел ни жив, ни мертв, — неизвестно по каким причинам, упорно смотрел вниз и был в высшей степени комичен.

Все стали расходиться толпами по разным направлениям. Человек 60, между которыми был и я, пошли по Лядской; еще не доходя до нее, в поле кто-то запел: „По чувствам браться мы с тобой“²¹, все поддержали, и вот разлилась громадная, шумная песнь, не перестававшая до Малой Лядской, где уже все разделились на маленькие кучки. Проходя мимо одного дома, неподалеку от Высоцких, мы пели: „Долго нас помещики душили“²². У ворот стоял мужичок и напутствовал нас словами:

— Спасибо, братцы, молодцы!

Когда мы были на куртино, к Вяземскому прискакал Козлянинов²³ (это рассказывал на другой день Янишевский). Козлянинов был бледен, как полотно, кипятился до-нельзя, ему чудились баррикады на Воскресенской.

Вяземский был по обыкновению хладнокровен и невозмутим до-нельзя.

— Что вы, князь, делаете? Вы не знаете, что у вас делается!

— Ничего. А впрочем знаю.

— Ведь ваши студенты панихиду служат в эту минуту, а вы сидите, как будто вам и дела нет.

— И дела нет.

— Да как же это возможно! Нужно принять меры...

— Принять меры!.. Вы бы вот послали сейчас туда полицмейстера,— вот тогда было бы нам дело, вышел бы какой-нибудь скандал.

— Да я уже послал...

— Дурно сделали.

Но полицмейстер, как я говорил, опоздал, и все кончилось мирно.

Хладнокровие Вяземского совершенно успокоило Козлянинова. Но помещики желали бы удавить и перевешать всех студентов вместе с начальством, этими погаными вольтерьянцами — попечителем Вяземским, инспектором Янишевским. Львов²⁴, конечно, донес, куда следует, тотчас обо всем. Из Петербурга тотчас прислали депешу Вяземскому, где говорилось, чтобы он разузнал все как следует, принял свои меры. Вяземский отвечал, что это не его дело, так как студенты теперь подчинены общей полиции. Вслед за тем точно такую же депешу получил Янишевский, — он отделяется тем же, прибавляя, что за то, что делают студенты вне университета, он не отвечает. Потом — к Бутлерову²⁵; тот говорит, что его обязанность, как ректора, состоит в заботах по учебной части университета, а не полицейских. Видя, что каши не сварить, Петербург замолчал. А там издали, вероятно, дело показалось страшным. Волнение крестьян, панихида студентов, — наверное, все в заговоре, бунт, резня!.. Издали все страшно!

Булич²⁶ ни к селу, ни к городу заговорил на лекциях о Бездненском деле, но не проговорил и 10-ти минут, как вынул носовой платок, поднес его к глазам и со словами: „Нет, господа, я не могу говорить, слезы меня душат!“, вышел из аудитории, а в одном частном доме одобрял действия Апраксина и ругал студентов.

Все это время я, да и все, были в каком-то нервическом настроении, беспрестанно кто-нибудь приходил, приносил какую-нибудь весть. Янишевский просил всех предпринять, что следует, надеясь на то, что начнутся

обыски. Мы то и дело, как ребяташки, пели марсельезу, „Par la voix du canon d'alarme“²⁷, „По чувствам братья мы с тобой“, „Долго нас помещики душили“ и т. д., рассматривали немецкую иллюстрацию 1848-го года, которую я взял у Григоровича. Словом, жизнь была полна интереса, если прибавить к тому еще усиленную деятельность — у меня (вообще у 4-х курсов) шли экзамены. Между студентами некоторые (очень мало — преимущественно так называемая партия химическая) не одобрили панихиду. Религиозного смысла, конечно, она не имела, она была только как протест действиям Апраксина и сочувствию к нему помещиков. Смешно поставил себя Матерн²⁸ в одном споре:

— Все ведь это зачинщики делают, — говорил он, — они бы не затевали, никакой панихиды бы не было.

— Это ваше мнение?

— Нет, кроме меня и еще есть партия, которая не одобряет панихиду, между студентами же.

— А у этой партии кто же зачинщиками?

— Мясников!²⁹ быстро проговорил Матерн и спохватился уже тогда, когда все бывшие при этом разразились смехом.

Если между студентами были подобные господа, неудивительно, что некоторые офицеры перед отправлением солдат из Казани в Спасский уезд говорили: „Вот она, справедливость-то! Везде протекция! Вот тех отправили в Спасский уезд, а мы здесь сидим!“

Бедные! Тем пожалуй награды, кресты дадут за храбрость, а вы сидите себе в Казани, да караулы занимаете! Где же справедливость в самом деле? Бедные, бедные!

Со всех сторон неслись слухи о волнениях — из Перми, из других казанских уездов, из Пензенской губернии. Там также крестьяне отказались от работы. Староста послал за исправником; исправник приехал с ротой солдат и давай увещевать крестьян по своему, т. е. в ус да в рыло. Крестьяне связали исправника, офицеров, посадили их на цепь и хотели судить мирским судом. Конец этого дела — приехал флигель-адъютант; четырех крестьян сквозь строй, 200 человек на поселение!

Через несколько времени Щапову велено было в 24 часа выехать из Казани в Петербург. В июне, здесь уже, в Нижнем, я поехал с Александром Васильевичем и Василием Ивановичем³⁰ на самолетскую пристань провожать Н. А. Соловцеву, ехавшую в Смоленск. Там на пристани нам пришлось в голову проводить ее до Балахны.

На возвратном пути встретил я в каюте Христофорова, ехавшего из Петербурга в Казань. Мы проговорили с ним всю ночь (Василий Иванович был на палубе, Александр Васильевич спал). Солнце облило каюту багровым светом, мы подъехали к Нижнему, и я распростился с Христофоровым. Он рассказывал мне, как уже взял в Петербурге паспорт, чтобы ехать за границу, как после у него паспорт взяли назад и попросили ехать в Казань. Рассказывал, что виделся со Шаповым. С ним обращались все время очень хорошо. Отобранные у него бумаги возвратили ему не тронутыми. Докладную записку, написанную им государю³², где он откровенно высказывал свои убеждения, которые он высказывал и в Казани на своих лекциях, обещались передать по принадлежности, но Шапов не получил на нее ответа. Теперь он причислен к министерству внутренних дел; ему поручили заниматься раскольническими делами.

А. С. ГАЦИСКИЙ.
ОБЫДЕНЩИНА *

Ноябрьский серый день склонялся к полному мраку. Сумерки давно уж, чуть не с утра наступили. Мороз еще не велик был, но редкий воздух с ветром проникал до костей.

У одного из угольных домов перекрестка, образуемого Сретенской и Чайковской улиц, дрогло вместе со своими лошадьми несколько извозчиков.

— И чего, псы эдакие, засиделись! Вот уж к вечеру давно ударили, а еще никто не выходил, — сердито ворчал рыжий, бородатый богатырь, которому бы кули девятипудовые таскать, а не на облучке жиденьких санишек синеть, и ткнул кнутовищем на противоположный угол перекрестка, на большое серое здание с вывеской „Губернская земская управа“.

— А ты не лайся — каждый день хлеб дают, — отвечал седенький, покорливый судьбе мужичонко в верблюжьем халате, изображавшем кучерской армяк.

— Да, хлеб дают, по гривеннику на брата!..

— А тебе бы по рублевке за конец! — ввязался, перебирая плечами и хлопая рукой об руку, третий...

В это время на подъезде управы показались две высокие фигуры, за которыми вскоре посыпались еще десятка полтора фигур высоких и маленьких, худеньких и толстых, в овчинных шубах и в осенних порыжевших пальто и даже в каких-то странного вида поддегейках.

К высоким, первым показавшимся на крыльце, фигурам, молча подъехал озлившийся извозчик, принял их в свой нехитрый экипаж и повез вдоль по Чайковской улице,

* Автобиографический рассказ. Публикуется впервые.

твердо зная, что одну фигуру, Алексея Ивановича Воскресенского¹, секретаря нужно будет посадить на углу Ошарской улицы, а другую — Дмитрия Александровича Студеного², председателя, довести до дому, у Звездина пруда.

— И не видали, как земское собрание подкралось! — заметил Дмитрий Александрович, ежась от холода.

— Да, время шибко летит, нынче вечерком, Дмитрий Александрович, не посетите ли управу, а то пожалуй не успеет. Неделя только осталась. Я и канцелярии всей приказал с сегодняшнего дня и вечером сходиться.

— Так что ж, и я буду.

— Да я уж знаю, что вы первый на работу. Да такого председателя мы еще не видали. Я ведь с открытия земских учреждений... Павел Михайлович дельный, занимающийся был председатель, а все не то, что вы...

— Эко у вас какие секретарские речи!..

— Чего секретарские, сами знаете, что верно говорю...

„Гм, верно, — думал Дмитрий Александрович. — Положим, верно, положим не лезть это; не такой я смиренник, чтобы не знал себе цены, не такой Алексей Иванович, чтобы лезть любил, а все-таки... все-таки... не сле-

А. С. ГАЦИСКИЙ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ
В НИЖЕГОРОДСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ.
Фото А. Барро. 1854-й год.

дует ему так прямо, точно в самом деле секретарь под председателя подлаживается, ну, а за тем... все-таки... все-таки... и не следует, и неприятно это мне отчасти, а отчасти и приятно, да приятно, просто приятно“...

— Ну вы там как хотите меня восхваляйте, — прибавил он вслух и хихикнул в воротник шубы, — а вот что скажите, как губернатор меня на барьер позовет, а приреченские улицы по морде бить станут!..

— Как по морде?

— Разве я вам не говорил? Как же! На-днях мне, под видом приятельского предостережения передавали, что приреченцы порешили, если собрание признает их виновными, мне по морде публично, в собрании закатить...

— Что-о вы? Не может этого быть.

— И не будет, надеюсь... Это они застрашивают меня, не уберусь ли в отставку до собрания, да на меня угрозы только возбуждающим образом действуют... А впрочем, чего не может быть! От мордобития никто не застрахован. В таких передёлах не бывал, и что сделаю — не знаю... Ну, вам слезать... Так к семи часам буду в управе... По дороге заеду за вами, около семи.

— Да что вам беспокоиться, Дмитрий Александрович, все-таки крюк...

— Ну, ладно! До свидания. Без четверти семь буду у вас.

— Мое почтение, Дмитрий Александрович.

Дмитрий Александрович подвинулся на середину сиденья саней и поехал дальше, домой, а Алексей Иванович поглядел ему в спину, сгорбившуюся, заостренную поднятым воротником, побрел к пятому от угла дому, „ко щам“, подумав: „Какой ведь дохленький с виду, а — птица!..“ Во рту Дмитрия Александровича сухо было, горько, от голода, работы и попыхивания с утра папирос, зевота одолевала от утомления; глаза смотрели тускло.

„Да, — думал он, — актерство пока на людях, с Алексеем Ивановичем, например, храбришься... А ну, если... Фу, мерзость какая!.. Да не может быть!.. В морду... в морду!.. А ведь чуть не каждый день кто-нибудь кого-нибудь в морду!.. Да, каждый день. Но ведь каждый день, каждую минуту, каждую секунду и умирает кто-нибудь, и все-таки тому, кому умирать приходится, от того не легче... И чего я так ретиво взялся за дело? Была бы тишь, да гладь... Нет, так следовало... А впрочем, что я? Деятель или делец, искренне преданный делу, или карьерист?..“

Извозчик остановился у деревянного, дикой окраски дома, на каменном полуэтаже. Дмитрий Александрович рад был, что нить его мыслей, хотя и не особенно связанная, насильственно была прервана, расплатился и двором, задним крыльцом (так как не имел обыкновения звонить у себя дома с парадного подъезда) прошел к себе.

— Штуденка, Штуденка приехал, мама, Штуденка приехал, — закричал сынишка Дмитрия Александровича, убегая от него, так как знал, что отец не любит, когда к нему, вошедшему с холода, подходят дети — семилетняя Леля и пятилетний Митюшка.

— Нет, это просто наказание, я просто адрес подам земскому собранию, чтобы хоть оно тебя обязало пораньше домой приезжать из управы, — говорила, сидя около молча наливавшего суп Дмитрия Александровича, его морганатическая супруга, как он ее называл, Елена Владимировна.

— Дайте мне тоже шупу, — вставил Митюшка.

— А ты ведь ел уж?

— Ел, еще хочу.

— А я еще не ел, подожди.

— Не давай, не давай ему, — вмешалась Леля, — он ведь только озорничает.

— Просто бедовый мальчишка, — заметила, выходя из гостиной стройная, с античным профилем шестнадцатилетняя Наташа, брачная дочь Елены Владимировны. — Меня нынче так по носу ударил, что чуть кровь не пошла.

Вся домашняя „публика“, как называл свою семью Дмитрий Александрович, окружив его, рассказывала ему все „события дня“, т. е. время, проведенное ею без него — с 11-ти часов утра до его возвращения: к Елене Владимировне приходила Варенька Бабушкина, опять „мамаша в карты просит играть“; Наташа рассказывала, как она собачонку Роньку чуть до смерти не убила („легонько ударив ее платком“) и как она сама чуть глаз себе не выколола... Леля восхищалась Пятницей в „Робинзоне“, Митюшка представлял на полу, как он на коньках будет кататься, когда вырастет большой.

Дмитрий Александрович, молча и улыбаясь, ел и слушал, наслаждался своим семейным очагом... „Вот оно, буржуазное счастье, да, я буржуа настоящий... В морду!.. Да, буржуа; нет, не совсем, действовал, как следовало действовать... А хорошо все-таки это мещанское счастье!.. В морду...“

— Фу, как я наелся, — откинувшись на спинку стула и протянув руку на стол, заметил он вслух.

Горничная Катя положила на стол только что принесенную почтальоном кипу газет и несколько писем.

Дмитрий Александрович расцеловал всю „публику“, захватил с собой газеты и письма и ушел в кабинет.

Зажегши лампу и взглянувши на письма, он методически сорвал газетные бандероли, отложив два письма с знакомыми почерками на адресах, содержание которых его не особенно интересовало, и вскрыл письмо с петербургским штемпелем, на адресе которого стояло: „Господину председателю губернской земской управы Студеному“, без имени и отчества.

Утомленное и лишенное всякого выражения после сытного обеда лицо Дмитрия Александровича вдруг ожило. Он даже встал, поднес письмо ближе к лампе и в другой раз перечитал его. Потом положил его на стол, прошелся раза два по комнате, взял снова письмо в руки и не читая смотрел на него. Брови были сдвинуты, рука, державшая письмо, едва заметно дрожала.

„Ну, зевать однако некогда. Елена тоже не такая женщина, чтобы в обморок падать. Нужно ей сказать,“ — и Дмитрий Александрович быстрым шагом направился было к двери, но сдержал себя и ровной походкой вошел в спальню к Елене Владимировне, в которой бушевал Митюшка, приставая к пришедшей Китине, т. е. Екатерине Прокофьевне, бывшей гувернантке Наташи, которую он убеждал сослужить ему службу арабского жеребца, — повозить его верхом на себе.

— Известие не особенно приятное, — сказал Дмитрий Александрович, подавая письмо Елене Владимировне, рисовавшей Леле Митюшку, едущего верхом на Китине.

— Что еще? — спросила Елена Владимировна спокойным тоном, привыкши уж последнее время к известиям не особенно приятным, и потянулась за письмом.

Дмитрий Александрович положил руку на плечо Елены Владимировны и замер.

— Ну, глупости! Чего сочинил! Дурень, право дурень, — шутливо ругаясь, говорила Елена Владимировна.

— Не шучу, — сказал Дмитрий Александрович, и по тону, холодному, но серьезному, Елена Владимировна поняла, что шуткам нет места.

— Что такое? Что такое? — спросила Китина, отстраняясь от Митюшки, который не переставал бушевать.

— Вот что такое, — сказал Дмитрий Александрович и

вслух, раздельно, внятно и даже как-то грозно прочитал: „М. г., не имея честь лично знать Вас, считаю однако долгом сообщить вам, что III отделение намерено Вас арестовать, и — по всей вероятности куда-нибудь выслать. Соглашение с министерством внутренних дел уже последовало.“

Китина просто взвыла. Наташа всхлипывала. Дети присмирели. Елена Владимировна и Дмитрий Александрович молча глядели друг на друга сердито, мрачно, так, что если бы вошел свежий человек, принял бы их за врагов. Из кухни, потирая руки от холода, вошла нянюшка Пелагея Федоровна, что-то хотела рассказать веселое, но, взглянув на всех, почувяла недоброе и остановилась у печки.

— Что, Палаша, убираться надо из Нижнего.

— Что такое? Как убираться, зачем убираться?

— Дмитрия Александровича арестуют и увезут.

— Мать пресвятая богородица! — и нянюшка присела на пол, взывши так же, как Китина.

Обе — Китина и нянюшка разом заговорили: — Да что это такое! Это уже совсем жить нельзя, да это все Мордасова³ штука. А может быть еще ничего нет, так подшутил кто-нибудь. Кому шутить...

— А ты верхом поедешь, Штуденка? — спрашивал Митюшка.

Леля, прижавшись к матери, пугливо смотрела на отца.

— Ну, вы тут пока причитайте, — ласково сказал Дмитрий Александрович, — а мы, Елена, пойдем ко мне поговорим. Мне кажется, мне сегодня же нужно драть в Петербург, там кинусь к старику Второву, у него еще должны быть крепкие старинные связи, поможет мне по крайней мере разузнать, в чем дело“.

— Поцелуй ты меня прежде всего, — сказала Елена Владимировна Дмитрию Александровичу, когда вошли в кабинет.

Они крепко, любовно поцеловались, как целовались весь десяток лет, их связавший друг с другом.

— Голубчик ты мой, везде люди живут, — ясно, спокойно говорила Елена Владимировна. — Только бы здоровым нам всем быть, остальное все вздор.

— Вздор-то вздор, а все-таки гадкий, глупый вздор. С тобой я тоже ничего не боюсь, но себя боюсь. Ты знаешь, что я пропал без работы, а какую работу найду я себе в каком-нибудь Шенкурске?.. Ну да об этом

еще пораздумаем, а теперь поскорей поеду к Алексею Ивановичу, к Николаю Николаевичу⁴, к Сергею Васильевичу⁵; не сказавши им, нельзя уехать“.

— А к Рябину?⁶

— Да, хорошо, что напомнила, к Рябину непременно нужно.

Решено было ехать Дмитрию Александровичу на другой день, так как до отхода поезда оставалось часа четыре, а в этот вечер нужно было ему быть у Алексея Ивановича, чтобы тот свидетельствовало на отпуск изготовил, побывать у коллег, членов управы, Николая Николаевича Рванцева и Сергея Васильевича Протрубицкого, и кроме того еще у Рябина, губернского председателя дворянства, председателя губернского земского собрания. Письмо решено было уничтожить, чтобы оно впоследствии, если история разыграется, не сослужило дурной службы тому, кто его писал.

— Видите, как я аккуратен, — заметил Дмитрий Александрович Алексею Ивановичу, указывая ему на часы: было без пяти минут семь часов.

— Сейчас, сейчас, а мы с женой за чаем и не заметили, что пора уж. Не хотите ли стаканчик?

— Пожалуй, Марфа Петровна, только пожиде прошу вас, а то ведь вы все пивом, а не чаем угощаете. А мы пойдем в кабинет Алексея Ивановича. Дело есть.

— Пожалуйте.

— Прочитайте.

Алексей Иванович только руками развел, прочитавши поданное ему письмо.

— Вот что, Алексей Иванович, — скороговоркой заговорил Дмитрий Александрович. — В управу я с вами, конечно, теперь не поеду. Недоконченные доклады обрабатывайте, уж, сделайте милость, сами. Я завтра еду в Петербург. Если благополучно — к земскому собранию в неделю-то обернусь. Повезут в места прохладные — без меня собрание обойдется. Опоздаю несколько дней — тоже беда невелика. Своя шкура дороже. Сейчас к Рябину поеду, ему как председателю нельзя не сказать; тоже к Николаю Николаевичу и Сергею Васильевичу. Больше чтобы никто не знал. Это — Мордасов, больше некому, следовательно, если узнает, что я уезжаю, может на свой риск взять, захватить, арестовать меня — „во избежание могущих быть серьезных последствий“ — может я, эдакий важный преступник, за границу удираю. Отпуск мне сами своей рукой напишите, и печать сами прило-

жите и номер вставьте, чтобы никто не знал. Дня через три можете всем говорить — тогда я уже в Петербурге буду, а мне только до Петербурга добраться, когда возьмут, тогда уж поздно.

— Эдакие гадости! Ну, да еще видно „свет не без добрых людей“. Хорошо еще, что письмо-то вас преварило.

— Да, люди, видно, везде есть. Так смотрите ж, Алексей Иванович, — никому.

— Полноте! жене даже не скажу.

— До свидания, завтра утром буду в управе, для отводу. До свидания, — говорил Дмитрий Александрович уже в зале.

— А чайку-то, Дмитрий Александрович, — упрасивала Марфа Петровна.

— Нет, уж тороплюсь. Выхлебну налитый стакан, а уж больше не просите.

Минут через десять Дмитрий Александрович входил в кабинет губернского предводителя дворянства Василия Васильевича Рябина.

— Не в урочный час я вас побеспокоил, ваше превосходительство. Но дело крайне важное и серьезное для меня.

— Что прикажете?

— Я сегодня получил анонимное письмо из Петербурга, потрудитесь прочитать.

— Гм! — сказал предводитель. — Кто бы мог его написать? — спросил он, испытующе глядя на Студенова.

— Думаю, что какой-нибудь маленький чиновник III отделения. Я слышал, что это даже и не маленькие чиновники делают.

— А вы не полагаете, что это мог вас известить человек, который вовсе не служит в III отделении, но который считает вас своим? Ни для кого не тайна, что тайны III отделения часто бывают открыты тем, от кого они скрываются. Это доказали последние политические процессы.

— Быть может и это. Но во всяком случае меня теперь интересует вопрос: что делать?

— Это всего практичнее, — заметил Рябин, когда Дмитрий Александрович сообщил ему свой план, и спросил, раскидываясь в кресле и пуская вверх струю дыма из папиросы:

— А кому приписываете вы хлопоты о том, чтоб вас „убрать“ до земского собрания“?

— Надеюсь — тому ж, кому и вы...

— То-есть?

— То-есть графу Мордасову.

— Да, это человек, не особенно разборчивый в средствах для борьбы.

— Теперь я хорошо припоминаю выражение его лица, когда он мне говорил: „Я вижу, что между нами идет открытая борьба. Посмотрим, кто одержит верх“... Я ему тогда ответил, что так как будущее для нас закрыто, то я, по крайней мере с своей стороны, возьму тоже роль наблюдателя, — посмотрим, что выйдет... Но я тогда никак не ожидал, что под *открытой* борьбой граф разумел то, что открыто теперь мне только этим анонимным письмом.

— Во всяком случае, поезжайте, вы еще успеете, — дело не каплет, потому что в таких делах требуется соглашение с предводителем дворянства, а я никаких запросов еще не получал.

Попросив и Рябина не разглашать об его отъезде в течение нескольких дней, Студеный откланялся.

Рванцева Студеный не застал, конечно, дома — по обыкновению. У Протрубицкого он попал в целое *société*.

КОММЕНТАРИИ К МАТЕРИАЛАМ СБОРНИКА

В. Г. КОРОЛЕНКО

ПАМЯТИ А. С. ГАЦИСКОГО.

Первая редакция этой статьи представляла собой доклад, прочитанный В. Г. Короленко 5 мая 1894 года в заседании нижегородской ученой архивной комиссии. Затем, проведя лето того же года в имении С. Д. Протопопова в Маресевском хуторе Лукояновского уезда Нижегородской губернии, Владимир Галактионович подверг эту статью дальнейшей обработке и в ноябре — декабре месяцах опубликовал в „Русских ведомостях“ под заглавием „Из истории областной печати“. В третьей и последней редакции эта статья появилась во втором томе „Полного собрания сочинений“, вышедшем в 1914 г. в издании А. Ф. Маркса, по которой нами и печатается. Местонахождение автографа этой статьи неизвестно, в полтавском Архиве Короленко имеются только печатные редакции.

Об интересе, проявляемом Короленко к фигуре Гациского, можно судить по материалам библиографии Гациского, печатаемой нами ниже, — тут речи, статьи, рецензии, беллетристические рассказы, беглые газетные заметки, телеграммы, дневниковые записи и теплые сообщения в письмах родным и знакомым.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Семья Гациских в то время состояла из отца, матери, бабушки М. И. Петерс, сестры Генриетты (впоследствии жены казанского профессора астрономии Мариана Альбертовича Ковальского, родилась 21. IX. 1831 г., умерла в начале XX столетия в Пулкове), брата Евстафия Оттона (20. IX. 1832—23. III. 1863) и наконец, самого А. С. Гациского.
2. Серафим Петрович Гациский (14. X. 1803—1. IV. 1876), лекарь и акушер. Образование получил в Виленском университете. По окончании университета практиковал на Украине, потом в Рязани, затем перевелся на родину, в г. Вилейку Виленской губернии. Пребывание на родине его не удовлетворило, и он вновь возвращается в Рязань. Проработав в Рязани около года, Серафим Петрович перевелся в Нижний Новгород, где и работал до конца своих дней. Единственным выступлением его в печати были две заметки из медицинской практики, опубликованные в № 16 газеты „Друг здравия“ за 1847 год.
3. Генриетта Ивановна Гациская (30. V. 1813—12. I. 1876) была до-

- черью Ивана Яковлевича фон Петерс (умер в 1846 г. в Вильне), участника войны 1812 г. и взятия Парижа, и Маргариты Свободы (умерла в Н. Новгороде в 1851 г.). Из дневника Гациского видно, что Генриетта Ивановна была не дочерью, а внучкой французского эмигранта Жана Свободы и его жены, рожденной Витт.
4. Гациский, А. С. Краткая некрология некоего благонамеренного литератора и старца Александра (шутливая автобиография). — Сборник в память А. С. Гациского. Н. Новгород, 1897, отд. I, стр. 2.
 5. Ешевский, Степан Васильевич (2. II. 1829—29. V. 1865), профессор казанского, позднее московского университетов по кафедре русской истории. Воспоминания Гациского об Ешевском опубликованы в „Нижег. губ. вед.“, 1865, № 23 (5 июня), часть неоф., стр. 178—182; в переработанном виде эта статья напечатана в составленном Гациским путеводителе „Нижегородка“, 1877 г.
 6. Иванов, Николай Алексеевич (1813—30. III. 1869), профессор казанского, позднее дерптского университетов по кафедре русской истории.
 7. Шевырев, Степан Петрович (1806—8. V. 1864), историк, литературовед и поэт. Со страниц издаваемого им славянофильского журнала „Москвитянин“ выступил как идеолог николаевской реакции.
 8. Бестужев-Рюмин, Константин Николаевич (1829—2. I. 1897), академик, профессор петербургского университета по кафедре русской истории, учредитель бестужевских женских курсов. Исторические взгляды Бестужева-Рюмина носили эклектический характер, но в своем стремлении преодолеть славянофильство и западничество он неуверенно тяготел к федеративной теории, развитой позднее его последователем, А. П. Щаповым. Гациский был связан с ним личным знакомством и перепиской. В Архиве Гациского хранятся три письма Бестужева-Рюмина, относящиеся к 1889 г. (папки № 2 и 3а); в институте литературы Академии наук СССР (в Пушкинском доме в Ленинграде) имеется 13 писем Гациского Бестужеву-Рюмину 1874—1889 гг. (шифр. $\frac{24734}{CZXXX 62}$), а также два письма А. И. Звездина, в которых он просил Бестужева-Рюмина содействия в утверждении пожизненной пенсии Литературного фонда для вдовы Гациского О. А. Александровой (шифр $\frac{24802}{CZXXX 6 15}$).
 9. Щапов, Афанасий Прокофьевич (1830—27. II. 1876), преподаватель Казанского университета, выдающийся русский историк. Описание выступления его на панихиде по расстрелянным крестьянам с. Бездны Казанской губернии смотри в дневниковой записи Гациского „Щаповская панихида“, публикуемой в этом сборнике.
 10. Мельников (псевдоним — Андрей Печерский), Павел Иванович (25. X. 1818—1. II. 1883), писатель, автор известных романов „В лесах“ и „На горах“, исследователь заволжского раскольниковства. Гациского связывала с ним тесная дружба на протяжении почти тридцати лет. Их переписка опубликована Чешскими-Ветринским в „Сборнике памяти П. И. Мельникова-Печерского“ (Н. Новгород, 1910, стр. 204—248). Гациский посвятил ему некролог, напечатанный в „Волжском вестнике“, 1883, № 7 (13 февраля), стр. 159—161.
 11. Филареты — польское студенческое общество, организованное главой патриотического и демократического движения польской молодежи в Вильне и другом Адама Мицкевича — Фомой Заном. В 1823 году это общество вызвало преследование со стороны русских властей.

12. Курочкин, Василий Степанович (28. VII. 1831—15. VIII. 1875), сатирический поэт и переводчик, известный как издатель лучшего сатирического журнала шестидесятых годов „Искры“ (1859—1872 гг.). Воспоминания Гациского о Курочкине публикуются в этом сборнике.
13. Автор этого письма Василий Ксенофонович Владимирский (1834—1902), член нижегородского статистического комитета, сотрудник Гациского по „Нижегородскому сборнику“. В Архиве Гациского (папка № 4) хранится одиннадцать писем Владимирского, в том числе и упоминаемое Короленко, которое в сокращении опубликовано в „Сборнике в память А. С. Гациского“. Н. Новгород, 1897, отд. III, стр. 28.
14. Тут вкралась незначительная биографическая ошибка. Гациский, пробыв в петербургском университете 1858/59 учебный год, вновь возвратился в казанский университет, в котором и закончил свое университетское образование в 1861 году. Затем, после неудачной попытки найти работу в Москве, Гациский избирает местом своей дальнейшей деятельности Н. Новгород.
15. Одинцов, Алексей Алексеевич (12. V. 1803—17. IV. 1886), нижегородский военный губернатор 1861—1873 гг., автор „Посмертных записок“, опубликованных в „Русской старине“ 1889, № 11 и 1890, № 1. Воспоминания Гациского об Одинцове напечатаны в „Нижег. губ. вед.“ 1886, №№ 18 и 19 (перепечатаны в брошюре Гациского „Люди нижегородского Поволжья“ (Н. Новгород, 1887, стр. 205—221). В Архиве Гациского хранится 22 письма Одинцова 1867—1883 гг., носящие характер официальной и личной переписки (папки № 17 и № 17а).
16. Муравьев, Александр Николаевич (1792—1863), декабрист, один из основателей „Союза спасения“; после возвращения из якутской ссылки был архангельским, затем нижегородским губернатором, где проявил деятельное участие в проведении крестьянской реформы 1861 г.
17. Гациский, А. С. Люди нижегородского Поволжья. Биографические очерки. Кн. I. Н. Новгород, 1887, стр. 216.
18. Кутайсов, Павел Ипполитович, граф (24. XII. 1837—1911), сенатор, член государственного совета; с должности военного агента в Лондоне 14. V. 1873 г. назначен нижегородским губернатором. 5. 1. 1880 г. по приказу военного ведомства „всемиловнейше уволен по болезни от должности губернатора“. Симптомы этой болезни вскрыты в пояснительной заметке к рассказу Гациского „Обыденщина“, публикуемой в этом сборнике. В 1882 г. Кутайсов получил более „достойный“ пост начальника Варшавского жандармского округа.
19. Ингатьев, Николай Павлович, граф (1832—1908), нижегородский губернатор с 1879 по 1880 г.
20. Гациский, А. С. (Айр-Ольдридж в Нижнем) — „Нижег. губ. вед.“, 1862, № 28 (14 июля), часть неоф., стр. 210. В цитате допущены купюры и незначительные расхождения с оригиналом.
21. Гациский, А. С. Несколько слов по поводу издания Губернских ведомостей — „Нижег. губ. вед.“, 1862, № 50 (15 декабря), часть неоф., стр. 355.
22. Там же. В цитате незначительные расхождения с оригиналом.
23. Балахонец (псевд.). Еще о Балахне — „Нижег. губ. вед.“, 1863, № 7 (16 февраля), часть неоф. стр. 72.
24. *Main morte* (фр.), „право мертвой руки“, — крепостное состояние, лишаящее права распоряжаться собой и своим имуществом.
25. Гациский, А. С. О нанимателях и нанимающихся — „Нижегород. ярмар. справоч. листок“, 1863, № 1.

26. Валуев, Петр Александрович, граф (22. IX. 1814—27. I. 1890), министр внутренних дел 1861—1868 гг., романист и поэт. Типичный представитель бюрократии 50—70 гг., лавировавшей между буржуазией и крепостниками.
27. Мельгунов, Николай Петрович (умер около 60 лет 10. III. 1892), редактор-издатель „Нижегородского листка“ (Некролог о нем— „Волгарь“, 1892, № 62 (14 марта) стр. 2).
28. Смирнов, Александр Павлович (умер 38 лет 8. I. 1865 г.), секретарь (предшественник Гацкого) нижегородского статистического комитета; в 1863—64 гг. совместно с Гацким редактировал „Нижегородский ярмарочный справочный листок“. Из краеведческих его работ наиболее известна брошюра „Павлово и Ворсма“ (Москва, 1864). Гацкий посвятил ему некролог, напечатанный в „Нижегор. губ. вед.“ 1865, № 3 (перепечатан в брошюре Гацкого: Обзор деятельности нижегородского статистического комитета за 10-летний период времени. Н. Новгород, 1875, стр. 22—24).
29. Агафонов (псевдоним — Я. Посадский), Николай Яковлевич (25. XI. 1842—1908), казанский публицист, библиограф и историк; в 1872—1874 гг. издавал лучшую провинциальную „Камско-Волжскую газету“. Статьи Агафонова о Гацком см. по библиографическому списку. В Архиве Гацкого (папка № 50) сохранились черновики интересных писем Агафонову периода 70-х гг.
30. Лаврский (псевдоним — Литератор-обыватель), Константин Викторович (родился 19. XII. 1844 г.), казанский публицист и критик, сотрудник „Камско-Волжской газеты“ и газеты „Неделя“. В Архиве Гацкого сохранилось 6 писем Лаврского, относящихся к холерному 1892 году (папка № 14).
31. Лонгинов, Михаил Николаевич (2. XI. 1823—23. I. 1875), известный библиограф и историк литературы. В 1871—1875 гг., возглавляя Главное управление по делам печати, проявил фанатическую нетерпимость к свободе слова.
32. Мордовцев, Даниил Лукич (6. XII. 1830—10. VI. 1905), беллетрист, публицист, историк. Статья его „Печать в провинции“, появившаяся в журнале „Дело“ за 1875 г., вызвала оживленную полемику на страницах столичной и почти всех провинциальных периодических изданий. В своих ошибках, допущенных в этой статье, он признавался несколько раз (см. библиографический список).
33. Реклю (Reclus) Мигиэль-Эли (1827—1904), французский этнограф и писатель, сотрудник русских радикальных журналов — „Отечественных записок“, „Дела“ и „Слова“.
34. Михайловский, Николай Константинович (15. XI. 1842—28. I. 1904), публицист и критик, выдающийся теоретик русского народничества.
35. Quos ego! (лат.) — я вас! (восклицание, заимствованное из „Энеиды“ Вергилия).
36. Речь идет о полемической статье К. В. Лаврского „Литературное обозрение“, помещенной в провинциальном литературном сборнике „Первый шаг“ (Казань, 1876, стр. 439—578).
37. Пожарский, Дмитрий Михайлович, князь (ок. 1578—1641), военный руководитель нижегородского ополчения 1611—1613 гг., освободившего Москву от польских интервентов.
38. Погодин Михаил Петрович (1800—1875), русский историк, публицист, беллетрист, профессор московского университета и издатель „Московского вестника“ и „Москвитянина“. Начав свою деятельность с протеста против крепостничества, под конец стал идеологом реакции и официальной народности.

39. Библиографический список статей Гациского впервые был опубликован Н. Я. Агафоновым в „Волжском вестнике“, 1893, №№ 174, 175, 181; с некоторыми дополнениями он был вторично напечатан в „Сборнике в память А. С. Гациского“, Н. Новгород, 1897, отд. III, стр. 33—48.
40. В настоящее время архив Гациского сосредоточен, главным образом, в Горьковском областном архивном управлении.
41. Гациский, А. С. Краткая некрология некоего благонамеренного литератора и старца Александра — „Сборник в память А. С. Гациского. Н. Новгород, 1897, отд. I, стр. 4.
42. Болотов, Андрей Тимофеевич (7. X. 1738—4. X. 1833), агроном и писатель, автор замечательных автобиографических записок.
43. Смышляев, Дмитрий Дмитриевич (1828—1893), известный деятель и исследователь, историк Пермского края. В Архиве Гациского хранится его письмо, относящееся к 1892 году (папка № 20).

В. Г. КОРОЛЕНКО

„СОН“ и „ГРЕЗЫ“

Эти наброски, являющиеся двумя различными редакциями одного незавершенного рассказа, впервые опубликованы в посмертном издании „Полного собрания сочинений“ В. Г. Короленко (Харьков, ГИЗ Украины, 1923, т. XV, стр. 149—162).

Владимир Галактионович с грустью и присущей его таланту нежностью дает картину тяжелой обстановки жизни провинциального писателя и общественного деятеля 90-х годов XIX века, окруженного тупостью и подлостью купеческого города.

Действительно, Гациский, имевший всегда большое количество врагов из среды реакционного лагеря, делал несколько попыток покинуть навсегда Н. Новгород, но любовь к краю и сознание полезности своего дела всегда останавливали его от этого поступка. Даже незадолго перед смертью, в начале 1893 года он вновь возвращается к мысли порвать связь с той средой, которая, совершая темные финансовые и общественные делишки, прикрывалась за спиной Гациского и его же потом обвиняла. Но и на этот раз он остался. Его интересы были тесно связаны с нижегородским краем в самом широком понимании этого слова. Однако, не находя в общественной жизни поддержки своим планам, Гациский с годами все больше и глубже начинает погружаться в историю края. Вера в грядущие возможности края и убеждала Гациского остаться на своем посту борца-одиночки и едва ли могла привести его к мысли о бессмысленности той борьбы, которую он вел в течение трех десятков лет, как думал Короленко.

М. ГОРЬКИЙ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ФАКТ

Рассказ был опубликован через семь месяцев после смерти Гациского в нижегородской газете „Волгарь“ за 1893 год в №№ 279 и 281.

Историю создания этого рассказа Алексей Максимович напоминает в статье „Из воспоминаний о В. Г. Короленко“:

„В этом году я начал печатать маленькие рассказы в газетах и од-нажды, под влиянием смерти крупного культурного деятеля, нижего-родца А. С. Гациского, написал какой-то фантазерский рассказ о том, как над могилой интеллигента мужики благодушно оценивают его жизнь. Встретив меня на улице, Владимир Галактионович сказал, добродушно усмехаясь: „Ну, это вы плохо сочинили. Такие шутки не надо писать!“ (Жизнь и творчество В. Г. Короленко. Сборник статей и речей к 65-летию юбилею. П. 1918, стр. 55—56).

Через десять лет, отвечая на запрос К. Д. Александрова о Гациском и рассказе, ему посвященном, А. М. вновь возвращается к этой теме, сообщая при этом сведения, которые являются существенным дополнением к предыдущей выдержке:

„Александра Серафимовича Гациского лично я не знал, знал только по его культурной работе. Не помню, чтоб я жил в доме, ему принадлежавшем: думаю, что В. Н. Золотницкий ошибается*. Смерть и похороны Александра Серафимовича действительно взволновали меня, и я напечатал в газете „Волгарь“ рассказ, который был озаглавлен, если не ошибаюсь, „Двоеточие“, или „Над могилой“. Рассказ плохой. Вот все, что я могу сказать Вам. Будьте здоровы. А. Пешков. 25. II. 28. Sorrento“ **.

Несмотря на признанные Короленко и самим Алексеем Максимовичем недостатки рассказа, Горький своим гениальным чутьем художника много вернее, чем Боборыкин и Короленко, выразил сущность фигуры Гациского. Действительно, деятельность Гациского была чрезвычайно разнообразна, однако, он не раз подчеркивал, что „нашими задачами является простая запись существующего, каковой бы она ни была, лишь бы отражала предмет, подлежащий исследованию, т. е. народ и землю нижегородского Поволжья“ („Нижегор. сборник“, т. VI. Н. Н. 1877, стр. III). В анкете по продовольственному вопросу 9. II. 1892 года он еще четче выражает свою мысль, подчеркивая, что „вопреки далеко еще не упраздненной теории зависимости благополучия страны от существования мужика впроголодь, осмеливаюсь думать, что только достаточная обеспеченность крестьянства в состоянии дать благополучие всем остальным слоям государства“ (Архив Гациского, папка № 725, л. 23).

Чтобы еще больше убедиться, насколько Горький тонко уловил сущность Гациского, интересно сравнить эту фразу со словами старшего крестьянина, рассказывающего о выступлении умершего идеалиста на земском собрании:

„— А он встал и давай его шинять. „Вы, говорит, я говорит, крестьянство, говорит — все люди! Одинаковые люди, вот как!“ Да еще и это не так, а „мужик, говорит, наш кормилец, и мы, говорит, его неоплатные должники. Потому, говорит, кабы не он, так вы бы, говорит, первый живот-то себе туго-натуго подпоясали, потому корму вам нет, коли мужика нет!..“ Чудесно он его расколот“.

Правильность мысли Горького можно признать, проследив жизненный путь Гациского.

На протяжении всей деятельности на первом плане для него стояло облегчение экономического положения крестьян, насколько этого возможно было добиться в условиях существовавшей гласности, законоположений.

* В своей статье „Где жил, учился и работал М. Горький“ нижегородский врач В. Н. Золотницкий утверждал, что одно время А. М. жил в доме Гациского на Студеной улице (См. „Нижегор. коммуна“ 1928, № 5 (6 января), стр. 5).

** Письмо это частично опубликовано в заметке Александрова: „Забывтый рассказ молодого Горького“ („Горьковск. коммуна“, 1934, № 248 (27 октября), стр. 4). Полностью публикуется впервые. Оригинал хранится в Архиве А. М. Горького (Москва).

Как юрист, он выступал в качестве защитника по крестьянским делам; как публицист, он помещал ряд статей, посвященных тягостному положению крестьян; как земский деятель, он вел борьбу через земское учреждение; как исследователь, он издавал „Нижегородские сборники“, статьями которого пытался доказать бедственное состояние крестьянских хозяйств. В этом же убеждает и эпистолярное наследство Гацкого, основой которого являются письма неизвестных корреспондентов из различных уголков нижегородского края.

А. С. ГАЦКИЙ

ЭПИЗОД ИЗ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Эти воспоминания являются непосредственным откликом на смерть известного сатирического поэта и переводчика, редактора журнала „Искра“ В. С. Курочкина, последовавшую 15 августа 1875 г. В Архиве Гацкого хранится рукопись этой статьи (папка № 94, стр. 37—44), датированная 11 сентября 1875 г. и имевшая первоначальное заглавие „Дела давно минувших дней“. Опубликована она была в газете „Неделя“ 1876 г., № 1 (4 января), столб. 10—14.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вероятно, Гацкий здесь имеет в виду студенческого товарища Николая Михайловича Соковнина (род. 6. IX. 1836), переведенного из казанского университета в петербургский. Его „Воспоминания старого казанского студента 1856—1858 гг.“ напечатаны в „Русской старине“, 1892, т. LXXIV, кн. 5, стр. 271—291. В Архиве Гацкого хранятся 111 писем Соковнина 1863—1890 гг. и 19 писем жены его А. А. Соковниной-Андреевской 1870—1882 гг. (папки № 20, 21).
2. Иванов, Александр Андреевич (16. VII. 1806—3. VII. 1858), знаменитый живописец.
3. Бозио (Bosio), Анджелика (1824—13. IV. 1859), знаменитая итальянская певица (сопрано). Последние четыре года гастролировала в Петербурге.
4. Шипов, Александр Павлович (умер в 1878 г.), автор нескольких книг по вопросам финансового и народного хозяйства. В то время был председателем биржевого ярмарочного комитета в Н. Новгороде. В Архиве Гацкого хранится письмо Шипова, датированное 2. X. 1865 г. (папка № 28).
5. Арсеньев, Илья Александрович (1820—16. II. 1887), журналист 60-х гг. XIX в. Сотрудник „Северной почты“, издатель „Петербургского листка“, „Петербургской газеты“ и сатирического журнала „Заноза“. В последнем Гацкий в 1864 г. напечатал свои сатирические статьи „Провинциальные сновидения“, направленные против губернатора Н. А. Огарева. Узнав, что Арсеньев выдал губернатору имя автора анонимных статей, Гацкий отказался участвовать в этом журнале.
6. Ярмарочный обед, устроенный местным купечеством 14 августа 1864 г. по случаю приезда писателей И. А. Арсеньева, В. П. Безобразова, П. Д. Боборыкина, П. И. Мельникова и П. И. Якушкина. Об этом обеде смотри воспоминания П. Д. Боборыкина о Якушкине („Сочинения“ П. И. Якушкина. СПб. 1884, стр. LXXV—LXXX), о нем есть также материал в воспоминаниях Гацкого о Якушкине, опубликованных Чехихиным-Ветринским в „Современном мире“, 1908, стр. 29—46.

7. В дневнике 21 мая 1859 г. Гациский записал: „Вчера (20-го) проводили мы фон-Крузе. Он обещался нам (вообще всем студентам петербургского университета) написать из Лондона и поклониться от нас Герцену. Сколько бы можно было написать о вчерашнем — не пишу ничего, потому что не хочу вести записок“ („Дневник“ 1857—1863 гг., стр. 185). Несомненно, что речь здесь идет о провах Николая Федоровича фон-Крузе (1823—4, VIII, 1901), либерального цензора 1855—1859 гг., много способствовавшего свободному выражению мыслей (в первую очередь через либеральный в то время журнал „Русский вестник“ М. Н. Каткова). Впоследствии фон-Крузе приобрел известность, как крупный общественный и земский деятель и сотрудник ряда периодических изданий.
8. Катков, Михаил Никифорович (I, XI. 1818—20. VII, 1887). Являясь представителем либеральной мысли конца 50-х и начала 60-х гг., после польского восстания 1863 года перешел в лагерь реакционеров; редактировал „Русский вестник“ и „Русские ведомости“.
9. Якушкин, Павел Иванович (1820—8. I. 1872), этнограф, собиратель народных песен, сотрудник „Современника“, „Отечественных записок“ и „Искры“. О встречах Гациского с Якушкиным см. Чешин-Ветринский: „П. И. Якушкин в Н. Новгороде (по материалам архива А. С. Гациского)“ — „Современный мир“, 1908, кн. IV, стр. 29—46. Интересна история этих воспоминаний Гациского. Первоначальная их редакция (хранящаяся в Архиве Гациского, папка № 56, стр. 41—50) датирована 10 апреля 1872 г. В таком виде они предназначались для „Камско-Волжской газеты“, но лаконичная пометка Гациского поясняет судьбу этой статьи: „Не пропущено цензурой“. Далее, в дневниковом блокноте 70-х гг. 19 февраля 1878 г. Гациский пометил, что эту же статью в переработанном виде отправил в редакцию „Древней и новой России“. Она и там не была напечатана. Только часть воспоминаний, курьезный эпизод из эпохи губернатора Н. А. Огарева, и то не касавшийся Якушкина, Гацискому удалось опубликовать в виде статьи „Свежо предание“ („Нижегор. биржевой листок“, 1891, № 230 (25 сентября), стр. 2; перепечатка — „Астрахан. вестник“ 1891, № 664 (1 октября), стр. 3).
10. Charivari (фр.) — кошачий концерт, — французская сатирическая газета, с 1858 года выходившая под редакцией поэта и журналиста Пьера Верона.
11. Подразумевается Краевский, Андрей Александрович (5. II. 1810—8. VIII. 1889), известный деятель русской журналистики XIX в., энергичный „предприниматель“ чисто капиталистического типа. Редактировал и издавал „Отечественные записки“ (1839—1867), газету „Голос“ (1863—1883), руководил „Литературной газетой“, „Русским инвалидом“, „СПБ-скими ведомостями“ и т. д.

А. С. ГАЦИСКИЙ

„ЩАПОВСКАЯ ПАНИХИДА“

В истории казанского университета события, развернувшиеся 77 лет тому назад, являются одной из славных страниц. В „вербное“ воскресенье, 16(28) апреля 1861 года студенчество Казани впервые открыто выступило против жестоких мер администрации, санкционируе-

мых правительством. Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, обнародованный в начале марта, не оправдал надежд. В народной массе его приняли недоверчиво, сочли за помещичью подделку. Вера в добродетельные чувства царя, как ни странно, была велика. Среди крестьян возникли „недоразумения“, повлекшие за собой отказ в подчинении помещикам. Мало-мальски грамотные крестьяне пытались объяснить свое недоверие, ссылаясь на 10 ревизию 1858 года, в которой, якобы, совершенно определенно указывалось, что все крестьяне подлежат полному освобождению. Таким толкователем явился и Антон Петров, увлекший за собой 5000 недовольных крестьян Спасского и других, примыкающих к нему, уездов Казанской губернии. Этот, хотя и пассивный по сути дела, протест вызвал испуг властей и казанского дворянства перед „новой пугачевщиной“. Поэтому-то последнее с такой торжественностью встречает присланного к этому времени из Петербурга для проведения „Положения об освобождении крестьян“ генерала Апраксина *. По инициативе Апраксина в село Бездна, где сконцентрировались силы восставших, была направлена специальная карательная экспедиция во главе с самим Апраксиным, на которого как на „царского посла“, так рассчитывало крестьянство в своей борьбе с помещиками. Но „пугачевцы“ скоро разочаровались в государевой милости и справедливости. Апраксин требовал выдачи главаря восстания и на отказ ответил жестоким расстрелом безоружной толпы. По сведениям участника этой экспедиции, Ф. А. Половцева, при этом погибло более 350 человек („Из воспоминаний 1859—1861 гг.“ — „Историч. вестник“ 1907, т. 110, стр. 475). Мимо этого возмутительного факта, естественно, не могло пройти местное студенчество, в сознании которого заметно оживились общественные интересы. Эпоха надежд и демократические идеи „бакалавра“ Шапова (1830—1876) сделали свое дело. В знак солидарности и протеста студентами была организована панихида по „невинно убиенным“ (это особо подчеркивалось участниками панихиды), принявшая размах демонстрации. Кульминационным моментом этой панихиды явилась, конечно, речь Аф. Пр. Шапова.

Его выступление по содержанию носило политический, революционный характер, поскольку оратор призывал к действию, к борьбе за демократическую конституцию.

В исторической литературе имеется достаточно сведений по этому делу, однако значение печатаемой дневниковой записи Гациского остается неоспоримым. Написанная под непосредственным впечатлением, она вскрывает интересные бытовые детали, ускользнувшие или опущенные в прочих источниках.

Кстати, нелишне будет сказать несколько слов об источнике этого документа.

Будучи студентом, Гациский вел подробный дневник, являющийся для нас ценным документом по истории казанского (главным образом) университета. Это не официальные мемуары, а повседневные записи о делах и днях студенчества той поры. Тут зафиксированы всевозможные „истории“, даны характеристики товарищам-студентам и оценка преподавательских сил. Бытовые зарисовки особенно интересны. Рукопись в основном не опубликована. Лишь незначительную ее часть Гациский использовал при составлении воспоминаний об университете, опубликованных в „Казанском литературном сборнике“, 1878 г. (позже перепечатанных в „Литературном сборнике к 100-летию имп. Казанского университета“. Казань, 1904). Настоящая публикация является

* Впоследствии стал известен под прозвищем „графа Апраксина-Бездненского“.

второй попыткой частичного издания этого дневника. Издание его полностью являлось бы в данный момент затруднительным как по причинам техническим, так и по некоторой перегруженности его не представляющими непосредственного значения деталями. Дневник написан хорошим литературным языком, но с видимой осторожностью, не покидавшей умеренно либерального автора. Имена „опальных“ студентов, например, Олигера и Христофорова, полностью не даны; затем о многих событиях из университетской и общественной жизни он повествует с большим опозданием; например, о бездненской истории он впервые упоминает 16 августа, да и то с оговоркой: „Обо многом не стану я теперь писать, так как, как знать, в какие руки попадут записки“. Публикуемый отрывок датирован 24 августа. В то время Гациский, закончив уже университет, жил в Н. Новгороде. Быть может, этим условием отчасти объясняется объективность и обстоятельность описания.

В заключение необходимо отметить, что сообщение Н. Я. Агафонова, будто Гациский, только в пути узнавший о политическом характере панихиды, вернулся обратно (в статье: „Памяти А. С. Гациского — Журналы и доклады Нижегород. губ. уч. арх. комиссии, засед. VIII—XVIII, Н. Новгород, 1903, стр. 77) после опубликования этого документа теряет свое основание. Эту же ошибку, к тому же без всяких ссылок на Агафонова, повторил т. Хитровский в своей статье о нижегородском поэте Л. Г. Граве (Горьк. журн. „Натиск“. 1935, № 2, стр. 84).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В описании слухов об Антоне Петрове Гациский придерживается официальной версии. По некоторым источникам, Петров не считал себя за пророка и в подложности манифеста убедился на основании 10 ревизии 1858 года. (См. Половцев, упом. выше пр., стр. 482; Крылов, Н. А. „О введении в действие положений 19 февраля 1861 г.“ — „Русская старина“, 1892, т. LXXIV, стр. 101—102 и 615—642; „Крестьянское движение 1827—1869, вып. 2, 1931, стр. 157; Краткая библиография о Петрове — см. „Деятели революционного движения в России. Био-библиографич. словарь“, под ред. А. А. Шилова, т. I, ч. 2, стр. 312).
2. Апраксин, Антон Степанович, граф (1817—1899), генерал царской свиты (О нем см. Половцев, упом. выше пр., стр. 468—481).
3. На какой кружок намекает Гациский — неизвестно. Несколько ранее этой записи в своем дневнике он описывает инцидент с проф. Струве и вызванное в связи с этим заявление группы студентов на имя Бутлерова. В этой истории фигурируют 2 партии: „партия радикалов“ и „партия умеренных“ (они же „музыканты“). Гациский на первых порах принадлежал к последней, но „дня через 3 или 4 оставил совершенно, так как стал на их стороне только по влечению и по незнанию — по глупости и по молодости лет, как говорится. Когда же я прочитал письмо т. наз. радикалов, то окончательно был на их стороне“ (Дневник Гациского, стр. 343).
4. Козлов, Александр Илларионович (1817—20. III. 1893), профессор по кафедре акушерства и женских болезней казанского университета.
5. Бекетов, Андрей Николаевич (1822—3. II. 1895), проф. хирургии казанского университета.
6. Вяземский, Павел Петрович, князь (2. VI. 1820—29. VI. 1888), собиратель рукописей, библиограф и историк литературы; в начале

- 60 гг. был попечителем казанского учебного округа. (О нем см.: Половцев, упом. выше пр., стр. 103—105 и др.).
7. Янишевский, Эраст Петрович (род. в 1829), проф. чистой математики.
 8. Янович, Алексей Анисимович (1830—1870), ботаник.
 9. Быстров, Измаил Егорович (1833—1866), доктор медицины. Защищая диссертацию на доктора медицины, числился в казанском университете с 16. IV по 29. IX. 1861 г.
 10. Сапожников, Александр Васильевич, студент казанского университета с 17. VIII. 1857 по 2. XI. 1862 г. В то время жил с Гациским в квартире сестры Генриетты Серафимовны Ковальской.
 11. Сапожников, Николай Васильевич, брат предыдущего, студент казанского университета с 14. IX. 1860 по 15. X. 1864.
 12. Григорович, Виктор Иванович (30. IV. 1815—19. XII. 1876), известный профессор славянских наречий. Гациский был близко с ним знаком и в своем дневнике оставил ряд ярких описаний встреч и общую характеристику. В то время жил временно также в квартире Ковальских.
 13. Фамилию лица, скрытого под этим инициалом, установить не удалось.
 14. Нелидов, Николай Константинович (6. XII. 1832—28. X. 1888), профессор казанского университета, юрист, доктор государственного права.
 15. Савельич (фамилия не установлена), сторож минералогического кабинета. (Дневник Гациского, стр. 366).
 16. Яхонтов, Иван, священник, студент казанской духовной академии. С ним пришел на панихиду также студент академии, иеродиакон Мелентий (в мире Михаил Кузьмич Якимов (1835—1900). (См. „Красный архив“, 1926, т. 4, стр. 181—185 и словарь Шилова, та же часть, стр. 240 и 495).
 17. Эта речь впервые опубликована в „Красном архиве“, 1923, т. 2, стр. 407.
 18. Фамилию и его отношение к университету установить не удалось.
 19. Роев, Василий, священник одной из казанских церквей (См. „Красный архив“, 1926, т. 4, стр. 183—184).
 20. Витте, Андрей Андреевич, барон, казанский полицмейстер.
 21. Текст и автор этой песни не установлены.
 22. Революционная песня казанского студенчества 60-х гг., написанная, вероятно, Ив. Ник. Умновым. (Текст и догадки по этому поводу см. в статье М. А. Васильева — Ученые записки КГУ, кн. 5, стр. 852—853), но с другой стороны существует предположение, что она принадлежит перу В. С. Курочкина (см. комментарий к этому стихотворению И. Г. Ямпольского („Поэты „Искры“. Л., изд-во писателей в Л.-де, 1932, стр. 629).
 23. Козлянинов, Петр Федорович, казанский губернатор (О нем см. Половцев, упом. выше пр., стр. 100—102 и др.).
 24. Львов, Петр Федорович, начальник 7 округа корпуса жандармов в Казани.
 25. Бутлеров, Александр Михайлович (25. VIII. 1828—5. VIII. 1886), академик, один из наиболее значительных русских химиков, заслуженный профессор химии казанского, позднее петербургского университета и высших женских курсов.
 26. Булич, Николай Никитич (5. II. 1824—24. V. 1895), профессор истории русской литературы и ректор казанского университета.
 27. Текст и автор этой песни не установлены.
 28. Матерн, Александр Николаевич (умер в 1882 г.), студент казанского университета 1857—1861 гг., впоследствии лесовод и статистик.

29. Мясников, Матвей Михайлович, студент казанского университета 1857—1861 гг.
30. Возможно, Киров, Василий Иванович, товарищ Гацкого по казанскому университету, в котором был 1856—1861 гг.
31. Христофоров, Александр Христофорович (1838—1913), студент казанского университета 1857—1861 гг. Уволен 6. II 1861 г. за активное участие в „истории проф. Струве“. (О нем см. „Словарь“ Шилова, указ. часть, столб. 437—438).
32. Впервые опубликована в „Красном архиве“, 1926, т. 6, стр. 151—165.

А. С. ГАЦИСКИЙ

ОБЫДЕНЩИНА

Рассказ „Обыденщина“ является любопытным документом, иллюстрирующим положение провинциального писателя и общественного деятеля конца 70-х гг. XIX века. С фотографической точностью автор воспроизводит детали своего инцидента с губернской администрацией. Однако, для большей ясности необходимо вернуться к началу 60-х годов, к которым относится формирование Гацкого, как своеобразного публициста-областника второй половины XIX века.

В начале 60-х годов в казанском университете Гацкий слушает лекции крупного историка-материалиста А. П. Шапова. Последний в своих исторических работах на первый план ставил историю трудящихся, главным образом крестьянства, и выдвигал принцип народности и областности, подчеркивая историко-этнографические, бытовые и экономические особенности отдельных областей. Его взгляды наложили резкий отпечаток на всю последующую деятельность Гацкого.

Возвратившись в 1861 г. в Нижний, Гацкий занимает должность чиновника особых поручений при губернаторе Одинцове и вскоре назначается редактором „Нижегородских губернских ведомостей“, единственного тогда печатного провинциального органа. Это дало ему возможность приобрести первоначальное представление о жизни народа, главным образом, крестьянства, страдавшего от непосильных налогов и гнета администрации. Вскоре он избирается в члены статистического комитета и начинает вести статистические и экономические исследования преимущественно по кустарной промышленности Нижегородской губернии. Параллельно он организует кооперативное общество „Бережливость“, „Об-во распространения грамотности“, завязывает переписку с глухими углами своего края. Среди уездной интеллигенции он находит широкий отклик. Корреспонденции с мест дают материал для публицистических статей и краеведческих исследований. В это время он издает путеводитель „Нижегородка“, с литературными прибавлениями на местные темы, печатает злободневные рассказы, помещает ряд статей по экономике, истории и этнографии своего края. Наконец, при помощи ряда лиц ему удается осуществить свою идею — издание „Нижегородского сборника“. Рецензент на V том этого сборника („Русская старина“, 1878 г., т. XIII, № 5, обложка) дает интересную картину условий культурной работы в провинции. Из этой рецензии мы узнаем, что официальное прошение на издание периодического сборника в 1866 году было отклонено — „не своевременно“. Лишь на следующий год Гацickому удалось добиться разрешения на издание отдельных сборников и то под маркой статистического комитета. Эти десять томов „Нижегородского сборника“, кропотливого коллективного труда, выпу-

ценного под редакцией Гациского, являются самым ценным его литературным наследием. Впоследствии не мог пройти мимо них ни один экономист и историк, касаясь вопроса кустарной промышленности. Некоторые тома „Нижегородского сборника“ были использованы и В. И. Лениным в труде „Развитие капитализма в России“*.

Несмотря на то, что выступления Гациского в печати носили умеренно-либеральный характер, несмотря на то, что вновь появившиеся работы вызывали благожелательный, а подчас и восторженный отзыв центральной и провинциальной прессы, — условия, в которых работал Гацкий, нижегородский основоположник краеведения, были не так легки. Сначала на имя губернатора сыпались предписания и предупреждения министра народного просвещения, брошюры и книги Гациского подвергались цензурным мытарствам, вылезая по несколько месяцев в петербургском цензурном комитете. (Например, брошюра „Смерть провинции или нет?“, посвященная полемике о развитии и значении провинциальной печати, вызванной „централистским“ выступлением Д. Л. Мордовцева).

С 1866 г. правительством стали издаваться один за другим законы, ограничивающие функции земских учреждений, подвергающие все большему и большему контролю вопросы народного просвещения¹. Губернатор Одинцов умел в известные моменты „отсутствовать“ в губернии; вновь же назначенный на должность губернатора 14 марта 1873 г. граф П. И. Кутайсов пытался добросовестно служить на пользу царя и отечества. Получая один за другим рескрипты Александра II, призывающие предотвратить „нравственное растление народа“, Кутайсов энергично берется за дело. Естественно, что в первую очередь он обращает свое внимание на интеллигенцию, оппозиционно настроенную к реакционной политике самодержавия. Осенью 1874 г. у Кутайсова происходит первое столкновение с Гациским на почве руководства обществом распространения грамотности, окончившееся отстранением Гациского от этой работы.

Затем бдительность правительственных органов пошла дальше. 4 декабря 1877 года канцелярия главного управления по делам печати за № 100 начинает „Дело о брошюре Гациского „Очерки прошлого нижегородского Поволжья“***. В основу этой брошюры, не вышедшей в свет, легла 1-я глава из путеводителя „Нижегородка“. Дело это тянулось до 1879 г. Брошюра была конфискована и уничтожена. Из всех 35 листов этого дела наибольший интерес представляет рецензия на брошюру, подчеркивающая с удивительной точностью (!) все недостатки ее, которые были указаны в этом деле (см. „Сельское чтение“ 1878 г., № 2, стр. 24—25).

Еще большим ударом для Гациского оказались события последующего года, инцидент с нижегородским губернатором гр. П. И. Кутайсовым. В письме к К. Н. Тихонравову от 5 апреля 1879 г. Гацкий сообщает: „В декабре 1877 г., на губернском земском собрании, меня стали некоторые гласные уговаривать баллотироваться в члены управы. Я согласился и был выбран (весьма слабым большинством — многие меня здесь давно недолюбливают). Губернатору Кутайсову мои выборы тоже пришлось не по вкусу. На мое несчастье председатель управы, Аверкиев***, вскоре после выборов серьезно захворал и затем в конце прошлого года помер, так что я был все время заступающим его

* См. Ленин В. И. Сочинения, изд. 3, т. IV, М. Л. 1930, стр. 132—133.

** Подлинник хранится в ленингр. отделении Центр. историч. архива.

*** Аверкиев Михаил Михайлович (умер в 1878 году), нижегородский общественный деятель.

место. Губернатор стал предъявлять совершенно незаконные требования относительно управы. По необходимости я ему дал надлежащий отпор (все дело шло на бумаге, так что расприло губернский земское собрание и вполне оправдало управу). Затем стал придирается ко мне по статистическому комитету и, наконец, предложил мне в октябре месяце составить и издать „Памятную книжку“ к 1 января 1879 г. Понятно, этого сделать было невозможно,—и я подал в отставку. В ноябре совершенно случайно узнал, что Кутайсов сочинил целую историю о моей неблагонадежности и требовал административной высылки моей из губернии*.

Поскольку этот инцидент и послужил темой для публикуемого сюжетного наброска, считаю не лишним провести отрывок из неизвестного до сих пор в печати документа. Этим документом является „Дело № 76 по канцелярии Мин. внутр. дел о неблагонадежности секретаря Нижегородского Статистического комитета надворного советника Гацкого“. (Началось 15 октября 1878 г. Решено 21 апреля 1879 г. На 20 листах)**.

Начинается оно с донесения (не нуждающегося в комментариях) графа Кутайсова на имя министра внутренних дел А. Е. Тимашева от 15 октября 1879 г.:

„Должность секретаря Нижегородского губернского Статистического комитета занимает надворный советник Гацкий, о котором неоднократно возникали переписки по поводу печатаемых им разных статей с ложно-тенденциозными суждениями и антиправительственного направления. В 1875 г. за помещенную в газете „Неделя“ статью, по требованию министра народного просвещения, г. Гацкий удален от должности члена Губернского училищного совета; в 1877 году граф Дмитрий Андреевич Толстой*** ввиду неблагонадежности г. Гацкого, не утвердил его членом попечительства Нижегородского реального училища; затем, в том же году г. Гацкий напечатал, без разрешения цензуры, брошюру для чтения в школах „Очерки прошлого Нижегородского поволжья“, которая Министерством народного просвещения и Главным управлением по делам печати, по ее тону и ироническим отзывам о правительстве, признана вредной и не только что не допущена в школе, но и воспрещена к обращению в публике,—так как в ней г. Гацкий относился гораздо более сочувственно к Степану Разину****, чем к правительству. Наконец, в сентябре сего года г. Гацкий, без разрешения губернского начальства, напечатал и разослал губернским гласным воззвание, в котором оскорбительно относился к деятельности некоторых уездных управ и между прочим намеренно выставлял в неблагонадежном виде отношения земства к губернской администрации. Ввиду того, что нижегородское земство отличается постоянно-консервативным направлением и находится всегда в самых лучших отношениях к местной администрации, я получил от нескольких председателей уездных земских управ, губернских гласных и губернского предводителя дворянства заявления, которыми они выражают

* Тихонравов, Константин Никитич (1822 — 1879), известный исследователь Владимирской губернии. Письмо Гацкого цитируется по книге: „Материалы для библиографии К. Н. Тихонравова. Письма к нему разных лиц...“ Владимир, 1900, стр 177—178.

** Подлинник хранится в ленингр. отделении Центр. историч. архива.

*** Толстой, Дмитрий Андреевич, граф (1823 — 1889), государственный деятель. С 1866 по 1880 г. занимал должность министра народного просвещения. На своем посту вел политику „твердого курса“ по отношению к либеральному и революционному движению, в частности по отношению к земству, самостоятельность которого при нем была почти целиком уничтожена.

**** Разин, Степан Тимофеевич (казнен в 1671 г.), донской казак, вождь крестьянско-казацкой революции второй половины XVII века.

полное неудовольствие на г. Гациского за напечатание им означенного воззвания.

Далее г. Гациский, состоя организатором экспедиции по исследованию кустарной промышленности Нижегородской губернии, пригласил для статистических работ по этому делу нескольких молодых людей и между ними студентов разных учебных заведений, из которых за некоторыми учреждено строгое наблюдение со стороны местного жандармского управления* — причем г. Гациский, пользуясь своим положением по должности члена Губернской управы, выдал летом сего 1878 года, вопреки моего положительного запрещения, за своим подписом, открытый лист для взимания обывательских подвов при разъездах по селениям, приглашенному им лично, несмотря на мои предостережения, для исследования кустарной промышленности Горбатовского уезда, г. Саксу, лицу, судившемуся за разные противозаконные поступки и во всех отношениях весьма неблагонадежному.

Недостаточность средств, находящихся в распоряжении губернского начальства, лишила меня до сего времени возможности строго следить за всеми действиями г. Гациского, но из сведений, сообщенных мне бывшим начальником Губернского жандармского управления, генерал-майором Комаровым, я узнал, что г. Гациский вполне неблагонадежный в политическом отношении человек. По отзыву генерал-майора Комарова, г. Гациский находится в сношениях с проживающими за границей агитаторами, получает запрещенные брошюры и содействует к распространению преступной пропаганды: находится в переписке и в хороших отношениях с некоторыми лицами, привлеченными к делу по поводу убийства генерал-адъютанта Мезенцева** и вообще принадлежит к числу лиц, за которыми следует иметь зоркий и строгий надзор. Конечно, заручившись такого рода фактами и лично убедившись из его литературной деятельности о неудобстве иметь такого подчиненного, как г. Гациский, я по поводу открытого листа, выданного Саксу, нашел вполне невозможным оставить г. Гациского секретарем Статистического комитета и от этой должности, дававшей ему возможность иметь часто переписку и поручения помимо моей воли и прямые отношения с народом, его уволил.

Затем, я считаю своим долгом доложить Вашему высокопревосходительству, что г. Гациский человек образованный, хитрый и крайне скрытный, по своему положению по земству губернского и уездного

* С 1877 г. в работе по исследованию кустарной промышленности под руководством Гациского работали: студент Павел Семенович Анненков (1881—1882), Александр Иванович Борисовский (1874—1883 гг.), студент Сергей Александрович Духовской, преследовавшийся за распространение в Москве в 1881 г. прокламаций (1881—1885), студент Андрей Иванович Звездин (род. 9. X. 1863, умер 17. II. 1927), ставший после смерти Гациского секретарем Нижегородского статистического комитета (1884—1890), сельский учитель Иван Иванович Звездин (род. 1861, умер 1903), брат предыдущего (1884—1890), «благондежный» Аполлон Андреевич Карелин (род. в 1863 г.), впоследствии известный как экономист и писатель-эмигрант (1887), студент Андрей Васильевич Карпов-Гаранин (крестьянин, род. в 1857 г.), впоследствии нижегор. этнограф и ветеринарный врач (1875—1882), сельский учитель Семен Степанович Комаров (1884—1885), студент Аркадий Петрович Корнифский (умер 9. II. 1879), сельский учитель Федор Иванович Маракин (1884—1890), арзамасец Александр Константинович Орешников (1878); студент Владимир Львович Поляк (1884?), Михаил Михайлович Поспелов (1871—1880), семинарист Николай Иванович Руновский (1884—1886), земский служащий Александр Эдуардович Сакс (1878); ардатовец Александр Николаевич Спасский (1884), учитель Яков Иванович Тихов (1884—1885), земский служащий Василий Матвеевич Федоров (1884), служащий нижегор. ремесленной управы Алексей Александрович Хохлов (1884), студент Илья Петрович Ягодинский (1880—1882), возвратившийся из административной ссылки Александр Эрастович Языков (1885).

Цифры в скобках означают года переписки с Гациским, хранящейся в Архиве Гациского.

** Мезенцев, Николай Владимирович (1827—4. VIII, 1878), шеф жандармов. Убит в Петербурге С. М. Степняком-Кравчиным.

гласного и по занятиям своим, по приглашению разных ученых обществ и учреждений, статистическими и другого рода разведываниями и собиранием разных о положении Нижегородской губернии сведений — имеет возможность находиться в близких отношениях и к народным школам, и к населению разных промышленных сел, как например: Павлово, Богородск, Выкса и других, где легко и удобно может проводить преступную пропаганду,—посему, в устранение могущей пасть на губернское начальство ответственности за непредставление по принадлежности о преступной деятельности такой личности, как г. Гациский, я счел долгом о всем вышеизложенном представить на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства. Личность, вроде г. Гациского, серьезно опасна, он никогда не попадет в чем-нибудь открыто, но тем не менее верно идет к достижению своих целей. В губернии его не только что не любят, но ввиду его грязной и безнравственной жизни * даже презирают, однако, несмотря на это, он сумел попасть в земские гласные и даже в члены управы. Разъезжая по торговым местам, раскольничьим селам и фабричным центрам губернии, он имел и имеет полную возможность неуловимо проводить антиправительственные идеи и распространять разные вредные для порядка сведения, деятельность его в этом смысле еще более неуловима, что занимая должность в управе, он по делам своей службы всегда имеет возможность отлучаться и посещать самые отдаленные пункты.

По мнению генерал-майора Комарова, мнение которого я, впрочем вполне разделяю, г. Гациский крайне вредный и опасный человек и на него следует, ввиду настоящего времени, теперь же обратить внимание и принять такие меры, которые по крайней мере сделали бы его безвредным. Я счел своей обязанностью об этом сообщить Вашему превосходительству, и вместе с тем присовокупить, что из слов генерал-майора Комарова, я узнал, что в III отделении собственной его величества канцелярии о Гациском имеется обширная переписка, которая мне неизвестна, но, вероятно, была бы представлена Вашему превосходительству и могла бы послужить проверкою моего мнения, если бы вы изволили найти нужным ее потребовать...”

На запрос министра внутренних дел А. Е. Тимашева главный начальник III отделения А. Р. Дрентельн отвечал примерно в том же тоне (не указывая, однако, на имеющиеся в III отделении материалы о Гациском), предупреждая в то же время, что высылка Гациского может наделать в Н. Новгороде много шума.

Дело по подозрению А. С. Гациского было оставлено без последствий.

ПРИМЕЧАНИЯ

Рассказ печатается впервые, по автографу, принадлежащему К. Д. Александрову. Рукопись в 1/8, датированная 25—26 декабря 1878 г., занимает 12 страниц, исписанных мелким, характерным для Гациского почерком. Беглый почерк и незначительные стилистические исправления говорят за то, что это набросок, написанный под непосредственным впечатлением событий и вовсе не предназначавшийся для печати.

1. В лице А. И. Воскресенского выведен секретарь нижегородской губернской земской управы Сергей Иванович Вознесенский. В Архиве Гациского хранятся 7 его писем 1870—1882 г. (папка № 5 и 5а).

* Намек на то, что Гациский состоял в гражданском браке с Ольгой Александровной Александровой (рожденной Чегодаевой).

2. В лице Д. А. Студеного выведен сам автор, А. С. Гациский, занимавший в то время должность председателя нижегородской губернской земской управы.
 3. В лице Мордасова выведен нижегородский губернатор граф Павел Ипполитович Кутайсов.
 4. В лице Н. Н. Рванцева выведен член нижегородской губернской земской управы Николай Иванович Званцев. В Архиве Гациского сохранилось 3 его письма 1881 года (папка № 10).
 5. В лице С. В. Протрубицкого выведен член нижегородской губернской земской управы Иосиф Павлович Кутлубицкий. В Архиве Гациского хранятся 18 его писем 1881—1889 гг. (папка № 13а).
 6. В лице В. В. Рябина выведен нижегородский предводитель дворянства Сергей Сергеевич Зыбин (1845—2. IV. 1877). В архиве Гациского хранятся 3 его письма 1884 г. (папка № 10 и визитная карточка № 304).
-

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ А. С. ГАЦИСКОГО.

Материалом для „Летописи жизни“ послужили: Архив Гациского, (ниже сокращенно обозначается—А. Г.), заключающий в себе документы, литературные произведения, дневниковые записи и переписку, и „Дневник“ Гациского 1857—1863 гг., принадлежащий К. Д. Александрову.

В „Летопись“ внесены основные биографические даты, отражающие жизнь и разностороннюю деятельность Гациского; сюда же нами включены даты некоторых общественных выступлений (преимущественно 1891—1892 гг.) и литературных знакомств, подчеркивающие размах и популярность деятельности Гациского. Не малое внимание уделено регистрации произведений, преимущественно не опубликованных как по воле автора, так и по цензурным условиям того времени. От включения сюда печатных произведений Гациского, насчитывающих более 400 номеров, пришлось отказаться, тем более, что подробный перечень их дан в первом сборнике, посвященном Гацискому („Сборник в память А. С. Гациского“, Н. Новгород. 1897, отд. III, стр. 33—48).

1838

Мая 30. Родился Александр Серафимович Гациский в Рязани.

Метрич. свид. о, копия (А. Г. папка № 716, л. 87—88).

1847

Ноября 10. С. П. Гациский с семьей переехал в Н. Новгород.

„Сборник памяти А. С. Гациского“, 1897, отд. I, стр. 2.

1849.

Сентября 7. А. С. Гациский поступил учиться в нижегор. классич. гимназию.

Студенч. дело № 60. 1855 г., лист 2 (Архив Каз. Г. У-та).

1851.

Начал писать стихи.

Гациский, А. С. „На рубеже“ (А. Г., папка № 720, л. 1).

1852.

Написал повести, рассказы и стихи: „Граф Лоренцо Убальдо“, „Поездка в Печоры“, „Похороны вельможи“, „Волга“, „Гадиминова резиденция под Вильно“, „Моя прогулка“, „На покой“, „Нечто вроде романа“, „Описание роши“, „Ревизор“, „Чушь“.

А. Г., папка № 78, стр. 1—21; папка № 65, § 1, 7, 9, 10, 11, 2, 4, 6, 8, 5, 3.

1853.

Написал „Описание Нижнего Новгорода“, „Несколько слов о музыке“ и „О вкусе“.

А. Г., папка № 66, § 1, 2, 3.

1854.

Написал повести, поэмы и рассказы: „Неудачная прогулка“, „Высоковское гулянье“, „Нечто о дружбе“, „Сельское кладбище“, „Заколдованный стол“.

А. Г., папка № 66, § 4, 5; папка № 67, § 2, 7; папка № 66, § 7, 6; папка № 67, § 1.

1855.

Июня 8. Окончание нижегор. классич. гимназии.

Студенч. дело № 60, 1855, л. 2 (Архив КГУ).

Июня 30. Постановлением попечителя казан. учеб. округа представлено право через год иметь чин 14 класса, произведен чиновником 2 разряда с правом поступления без экзамена на камеральный разряд* юридического факультета казанск. университета.

Студенч. дело № 60, 1855 г., л. 2 (Архив КГУ).

Июля 23. Подал прошение о принятии в казанск. универс. по камеральному разряду юридического факультета

Студенч. дело, № 60, 1855 г., л. 1, (Архив КГУ).

Сентября 5. Зачислен студентом казанского университета.

Михайловский, А. И. Преподаватели учившиеся и служащие в казанск. университете (1804—1904)... часть I, вып. 2 Казань, 1904, стр. 435.

Написал повести, поэмы, очерки и стихи: „Замогильные записки одного офицера“, „Повесть без лиц“, „Масляница“, „О Лермонтове“, „Путевые записки от Нижнего до Лыскова“, „Алексей“, „В тревожной жизни каждого поэта...“, „Я счастлив был, но счастье миновалось...“, „Старая, возобновившаяся любовь...“, „Прощание с Нижним“, „Вёрста“, „Воспоминания прошлого“ (1841—1847 гг.).

А. Г., папка № 67, § 3а; папка № 80, § 4; папка № 67, § 3, 5; папка № 80, § 10, 3, 5, 8, 7, 6, 9, 1.

1856

Январь. Начал посещать лекции В. С. Ешевского.

1857.

Написал рассказ „Три дня из жизни студента“, пьесу „Студенческие сцены“ и пародийное стихотворение „Наш Ланге самых честных правил...“.

А. Г., папка № 81, § 1, 2; папка № 64, 1 стр.

1858.

Июля 6. Подал прошение ректору казанского ун-та о переводе в спб-ский ун-т по „домашним обстоятельствам“.

Студенч. дело, № 60, 1855 г., л. 9 (Архив КГУ).

* Камеральный разряд — отделение юридического факультета, включавшее в программу некоторые естественно-исторические предметы (сельское хозяйство, технологию и др.). Целью его было выпустать образованных чиновников.

Июля 16. Переведен в спб-ский ун-т.

Студенч. дело, № 60, 1855 г., л. 10.
(Архив КГУ).

Сентября 12. Встреча в Москве с бывшим профессором казанского университета по кафедре политической экономии, публицистом И. К. Бабстом (1824—6.VII. 1881); передал ему для печати повесть.

А. С. Гацкий. Дневник, 1857—1863 гг.

Сентября 15. Приехал в СПб с братом Евстафием, ополченцем севастопольской кампании.

Октябрь 1. Визит и знакомство с П. И. Мельниковым-Печерским.

А. С. Гацкий. Дневник 1857—1863, стр. 117.

Написал повесть „Преувеличенные чувства“, заметку о композиторе Палестрине и перевел I главу книги Dupouy'a: „De la liberté du travail“*.

А. Г., папка № 82, § 4, 5, 1.

1859.

Апреля 3. СПб. Написал этюд „Из записок офицера“, явившийся первым литературным выступлением в печати.

А. Г., папка № 80, § 2.

Июля 3. Дата № 27 „Искры“ В. С. Курочкина, в котором напечатана была первая часть этюда „Из записок офицера“.

Сентябрь. Подал заявление об увольнении из спб-ского ун-та.

Гацкий, А. С. Дневник 1857—1863 гг., стр. 184.

Сентября 24. В Москве собирается подать заявление о зачислении вольнослушателем московского ун-та.

Гацкий, А. С. Дневник 1857—1863 гг., стр. 184.

Написал рассказы, очерки и заметки: „Музыкальные воспоминания“ (Искра, 1859, № 37), „Не редкое“, „Заметка о Карамзине“, „На именинах“ (.Искра“, 1859, № 40), „В третьем классе“, „Не выработавшийся джентльмен“, „Еще музыкальные воспоминания“.

А. Г., папка № 80, § 2, стр. 33—47, 48—86, § 3, § 2, стр. 89—107, 107—133; папка № 83, стр. 149—181; папка № 80, § 2, стр. 134—138; папка № 83, стр. 139—143.

1860.

Января 1. Возвратился в Казань.

А. Г. Дневник 1857—1863 гг., стр. 197.

Марта 16. По совету В. И. Григоровича начал переводить „Histoire du commerce des noirs au moyen age“**.

А. Г. Папка № 84, 31 стр.

Марта 28.— Вновь зачислен студентом казанск. ун-та.

Михайловский А. И. Cit., op., стр. 435.

Июня 4. Получил свидетельство на право поездки за границу (в Пруссию, Австрию, Германию, Францию и Англию).

Оригинал А. Г., папка № 43.

Июня 28—сентября 1. Для подбора материала к диссертации о кожевенном производстве был за границей, преимущественно в Берлине, Киссингене, Майне на Рейне, Париже, Брюсселе, Ахене.

Гацкий, А. С. Дневник 1857—1863, стр. 228—278.

* „О свободе труда“ (фр.).

** „История торговли неграми в средние века“ (фр.).

Ноябрь. В Казани познакомился с оперной певицей А. Г. Коробовой, известной потом под фамилией Меньшиковой. Ей был посвящен рассказ Гациского „Дневник артистки“.

Гациский, А. С. Дневник 1857—1863, стр. 293 и 463—483.

Ноября 5. Закончил диссертацию о кожевенном производстве.

А. Г., папка № 84, 27 стр.

1861.

Апреля 16. Присутствовал на „Щаповской“ панихиде, явившейся протестом против жестокой расправы с крестьянами с. Бездны, Спасского у., Казанской губ.

Гациский, А. С. Дневник 1857—1863 гг., стр. 358 и последующие.

Июня 9. Окончил казанск. ун-т со званием действительного студента.

Диплом № 1335, выд. казанским ун-том 24/VII 1861 г. А. Г. Папка № 716, л. 6,

Июнь. Из Балахны ехал с опальным студентом Христофоровым; разговор о судьбе Щапова.

Гациский, А. С. Дневник 1857—1863 гг., стр. 363.

Июля 24—28. В Москве ищет работу по книжной торговле, был у С. В. Ешевского (1829—1865), К. Т. Солдатенкова (1818), Н. А. Попова (1833—1891).

Гациский, А. С. Дневник 1857—1863 гг., стр. 314—322.

Августа 23. Вел переговоры о работе с нижегород. губернатором—декабристом А. Н. Муравьевым (1792—1864).

Гациский, А. С. Дневник 1857—1863 гг., стр. 357.

Октября 16. Назначен младшим чиновником особых поручений при нижег. губернаторе А. А. Одинцове без жалованья.

Формулярный список—А. Г., папка № 717, л. 124.

Ноябрь. Встреча с Ольгой Александровной Александровой (рожд. кн. Чегодаевой) (5.VIII. 1839—23.II. 1906), ставшей впоследствии его женой.

Гациский, А. С. Дневник, 1857—1863 гг., стр. 397.

1862.

Февраля 3. Выбран (но отказался) кандидатом в мировые посредники.

Формулярный список—А. Г., папка № 717, л. 124.

Апреля 14. Губернатором командирован в губернское по крестьянским делам присутствие.

Формулярный список—А. Г., папка № 717, л. 124.

Апреля 23. Губернским правлением назначен редактором неофициальной „Нижегор. губ. вед.“ с жалованьем 35 р. 70 к.

Формулярный список—А. Г., папка № 717, л. 124—125.

Мая 5. Вышел первый № (18) неоф. части „Нижегор. губ. вед.“, редактируемый Гациским.

Июля 15 — сентября 1. Редактировал „Нижегор. ярм. справ. листок“.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 127.

Сентября 25. Избран действительным членом нижег. статистич. комитета.

Диплом — А. Г., папка № 716, л. 7.

Ноября 12 — декабря 12. Исполнял должность секретаря губернского по крестьянским делам присутствия.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 125.

1863.

Октября 16. Произведен в чин коллежского секретаря.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 126.

Без даты. Написал статью о заседании педагогического совета нижегор. гимназии и Александровск. дворян. ин-та, посвященном разработке устава общеобразовательных учебных заведений. На полях пометка: „Не пошло — против цензурных правил“.

Оригинал — А. Г., папка № 86, стр. 111—118.

1864

Мая 26—1865, февраля 10. По назначению губернатора был наблюдателем типографий, литографий и др. заведений.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 125.

Июля 3. Назначен на должность младшего чиновника особых поручений с жалованьем.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 126, 127.

Июля 15 — сентября 1. Редактировал „Нижегор. ярм. справ. листок“.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 126.

Августа 12. У Гациского были писатели И. А. Арсеньев (1820—1887), В. П. Безобразов (1828—1889) и П. И. Мельников (1818—1883).

А. Г., папка № 85, стр. 8.

Октябрь (?) Составил проект устава нижегор. попечительства бедных.

Оригинал — А. Г., папка № 61, 5 стр.

Ноября 10. Составил проект нижегор. юридическ. общества.

Оригинал — А. Г., папка № 61, 4 стр.

1865

Января 8. Назначен секретарем нижегор. статистич. комитета.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 127.

Июня 25. Нижегор. губ. прокурором привлечен к работе заседаний по введению в действие новых судебных уставов.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 127.

Июня 15—сентября 1. Редактировал „Нижегор. ярм. справ. листок“.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 127.

А. С. ГАЦИСКИЙ В ПЕРИОД
РАБОТЫ СЕКРЕТАРЕМ
НИЖЕГОРОДСКОГО
СТАТИСТИЧЕСКОГО
КОМИТЕТА.
Снимок 1865 года.

1866

Марта 22—1867 марта 24. Назначен делопроизводителем нижегородского уездного училищного совета.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 127—128.

Марта 26. По заданию губернского правления составил записку о причине увеличения преступности в Нижегород. губ.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 128.

Мая 24—августа конец. Ездил лечиться на Кавказ (Пятигорск, Железноводск).

А. Г., папка № 43 (записка).

Июнь. Прекратил редактирование „Нижегор. губ. вед.“.

Волгарь, 1893, № 93 (28 апреля), стр. 2.

Сентября 27. Избран членом-сотрудником Русского геогр. об-ва.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 128.

Октября 16. За выслугу лет произведен в чин титулярного советника.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 129.

1867

Апрель 5. Командирован на московскую этнографическую выставку.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 128—129.

Июня 12. По предложению губернатора выступил в качестве защитника рядового сергачской уездной команды Алексея Камкова, преданного военно-уголовному полевому суду.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, № 129.

Июля 2—ноября 16. Для комитета о переселении в Россию западных славян, состоящего при о-ве сельского хозяйства в Москве, собрал данные о фабриках и заводах Нижег. губ.

1868

Апреля 18. Избран почетным членом. нижег. всесословного клуба.
А. Г., папка № 36а, л. 25.

Мая 10—июля 15. Избран гласным нижег. уездн. земск. собрания, но вскоре отказался.

Гацкий А. С. „Несколько слов о раскладке денежного сбора по Нижегородскому уезду на 1868 г., № 115 (23 августа), „Обл. отдел“, стр. 2.

Мая 26. В стенах Всесословного клуба состоялось организационное собрание кооперативного общества „Бережливость“, в создании которого горячее участие принимал А. С. Гацкий.

Владиславлев, В. М. Первые кооперативы в Нижегородской губ.—Нижегородский краеведческий сборник, т. II. 1929, стр. 78.

Май. У Гацкого и ряда других представителей нижегор. интеллигенции возникла мысль организовать об-во распространения грамотности.

Семья и школа, 1873, № 9, кн. 2. ч. 2, стр. 371.

Октября 22. Утвержден в звании члена и секретаря комитета по устройству в Н. Новгороде кулибинского ремесленного училища.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 130.

1869

Января 24. По предложению председателя временного военного окружного суда выступил в качестве защитника рядовых Н. Перетрутова, К. Баландина, В. Кашкарева, И. Бурмакина и М. Богачева.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 130.

Марта 11. В связи с намерением посвятить себя исключительно адвокатуре, уволился от должности секретаря нижегор. губ. статистич. ком-та.

Там же, л. 130.

Март—май. Участвует в заседаниях 1-го русск. археологич. съезда; выступает защитником И. Н. Кудрина.

А. Г., папка № 43 (членский билет) и № 36 (письма Гацкого А. С. к отцу).

Марта 31. Н. М. Соковнин (студенческий товарищ) предлагает в летние пять мес. редактировать его „Листок“, издающийся в СПб.
А. Г., папка № 21.

Апреля 7. Отклоняет план переезда в СПб.

А. Г., папка № 36 (письмо к отцу).

Апреля 25. Вновь зачислен на должность секретаря нижегор. губ. статистич. ком-та.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 131.

А. С. ГАЦИСКИЙ
в 1867 году.
Фото А. Барро.

Августа 9. Делает первый набросок „Нижегородки“ (впервые изданной в 1875 г.

Оригинал — А. Г., папка № 71, § 1.

Октября 4. Пишет корреспонденцию о деле Сикорской, обманом попавшей в дом терпимости Гольштейна на нижегор. ярмарке (напечат. в Судебн. вестн. 1869 г., № 227).

Оригинал — А. Г., папка № 51, л. 7—8.

Октября 17. Пишет статью о процессе известного провинциально-го артиста Алексея Александровича Аттиля (по сцене Ральфа), обвинявшегося в двоеженстве. Напечат. в Судебн. вестн. 1869 г., № 231.

Оригинал — А. Г., папка № 61, л. 9—18.

Декабря 5. За выслугу лет произведен в чин коллежского асессора.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 131.

1870

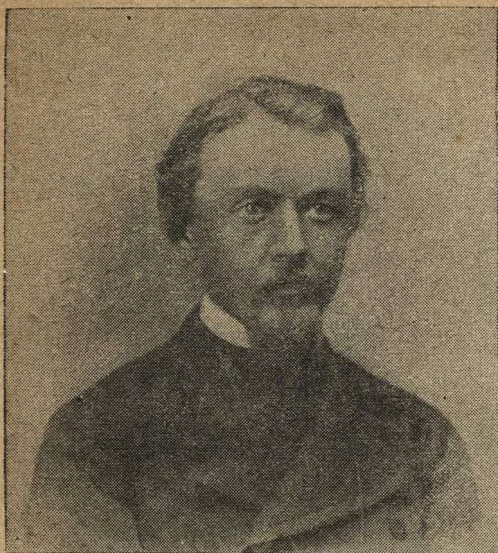
Февраля 1. Написал устав нижегор. студенч. общины.

Оригинал — А. Г., папка № 61, 3 стр.

Февраля 12. Получил предложение собрать материал о значении нижегор. ярмарки в связи с проведением Урало-сибирск. жел. дороги. Нижегородский сборник, т. X, стр. 605.

Апреля 14—15. На материале процесса Сикорской написал повесть „Чуть-чуть не роман“.

Оригинал — А. Г., папка № 61, л. 79—117.

А. С. ГАЦИСКИЙ
в 1869 году.
Фото художника Панова

Апреля 30. Командирован на съезд секретарей статистических комитетов в СПб.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 131.

Июля 24. Пишет полемическую статью в защиту взглядов Берви-Флеровского на состояние русского народонаселения.

Оригинал — А. Г., папка № 61, л. 3—4.

Сентября 1. Получил предложение от И. П. Золотницкого сотрудничать в его журнале „Русское потребительское общество“.

А. Г., папка № 713, л. 5.

1871

Июнь — август. Собирая материал о хлебной промышленности и торговле края, объехал ряд пунктов Нижегород. губернии.

А. Г., папка № 45 (путевые записки).

Октября 15. От С. Шипова получил предложение вступить членом в нижегор. отд. о-ва содействия русской торговле и промышленности.

А. Г., папка № 19.

Ноября 11. От Н. Погребова получил сообщение об избрании в члены о-ва для содействия русск. торговле и промышленности в СПб.

А. Г., папка № 18, л. 145.

1872

Апреля 10. Написал „Воспоминания об Якушкине“ для „Камско-Волжской газеты“, потом в переработанном виде посылал 19. II 1878 г. в ж. „Древняя и новая Россия“, но нигде не была напечатана по цензурным условиям.

Оригинал — А. Г., папка № 56, стр. 41—50.

Апреля 24. Написал восторженную рецензию на роман известного немецкого писателя и вождя лассальяновского движения Ж. Б. Швейцера „Эмма“. Цензурой не пропущена.

Оригинал—А. Г., папка № 56, стр. 51—69.

Мая 12—1874 июня 30. Был членом нижегор. уездного училищного совета.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 131.

Июля 20. Командирован на VIII сессию международного статистического конгресса в СПб.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 132.

Ноября 12. Избран членом только что образовавшегося в Н. Новгороде о-ва распространения грамотности.

Семья и школа, 1873, № 9, кн. 2, ч. 2, стр. 371.

Декабрь. Собирается вступить членом в о-во для вспомоществования бедным студентам казанск. ун-та.

Камско-волжск. газ., 1872, № 100 (19 декабря), столб. 435.

1873

* Мая 14. Назначен губернатором Нижег. губ. гр. Павел Ипполитович Кутайсов (1837—1911); период его управления был самым тяжелым для Гациского в смысле столкновений с губернской администрацией.

Сборник памяти П. И. Мельникова-Печерского, Н. Н., 1910, стр. 213 (см. также Альманах русских деятелей конца XIX столетия. СПб, 1897, стр. 1149).

Декабря 5. За выслугу лет Гациский произведен в чин надворного советника.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 153.

1874

Января 26. Написал статью „Кому будут выгодны новые воинские порядки“, не напечатанную по цензурным условиям.

Оригинал—А. Г., папка № 61, стр. 50—52.

Марта 19. Избран членом-сотрудником этнографического отделения о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при московском университете.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 132.

Апреля 14. От С. П. Яковлева получил приглашение сотрудничать в его газете „Вестник промышленности“, отражавшей интересы крупной буржуазии; Гациский отказался.

А. Г., папка № 31.

Июня 30—1875 сентября 11. Был членом нижегор. губернского училищного совета.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 132.

Августа 1—9. Был на III археологическом съезде в Киеве.

Депутатский билет № 85—А. Г., папка № 716, л. 26 и др. источн.

Сентября 28. По работе в о-ве распространения грамотности в Ни-

жег. губ. произошел первый инцидент с губернатором П. И. Кутайсовым и инспектором народных училищ А. И. Раевским.

Звездин А. И. — Нижегород. листок, 1903, № 112 (27 апреля), стр. 2.

Октября 25. В письме к П. И. Мельникову сообщает о плане издания сборника „Люди нижегородского Поволжья“, 1-й вып. которого вышел в 1887 г.

Усов, П. С. — Историч. вестн., 1885, т. XIX, № 2, стр. 466.

1875

Январь—июнь 29. Поездки для исследования быта Семеновского уезда.

Записная книжка — А. Г., папка № 46, 140 стр.

Июля 17. Написал устав нижегор. о-ва для пособия учащимся в высших учебных заведениях.

Оригинал—А. Г., папка № 61, стр. 2.

Сентября 11. Вследствие принципиального расхождения с губернатором, уволен от должности члена нижегор. губ. училищного совета.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 133.

Сентября 11. Написал воспоминания об издателе журнала „Искра“ поэте В. С. Курочкине, носившие первоначальное заглавие „Дело давно минувших дней“ и напечатанные с цензурными сокращениями в „Неделе“, 1876, № 1, стр. 10—14.

Оригинал—А. Г., папка № 94, стр. 37—44.

Октября 5. Написал в ответ Д. Л. Мордовцеву памфлет „Смерть провинции или нет“, который, — по словам Гациского, — гулял 4 месяца по петербург. редакциям и, наконец, вытребован мною обратно и теперь печатается здесь, в Нижнем, отдельной брошюрой, сильно однако урезанной московской цензурой“.

Оригинал — А. Г., папка № 94, стр. 45—46, 116—130. (ср. его письмо к К. Н. Бестужеву-Рюмину от 7.III.1876г., хранящ. в Пушкинск. доме в Ленинграде под шифром 24734)

CZ XXX62 .

Декабря 2. Для нижегор. отделения музыкального общества написал реферат на тему „Об этнографическом элементе в музыке“.

Оригинал—А. Г., папка № 94, стр. 146—148.

Декабря 11. Рассматривая реорганизацию Лит. фонда в интересах провинциальных писателей, написал пессимистическую заметку „Новый комитет для разбора и призрения литераторов“, которую редакция „Недели“ не напечатала.

Оригинал—А. Г., папка № 94, стр. 149—151.

Декабря 25. В ответ на статью, напечатанную в № 50 „Недели“, пишет статью „Еще по поводу „жгучих вопросов“, в которой Боборыкину противопоставляет Благосветова и Вейнберга. Редакция „Недели“ статью не напечатала.

Оригинал А. Г., папка № 94, стр. 161—153.

1876

Февраля 14. Обращение к барону А. Л. Штиглицу с просьбой материально помочь в издании „Нижегородского сборника“, на что получил отказ.

А. Г., папка № 76, стр. 59, папка № 29 (письмо Штиглица от 13.II.1876 г.).

Июня 26. Приглашен участвовать в работе IX сессии международного статистического конгресса в Будапеште.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 133.

Сентября 2. Задумал работу об общине.

Дневниковые записки — А. Г., папка № 50.

Октября 2. Проездом из Уфимской губ. у Гацкого был писатель-народник Ф. Д. Нефедов.

Дневниковые записки — А. Г., папка № 50.

Сентября 27. Избран членом-корреспондентом IV археологического съезда в Казани.

Шестаков, П. Д. Письмо от П.Х. 1876 г. — А. Г., папка № 716, л. 34.

1877

Февраля 24. Получил из Лейпцига печатное письмо с прокламацией: „Демонстрация на площади у Казанского собора“.

Дневниковые записки — А. Г., папка № 50.

Марта 8. Избран почетным членом владимир. статистич. ком-та.

Формулярный список — А. Г., № 717, л. 133.

Апреля 10. Написал биографический очерк „А. Д. Улыбышев“, напечатанный в „Нижег. губ. вед.“, 1884, № 27 (затем вошел в состав брошюры „Люди нижегородского Поволжья“, Н. Н., 1887 и перепечатан в Русск. архиве, 1886, кн. I, стр. 55—68).

Оригинал — А. Г., папка № 55, 30 стр.

Апреля 22. Написал статьи по поводу потери его реферата комиссией будапештской сессии международного статистического конгресса под названием „От кого должно ожидать решающего дела, а не слова?“ (письмо в ред. „Земск. сборн. Черниговск. губ.“).

Оригинал — А. Г., папка № 96, стр. 45—48.

Апреля 24. Написал статью о значении провинциальной печати „На перекрестке статистики“, предназначенную для „Annale démographique“.

Оригинал — А. Г., папка № 96, стр. 48—56.

Мая 24—30. У Гацкого останавливался Ф. Д. Нефедов.

Дневниковые записки — А. Г., папка № 50.

Июня 11. Избран членом попечительного совета нижегор. реально-го училища, но в этой должности мин. нар. просвещ. не утвержден.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 133.

Июня 21. Избран в гласные нижег. уездного земского собрания

Формулярный список — А. Г. папка № 717, л. 133.

Август 5—21. В Казани на IV археологическом съезде.

Дневниковые записки — А. Г., папка № 50.

Августа 22. Избран членом комитета антропологической выставки, образованной о-вом любителей естествознания, антропологии и этнографии при московск. ун-те.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, 133.

Сентября 4. Привлечен советом торговли и мануфактур мин. финансов к участию в работе комиссии по исследованию кустарной промышленности в России и руководителем такой же работы по Ниж. губ.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 133.

Сентября 14. Начал работу над „Нижегородским летописцем“, напечатанным в „Ниж. губ. вед.“ 1884 г. и отдельн. книгой в 1886 г.

Дневниковые записки—А. Г., папка № 50.

Сентябрь. Цензор Воронцов-Вельяминов разрешил отпечатать 1-ю главу „Нижегородки“ в виде отдельной брошюры под названием „Очерки прошлого нижегородского Поволжья“.

Дело № 100 канцелярии главного управления по делам печати (4. II 1877—14. II. 1879)—ЛОЦИА (Ленинградское отд. Центр. Исторического Архива).

Октября 3. Избран членом-корреспондентом московск. археологического об-ва.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 133—134.

Ноября 8. Особый отдел ком-та мин. нар. просв. обсуждал брошюру Гациского: „Очерки прошлого нижегородского Поволжья“, предназначенную для чтения в народных училищах. Признана вредной, антигосударственной по духу, насыщенной децентралистическими идеями.

Дело № 100 (канцелярии главного управления по делам печати 4. XII. 1877—14. II. 1879)—ЛОЦИА.

Ноября 19. Избран членом-корреспондентом западно-сибирского отделения Русск. геогр. о-ва.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 143.

Декабрь 15. Избран нижег. губ. земск. собр. в члены нижег. губ. земск. управы.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 136.

1878

Января 4. Избран действительным членом о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 136.

Января 23. В № 2 журнала С. А. Поля „Сельское чтение“ (Вильна) появилась рецензия на брошюру „Очерки прошлого нижегородского Поволжья“, которая не была даже выпущена из печати; эта статья во многих местах повторяет в точности журнал особого отдела ком-та мин. нар. просв.

„Сельское чтение“, 1878, № 2, отд. „Книжн. указат.“, стр 24—25.

Марта 3. Избран заступающим место председателя губ. зем. управы.

Формулярный список—А. Г., папка № 717, л. 136.

Марта 18. Мин. нар. просвещения избран членом-учредителем о-ва археологии, истории и этнографии при казанском ун-те.

Формулярный список—А. Г., папка № 717, л. 136.

Мая 8. Встреча с П. Д. Боборыкиным, рассказ последнего о В. С. Курочкине.

Дневниковые записки—А. Г., папка № 50.

Июня 10. С К. Н. Бестужевым-Рюминым ездил в Ляхово к П. И. Мельникову-Печерскому.

Дневниковые записки—А. Г., папка № 50.

Июня 16. Начальник главного управления по делам печати В. В. Григорьев сообщил нижегор. губернатору графу П. И. Кутайсову о

запрещении брошюры Гациского „Очерки прошлого нижегородского Поволжья“, о чем просил информировать автора.

Дело № 100 канцелярии главного управления по делам печати (4. XII. 1877—14. II. 1879)—ЛОЦИА.

Июня 21. Нижег. губернатор граф П. И. Кутайсов в связи с письмом (как в то время Гацискому казалось, вызванным неприятностями с Овчинниковым) мин. нар. проsv. о неблагонадежности Гациского вызвал его для переговоров. Гациский собирается ехать хлопотать в Петербург через Остен-Сакена.

Дневниковые записки—А. Г., папка № 50.

Октября 4. На заседании нижегор. уездного зем. собр. совместно с А. А. Савельевым возражает на предложение Корвин-Круковского о предании поджигателей и конокрадов военному суду.

Савельев, А. Г. — Сборник сообщений, статей и документов (Действия НГУАК), т. VIII. Н. Н.—Канавино, 1909, стр. 8—9.

Октября 7. После неудавшейся борьбы с губернатором, подал прошение об увольнении от должности секретаря нижегор. губ. статистич. ком-та по „домашним обстоятельствам“.

Гациский— Письмо к П. П. Семенову.— А. Г., папка № 76, стр. 33—34.

Октября 15. Нижегор. губернатор граф П. И. Кутайсов пишет „конфиденциальное письмо“ мин. внутр. дел А. Е. Тимашеву, сообщая в нем о политической неблагонадежности секретаря нижег. губ. статистич. ком-та А. С. Гациского. Как доказательство—указывает на статьи Гациского за 1875 г. в „Неделе“, издание нецензурированной брошюры антиправительственного направления, привлечение к работе по исследованию кустарной промышленности поднадзорных полиции лиц (А. Э. Сакс и др.), „связь с заграничными агитаторами“ и т. д.

Дело № 76 по канцелярии мин. внутр. дел (15. X. 1878 — 21. IV. 1879) — ЛОЦИА.

Октября 26. Увольнение от должности секретаря нижегор. губ. статистич. ком-та.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 137.

Декабря 4. Избран гласным нижег. гор. думы на 4 года*.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 137 (см. также: Нижег. биржев. листок, 1878, № 129 (23 декабря), стр. 2).

Декабря 25—26. Под впечатлением инцидента с губернатором графом П. И. Кутайсовым написал рассказ „Обыденщина“, публикуемый в настоящем сборнике.

Оригинал—Собрание К. Д. Александрова.

Декабря 29. Нижегор. губернатор граф П. И. Кутайсов сообщил в главное управление по делам печати, что повинник в печатании брошюры „Очерки прошлого нижегородского Поволжья“ оказался смотритель губ. типогр. А. Ф. Пальмовский, затем, что эта брошюра является точной перепечаткой 1-й главы, издававшейся 3 года подряд „Нижегородки“ и что в типографии собраны почти все 400 экземпляров ее.

Дело № 100 Главн. упр. по делам печати (4. XII. 1877—14. II. 1879)—ЛОЦИА).

1879

Января 27. П. И. Мельников-Печерский сообщает, что в деле Гациского против Кутайсова в Петербурге принимает участие целая коа-

* Эту должность занимал пожизненно.

лия: Бырков, К. Н. Бестужев-Рюмин, Е. В. (?) Богданович, Косачовский, П. И. Мельников, П. П. Семенов, гр. С. С. Уваров, Шумахер.

Сборник в память П. И. Мельникова (Андрея Печерского), (Действия НГУАК), т. IX, Н. Н. 1910, стр. 232 (в архиве Гациского оригиналов писем П. И. Мельникова нет).

Января 29. Избран председателем комиссии по оздоровлению г. Н. Новгорода, образованной нижегор. гор. думой.

Гациский. Отчетный доклад—А. Г., папка № 714, л. 2—5.

Февраля 14. Начальник главного управления по делам печати В. В. Григорьев в отношении нижегор. губернатору графу П. И. Кутайсову передает распоряжение управляющего министерством о предании А. Ф. Пальмовского суду, а брошюру „Очерки прошлого нижегородского Поволжья“ уничтожению, как напечатанную без предварительной цензуры.

Дело № 100 канцелярии главного управления по делам печати 1. XII. 1877—14. II. 1879)—ЛОЦИА.

Марта 1. П. И. Мельников-Печерский сообщает, что о деле Гациского говорил с наследником Александром Александровичем.

Сборник в память П. И. Мельникова (Андрея Печерского), (Действия НГУАК), т. IX, Н. Н., 1910, стр. 234.

Марта 4. А. В. Карпов сообщает, что профессора казанск. ун-та Кремлев и Осипов одобрили мысль о предоставлении Гацискому места приват-доцента по кафедре статистики.

А. Г., папка № 12.

Апреля 21. Нижегор. губернатор граф П. И. Кутайсов в секретном письме на имя мин. внутр. дел вторично подчеркивает политическую неблагонадежность Гациского, но на этом письме это дело было закончено и сдано в архив.

Дело № 76 по канцелярии мин. внутр. дел (15. X. 1878—21. IV. 1879)—ЛОЦИА.

Мая 10—1880 января 19. По распоряжению председателя комиссии по исследованию железнодорожного дела в России гр. Э. Т. Баранова назначен членом комиссии, из которой выбыл по окончании порученной работы.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 137.

Мая 11. О-вом попечительства о раненых и больных награжден знаком Красного креста.

Диплом—А. Г., папка № 716, л. 52.

Октября 14. Составил отчетный доклад комиссии по разработке вопроса об изыскании источников на покрытие дефицита в городской росписи, образованной при нижегор. гор. думе.

Гациский. Отчетный доклад — А. Г. папка № 714, л. 56.

1880

Марта 14. Избран членом комиссии по устройству лечебницы для приходящих, образованной нижегор. гор. думой.

Гациский. Отчетный доклад — А. Г. папка № 714, л. 87—99.

Мая 3. На рассмотрение нижегор. гор. думы подал заявление против выселения евреев из Н. Новгорода.

Оригинал —А. Г., папка № 715, л. 157.

Мая 23. Избран членом комитета нижегор. гор. обществ. библиотеки.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 137—138.

Июня 3. Земским избирательным съездом Н. Новгорода избран в гласные нижегор. уездн. земск. собр.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 138.

Июля 21. Вновь занял должность секретаря нижегор. губ. статистич. ком-та.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 138.

Октября 9. Избран председателем комиссии по разработке вопроса о понижении цен на розничные припасы и топливо, образованной нижегор. гор. думой.

Гацкий. Отчетный доклад — А. Г., папка № 714, л. 111.

1881

Ноября 12. Избран председателем комиссии по устройству бесплатной лечебницы для проходящих, образованной нижегор. гор. думой.

Гацкий. Отчетный доклад — А. Г., папка № 715, л. 131.

Декабрь. Принимал участие в работе комиссии по рассмотрению проекта регулирования рек Волги и Оки, образованной мин. путей сообщения под председательством инженера С. И. Кербедза.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 139.

1882

Апреля 12. Составил отчетный доклад комиссии по разработке программы содействия городского общественного управления о-ву улучшения народного труда, образованной нижегор. гор. думой.

Гацкий. Отчетный доклад — А. Г., папка № 715, л. 137—138.

Мая 29. Составил отчетный доклад комиссии по учреждению в Н. Новгороде адресного стола, образованной нижегор. гор. думой.

Гацкий. Отчетный доклад — А. Г., папка № 715, л. 140.

Август.. Личное знакомство с поэтом А. Н. Плещеевым.

Ветринский, Ч. — Русск. мысль, 1912, № 4, стр. 115.

Сентября 29. Избран членом комиссии по наименованию и переименованию улиц и площадей Н. Новгорода, образованной нижегор. гор. думой.

Гацкий. Отчетный доклад — А. Г., папка № 715, л. 146—149.

Ноября 19. По личному ходатайству уволен от должности мирового судьи по нижегор. судебно-мировому округу.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 140.

1883

Января 21. Избран председателем комиссии по управлению библиотекой.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 140.

Февраля 10. Избран председателем комиссии по вопросу о чествовании памяти П. И. Мельникова-Печерского, образованной нижегор. гор. думой.

Гациский. Отчетный доклад—А. Г., папка № 715, л. 143—144.

Февраля 10. Избран председателем комиссии по вопросу об отделении города от уездного земства.

Гациский. Отчетный доклад—А. Г., папка № 715 а, л. 1.

Июня 13. Составил отчетный доклад комиссии по вопросу об устройстве при Н. Новгороде зимней стоянки судов.

Гациский. Отчетный доклад—А. Г., папка № 715а, л. 41—42.

Июля 23—24. Составил отчетный доклад комиссии по разработке мер к улучшению санитарного состояния города.

Гациский. Отчетный доклад—А. Г., папка № 715а, л. 60—62.

Октябрь. Нижегор. уездн. земск. собранием избран: 1) членом губ. зем. собрания, 2) членом уездного училищного совета, 3) членом ревизионной комиссии, 4) почетным мировым судьей нижегор. судебн. округа.

Формулярный список—А. Г., папка № 717, л. 141.

Ноября 18. Гласные А. П. Гусев, А. В. Баулин, А. А. Зарубин, Н. Е. Магула, А. С. Гациский и Н. Ф. Киришбаум представили проект устава гор. обществ.-судной кассы.

К 25-летию нижегор. ломбарда Н. Н. 1914, стр. 3*.

Декабря 16. Нижегородск. губ. земск. собр. избран попечителем губ. земской больницы.

Формулярный список—А. Г., папка № 717, л. 141—142.

1884

Января 10. От. гр. С. С. Уварова и Н. П. Кондакова получил предложение участвовать 15. VIII на VI археологическом съезде в Одессе.

А. Г., папка № 713.

Февраль От А. В. Зеленского получил предложение сотрудничать в его газете „Земский обзор“, выходившей в Полтаве.

А. Г., папка № 713, л. 194—195.

Апреля 2. Избран помощником председателя нижегор. губ. статистич. ком-та (пожизненно).

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 142.

Ноября 16. Избран членом (от города) попечительного совета нижегор. мариинской женской гимназии на 3 года.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 145.

Декабря 8. Избран членом комитета по устройству на нижегородской ярмарке в 1885 г., под председательством вел. кн. Владимира Александровича, выставки кустарной и сельскохозяйственной производительности Нижегородской губернии.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 145—146.

1885

Февраля 21. Через поэта А. Н. Плещеева получил предложение от

* Описать de visu не удалось.

А. М. Евреиновой сотрудничать в „Северном вестнике“.

Ветринский — Русск. Мысль, 1912, № 4, стр. 120; см. также „Северн. вестн.“, 1885 № 1 (программа журнала).

Февраля 25. Составил отчетный доклад комиссии по вопросу о направлении железной дороги между Н. Новгородом и Казанью, образованной нижег. гор. думой.

Гациский. Отчетный доклад — А. Г., папка № 715, л. 171—172.

Марта 16. Составил отчетный доклад комиссии по организации в городе санитарного надзора, образованной нижег. гор. думой.

Гациский. Отчетный доклад — А. Г., папка № 715, л. 151—159.

Апреля 28. От Н. С. Таганцева получил известие об избрании членом о-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым (СПБ).

А. Г., папка № 22а, л. 2.

Апреля 30. От А. П. Субботина получил предложение сотрудничать в „Экономическом журнале“.

А. Г., папка № 713, л. 156.

Сентября 12. Приглашен участвовать в работах комиссии по вопросу об учреждении в Н. Новгороде элементарного женского училища.

Соболев, В. А. Письмо от 12|IX.1885 г. А. Г., папка № 121а, л. 84—85.

Ноября 5. Избран членом-сотрудником ростовского музея церковных древностей.

Диплом — А. Г., папка № 716, л. 99.

1886

Июня 26. Получил предложение участвовать на VII археологическом съезде в Ярославле.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 147.

Сентября 8. Был у П. Д. Боборыкина.

Дневниковые записки — А. Г., папка № 52.

Декабря 13. Гациский, В. В. Хвоцинский и А. А. Савельев в заседании нижег. губ. земства внесли предложение о подробном, поуездном изучении экономического состояния губернии в целях наиболее правильной раскладки земских сборов. Это предложение послужило толчком к организации оценочно-статистического бюро, возглавлявшегося Н. Ф. Анненским.

Караваев, В. Ф. Библиографический обзор земской статистической и оценочной литературы... СПб. 1906, стр. 367—368.

1887

Февраля 4. Избран членом-соревнователем о-ва истории и древностей российских при московск. ун-те.

Формулярный список — А. Г., папка № 717 л. 148—149.

Марта 8. Задумал написать исследование о 1861 годе.

Архангельский, С. И. — „Краеведение“, 1929, № 10, стр. 590.

Июля 29. Избран почетным членом ставропольск. губ. статистич. комитета.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 149.

Августа 6—20. В Ярославле на VII археологическом съезде.

Депутатский билет — А. Г., папка № 716, л. 113.

Сентября 24. Избран членом тамбовск. уч. арх. комиссии.

Формулярный список — [А. Г., папка № 717, л. 149.

Октября 17. На первом заседании нижег. уч. [арх. комиссии] избран председателем ее.

Формулярный список — А. Г., папка № 150.

Октября 20. Избран членом рязанск. уч. арх. комиссии.

Формулярный список — А. Г., папка № 150.

1888

Января 15. Избран почетным членом археологического института.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 150—151.

Февраля 22. Гациский взял на себя обязанность разработать административную часть устава о-ва литераторов и журналистов Поволжья.

Короленко, В. Г. Полное собрание сочинений. Посмертное изд., т. LI (Харьков) 1923, стр. 19.

Марта 1. Избран председателем исполнительной городской санитарной комиссии.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 151.

Марта 19. Избран в комиссию по празднованию в Н. Новгороде 900-летия крещения Руси.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 151.

Мая 28. Избран помощником председателя нижег. губ. статистич. ком-та.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 151.

Июля 5. Избран почетным членом пермск. уч. арх. комиссии.

Вологдин, П. А. — Русск. старина, 1888, т. 59, август, стр. 459.

Сентября 14. Написал драматические сцены автобиографического характера „Последняя вспышка“, посвященные изв. артистке П. А. Стрепетовой.

Оригинал — А. Г., папка № 719, л. 1—17

Сентября 19. Избран действительным членом саратовск. губ. уч. арх. комиссии.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 151.

Октября 7. Избран почетным членом о-ва распространения начального образования в Нижег. губ.

Диплом — А. Г., папка № 716, л. 105.

1889.

Апреля 23. Избран членом попечительного совета по врачебной части нижег. уездн. земск. управы.

Баженов, А. В. Письмо от 23.V. 1890 — А. Г., папка № 3а, л. 9.

Июля 3. 30-летний юбилей литературной деятельности. Соединенное заседание нижег. губ. уч. арх. комиссии и губ. статистич. ком-та, бан-

кет на пароходе „Мария“ в составе 25 наиболее близких представителей местной интеллигенции.

Короленко, В. Г. Полное собрание сочинений. Посмертн. изд., т. LI (Харьков) 1923, стр. 102, 107 (более подробно — см. раздел „Юбилей“ в библиографии, находящейся в конце этой книги).

Июля 9. Избран почетным членом ростовск. музея церковных древностей.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 152.

Октября 18. От имени А. С. Гациского, С. Я. Елпатьевского, В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненского и др. была послана телеграмма семье умершего в Саратове Н. Г. Чернышевского.

Ветринский, Ч. — Нижег. листок, 1911, № 283 (17 октября), стр. 3.

Октября 20. Пишет письмо поэту А. Н. Плещееву о мероприятиях по увековечению памяти Н. Г. Чернышевского.

Ветринский, Ч. — Нижег. листок, 1911, № 283 (17 октября), стр. 3.

Октября 25. Избран почетным членом ярославск. губ. статистич. ком-та.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 153.

Ноября 1. Состоялось предварительное собрание нижегородской интеллигенции, посвященное памяти Н. Г. Чернышевского. На этом собрании в квартире писателя-врача С. Я. Елпатьевского, кроме него, присутствовали А. С. Гациский, В. Г. Короленко, А. А. Ольхин, П. К. Позерн, А. А. Савельев, Н. М. Сибирцев и др.

Ветринский, Ч. — Нижег. листок, 1911, № 283 (17 октября), стр. 3.

Ноября 7. Историка литературы А. Н. Пыпина благодарит за советы о формах увековечения памяти Н. Г. Чернышевского.

Оригинал — Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Собрание А. Н. Пыпина.

Декабря 12. Избран в члены комиссии по исследованию экономического положения кустарей Павловского района.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 154.

Декабря 17. Избран председателем попечительного совета по учебной части нижег. уездн. управы.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 154.

Декабря 22. Командирован на VIII археологический съезд в Москве.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 154.

Без даты. Избран членом нижег. отделения русск. о-ва покровительства животным.

А. Г., папка № 713, л. 173.

1890.

Января 11—26, Москва. На VIII археологическом съезде, 19 января, прочитал доклад на тему „Почему назывались выписки из писцовых книг, даваемых городам по их челобитьям, сотными грамотами“.

А. Г., папка № 49, отд. „Город“, а так же „Русск. вед.“, 1890, № 18 (19 января), отд. „Московск. вести“, стр. 3.

Января 27. Избран иногородним членом комитета казанск. научно-промышленной выставки.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 154.

Март 9. На нелегальном собрании (на квартире С. Я. Елпатьевского) памяти Н. Г. Чернышевского был председателем и докладчиком.

Ветринский, Ч.—Нижег. листок, 1911, № 283, стр. 3; Ветринский, Ч.—Русск мысль, 1912, № 4; Елпатьевский, С. Я. Воспоминания за 50 лет, Л., 1929, стр. 225.

Марта 9. Избран действительным членом исторического о-ва при спб-ском ун-те.

Кареев, Н. И., Письмо от 9.III. 1890—А. Г., папка № 3а, л. 27.

Августа 12 — декабря 17. Был обязательным секретарем судоходного съезда в Н. Новгороде.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 154—155.

1891.

Января 29. Избран членом особой комиссии для исследования положения дел нижег. александр. дворянск. банка и определения степени обеспеченности ссуд, выданных банком под залог земель.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 155—156.

Февраля 25. На чрезвычайном губ. земск. собр. по вопросу об удовлетворении ходатайства земства о ссуде Гациский подчеркнул несвоевременность вопроса о сроках возврата ее.

Нижег. биржев. листок, 1891, № 48, (27 февраля), стр. 2.

Февраля 26. На чрезвычайном губ. земск. собр. по вопросу о введении общественных запашек, как гарантии исправной выплаты государств. ссуды, А. С. Гациский, И. П. Кутлубицкий, А. М. Меморский и А. А. Савельев подали особое мнение, возражая против принудительных форм их проведения. Избран в ревиз. комиссию о-ва взаимного кредита.

Нижегор биржев. листок, 1891, № 49 (28 февраля), стр. 2.

Марта 29. Избран попечителем 2-го женского начальн. народн. училища.

Формулярный список — А. Г., папка № 716, л. 156.

Марта 29. Избран попечителем кулибинск. ремесленного училища.

Нижег. биржев. листок, 1891, № 74, (31 марта).

Мая 21. Командирован в СПб на 14 дней как представитель от Нижег. губ. по организации общественных работ среди голодающего населения.

Свидетельство, выданное нижег. гор. управой (собр. К. Д. Александрова) и LXX заседание нижег. губ. статистич. ком-та 12.V.1893, стр. 95.

Июня 11. Избран членом костромск. губ. уч. арх. комиссии.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 156.

Июня 25. На нижег. земском собр. резко выступил против позиции Осташева по вопросу о помощи голодающим Нижегородской губернии.

Казанск. биржев. листок, 1891, № 147 (29 июня), стр. 3.

Июля 3. Избран членом комиссии по организации и распределению продовольственных ссуд в Нижег. губ.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 156—157.

Июля до 10. На экстренн. нижег. губ. земск. собр. выступил с резкой критикой выступления В. Д. Обтяжнова по вопросу введения общественных запасов.

Казанск. биржев. листок, 1891, № 156 (10 июля), стр. 3.

Августа 6. На чрезвычайн. нижег. земск. собр. выступил против „арзамасского патриотизма“ Степанова и ошибок А. М. Ермолова в деле помощи голодающим.

Нижег. биржев. листок, 1891, № 184 (7 августа), стр. 2.

Сентября 25. Напечатал статью „Свежо предание“, в которой дает штрихи из эпохи управления губернией в 60 гг. губернатором Н. А. Огаревым.

Нижег. биржев. листок, 1891 № 230 (25 сентября), стр. 2 (перепечатка—Астраханск. вестн., 1891, № 664 (1 октября), стр. 3).

Ноября 3. Приглашен к исполнению обязанностей члена губ. продовольственной комиссии.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 157.

Ноября 17. На заседании нижег. губ. продовольственной комиссии в прениях по вопросу о сокращении пьянства предложил ввести в деревнях народные чтения, но комиссия согласилась сократить лишь продажу алкогольных напитков во время базаров.

Казанск. биржев. листок, 1891, № 267 (26 ноября), стр. 3.

Ноября 19. От П. В. Шибанова получил предложение сотрудничать в журнале „Библиографические записки“.

А. Г., папка № 28.

Ноября 23. Написал доклад, подытоживающий работу особого совещания по вопросу об общественных работах в губ. продовольственной комиссии, наметив в нем виды работ, имеющие государственное и местное (но не временное) значение.

Оригинал—А. Г., папка № 725, стр. 1—2.

Декабря 14. Избран членом специальной по продовольствию ревизионной комиссии и в члены комитета по разрешению вопроса об устройстве в Н. Новгороде элеватора.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 157.

Декабря до 22. На заседании комитета по продовольственному делу в Нижег. губ. высказался за введение подоходного налога.

Казанск. биржев. листок, 1891, (22 декабря), стр. 3.

1892

Марта 11. Назначен членом особого совещания по общественным работам в Н. Новгороде.

Формулярный список — А. Г., папка № 717, л. 158.

Июнь. Назначен в состав санитарной исполнительной комиссии по борьбе с холерной эпидемией 1892 г.

Формулярный список — А. Г., папка № 158—159.

Лето—Осень. Первые признаки серьезного заболевания. По диагнозу С. Я. Елпатьевского — катарр с атонией желудка.

Гацкий, А. С. Письма сыну Д. А. Александрову от 10—11. I и 14. II. 1893 г. (собр. К. Д. Александрова).

Августа 28. Назначен членом губернского по земским и городским делам присутствия.

Губин А. М. Письмо от 28. VIII. 1892—А. Г., папка № 717, л. 123.

1893

Января 5. Написал дополнения к проекту инструкции сельско-хозяйственного совета, составленному А. А. Остафьевым.

„Волгарь“, 1893 г. № 4 (6 января).

Января 22. От директора нижег. губ. гимназии получил сообщение об учреждении стипендии имени Гацкого.

А. Г., папка № 717, л. 89.

Март. Начало последнего, предсмертного периода болезни Гацкого.

Кузнецов, И. П.— Волгарь, 1894, № 95 (28 апреля), стр. 3.

Апреля 27. В 8 час. утра, во вторник, Гацкий умер.

См. раздел „Болезнь и смерть“ в библиографическом перечне.

Апреля 29. Похороны Гацкого на лютеранском кладбище. Над могилой речи В. Г. Короленко, А. Ф. Мартынова, А. М. Меморского и А. А. Савельева.

Описание похорон—см. раздел „Болезнь и смерть“ в библиографическом перечне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ МАТЕРИАЛОВ О ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСТВЕ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. С. ГАЦИСКОГО

Материалом для списка послужили: 1) Указатель рецензий на статьи и издания А. С. Гациского („Сборник памяти А. С. Гациского“ Н.Н. 1897, отд. [П], стр. 49—50), 2) Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей, т. 1, СПб. 1900, стр. 708—709, 3) библиография, данная В. Е. Чешихиным-Ветринским к статье о Гациском в „Русском биографическом словаре“, т. „Гааг-Гербель“, М., 1914, стр. 287—288. Кроме того, мною использованы библиографические работы Межова, Каратаева и др. Ряд газетных и журнальных статей зарегистрирован впервые.

Для сокращения списка и во избежание лишних аннотаций, материал расположен в условно-систематическом порядке. Однако, полной систематизации достичь не удалось, ибо темы статей подчас переплетаются. Переиздания отдельных статей сгруппированы при первой публикации. Материал, вызванный определенной статьей, помещается под ней же. Ученный материал проверен заново и описан de visu, что дало возможность установить некоторые ошибки или опечатки у предшествующих библиографов.

В список включен не только критико-биографический материал в узком смысле слова, но и опыты художественного воплощения образа Гациского (как в прозе, так и в стихах), литературные посвящения и интересные ссылки на его работы.

1. БИОГРАФИЯ

СТАТЬИ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Михневич, В. О. Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. 1000 характеристик, СПб. 1884, стр. 51.

Энциклопедический словарь (Брокгауза-Ефрона), т. VIII (полутом XV), 1892, стр. 188.

Посадский, Я. [Агафонов, Н. Я.]. Воспоминания об А. С. Гациском — *Волжск. вестн.*, 1893, № 131 (26 мая), стр. 2—3; № 139 (3 июня), стр. 2—3 [Перепечатка: 1) Сборник памяти А. С. Гациского, Н. Н., 1897, отд. 1, стр. 29—47; 2) Агафонов Н. Я. Из казанской истории, Казань 1906, стр. 80—99].

Пл—в, М. [Плотников, М. А.] Памяти Александра Серафимовича Гациского — *Волжск. вестн.*, 1893, № 141 (5 июня), стр. 2.

Короленко, В. Г. Из истории областной печати (Памяти

А. С. Гациского) — *Русск. вед.*, 1894, № 319 (18 ноября), стр. 2—3; № 327 (26 ноября), стр. 2; № 339 (8 декабря), стр. 3. [В измененной редакции перепечатана: 1) „Сборник памяти А. С. Гациского“, Н. Н., 1897, отд. I, стр. 7—28, под названием „Литератор-обыватель“, 2) Короленко, В. Г. Полное собрание сочинений, т. II. СПб. Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1914, стр. 332—357; 3) Короленко, В. Г. Воспоминания о писателях. Под редакцией и с прим. С. В. Короленко и А. Л. Кривинской. М. „Мир“, 1934, стр. 125—146. По поводу этой статьи см. Короленко, В. Г. Дневник, т. II (1893—1894), (Полное собрание сочинений. Посмерт. изд.). (Харьков). Гос. изд. Украины, 1926, стр. 252].

Сборник в память Александра Серафимовича Гациского... Н. Н. Изд. ниж. уч. арх. ком., 1897, стр. [I] + II + 56 + 61 + 50, вкл. л. — портр. [Содержание: стр. I—II [Предисловие]; отд. I, стр. 1—5—Гациский, А. С. Краткая некрология некоего благонамеренного литератора и старца Александра; отд. I, стр. 7—28—Короленко, В. Г. Из истории областной печати; отд. I, стр. 29—47—Агафонов, Н. Я. Воспоминания об А. С. Гациском; отд. I, стр. 49—56—Савельев, А. А. Земская деятельность А. С. Гациского и его взгляды на задачи земства; отд. II, стр. 1—61—Гациский, А. С. В вотчине князя Пожарского. Посмертный труд; отд. III, стр. 3—12—Савельев, А. А. 30-летний юбилей учено-литературной деятельности А. С. Гациского; отд. III, стр. 13—17—Краткие сведения о служебной и общественной деятельности А. С. Гациского; отд. III, стр. 19—29—Письма, полученные А. С. Гациским по случаю 30-летнего литературного юбилея; отд. III, стр. 29—32 [Кузнецов, И. П., Скурыдин, К. Н., Сибирцев Н. М., Короленко В. Г., Савельев, А. А.]. Несколько характеристик литературной и общественной деятельности А. С. Гациского, сделанные во время обеда в честь его 3 июля 1889 г.; отд. III, стр. 38—48—Список литературных трудов А. С. Гациского; отд. III, стр. 49—50—Указатель рецензий на статьи и издания А. С. Гациского. [Отзывы на этот сборник см. в разделе „Рецензии“].

Малый энциклопедический словарь (Брокгауза-Ефрона), вып. IV, 1899, стлб. 1239.

Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленкова. СПб, 1899, стлб. 450.

Большая энциклопедия (Т-во „Просвещение“), т. VI, 1903, стр. 242. Спутник по реке Волге и ее притокам—Каме и Оке... Сост. под ред. П. П. Виноградова. Саратов, 1904, стр. 21.

Васюков, С. И. Вниз по Волге. Очерки — *Истор. вестн.* 1906, т. CVI, ноябрь, стр. 602.

Битнер, В. В. (ред.) Словарь исторический и социально-экономический. СПб. Изд. „Вестник знания“, 1906, стлб. 367.

Новый энциклопедический словарь (Брокгауз-Ефрон), т. XII, 1913, стлб. 755—756.

[Тищенко А. В.] — Русская энциклопедия („Деятель“), т. V, 1913, стлб. 202.

Энциклопедический словарь т-ва „А. и И. Гранат“, т. XII (изд. 7). 1913, стлб. 624—625.

Ветринский, Ч. [Чешихин, В. Е.] — Русский биографический словарь, т. „Гааг-Гербель“, 1914, стр. 282—288.

Венгеров, С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых... 2 изд. т. I, 1915, стр. 167.

Чешихин, В. Е. (Ветринский, Ч.), ред. Люди Нижегородского Поволжья, вып. 1. Краткий словарь писателей-нижегородцев. Н.-Н. 1915, стр. 11 [Сообщение об этом словаре см. — *Изв. кн. маг. Т-ва М. О. Вольф*, 1912, № 7 (июль), стр. 100].

Языков, Д. Д. Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц, вып. 13. (Сборник отд. русск. яз. и слов. Ак. наук, т. ХСV, № 3), Пг., 1916, стр. 54—55.

Нижегородский сборник памяти Вл. Гал. Короленко. Ред. ком. М. А. Вязмин, В. Н. Золотницкий, А. И. Звездин, А. Н. Свободов, А. П. Ульянова, Н. Н. Губсоюз, 1923, стр. 61, 64, 65, 71, 78—80, 113—114, 120—122, 124, 150—152, 156, 188, 192, 236, 238 [упоминания в тексте Короленко, а также в статьях и письмах Н. Я. Агафонова, А. И. Звездина, В. Н. Золотницкого, С. И. Архангельского, А. Н. Свободова].

Свободов, А. Н. В Нижнем-Новгороде на заре XX в. (К характеристике культурного и литературного гнезда) — *Краеведческий сборник*, т. I. Н. Н. 1924, стр. 255—261, 272.

Большая Советская энциклопедия, т. XIV, 1930, стр. 698.

Каптерев, Л. М. Город Горький. (Горький). Краев. изд. 1934; стр. 18, 77.

ЮБИЛЕЙ (ХАРАКТЕРИСТИКИ, ЗАСЕДАНИЯ, СТИПЕНДИЯ)

Волжский вестн., 1889, № 114 (11 мая), отд. „Корресп.“, стр. 5. Еще о юбилее А. С. Гацкого — *Волж. вестн.*, 1889, № 129 (28 мая), отд. „Хроника“, стр. 2.

Новое время, 1889, № 4758 (30 мая), отд. „Внутр. изв.“, стр. 3. Крб. Н. [Коробкин, Н. И.]. Житейские отголоски (Заметки скупящего человека) — *Нижег. биржев. листок*, 1889, № 128 (7 июня) стр. 2.

Заметка о предстоящем 30-летнем юбилее учено-литературной деятельности А. С. Гацкого — *Нижег. губ. вед.*, 1889, № 25 (21 июня), стр. 3.

Астрах. вестн., 1889, № 55 (23 июня), стр. 3.

Нижег. биржев. листок, 1889, № 149 (2 июля), отд. „Дневник“, стр. 2.

Сев, А. [Савельев, А. А.] По поводу празднования 30-летнего юбилея литературной деятельности А. С. Гацкого — *Нижег. биржев. листок*, 1889, № 149 (2 июля), стр. 2.

Нижег. биржев. листок, 1889, № 149 (2 июля), стр. 3.

Нижег. биржев. листок, 1889, № 149, прибавл. (3 июля) отд. „Дневник“, стр. 2.

А. С. Гацкий — *Волжск. вестн.*, 1889, № 161 (4 июля), стр. 1—2.

Казанск. биржев. листок, 1889, № 144 (4 июля), отд. „Обл. вестн.“ стр. 3.

Московск. вед., 1889, № 182 (4 июля), отд. „Телегр.“, стр. 3.

Нижег. биржев. листок, 1889, № 150 (4 июля), отд. „Дневник“, стр. 2.

Речь г. нач. губ. и предс. соединен. собр. статист. ком. и уч. арх. ком. Н. М. Баранова — *Нижег. биржев. листок*, 1889, № 150 (4 июля), стр. 2.

Новости и биржев. газ., 1889, № 181 (5 июля), отд. „Посл. изв.“, стр. 1.

Чествование в Н. Новгороде юбилея А. С. Гацкого — *Волжск. вестн.*, 1889, № 163 (6 июля), отд. „Хроника“, стр. 2.

Юбилей А. С. Гацкого — *Казанск. биржев. листок*, 1889, № 146 (6 июля), стр. 2.

Розанов П. П. К юбилею А. С. Гацкого. — *Казанск. биржев. листок*, 1889, № 147 (7 июля), стр. 3.

Русск. вед., 1889, № 185 (7 июля), отд. „Внутр. изв.“, стр. 2.

Новости и биржев. газ., 1889, № 185 (9 июля); отд. „Русск. печать“, стр. 2.

Русск. вед., 1889, № 189 (11 июля); отд. „Внутр. изв.“, стр. 1—2.

Празднование юбилея 30-летней учено-литературной деятельности А. С. Гациского.— *Нижег. губ. вед.*, 1889, № 28 (12 июля), стр. 3—6.
Барановский, В. А. С. Гациский и его учено-литературная и общественная деятельность — *Нижег. губ. вед.*, 1889, № 28 (12 июля), стр. 7—11.

Речи [А. А. Савельева и П. П. Розанова], произнесенные на юбилее А. С. Гациского.— *Нижег. губ. вед.*, 1889, № 29 (19 июля) стр. 2—6.

Юбилей литературной деятельности А. С. Гациского — *Книжн. вестн.*, 1889, № 7 (июль), отд. „Хроника“, стр. 294.

Н.-Новгород, 15 апреля (...Небольшой вопрос)— *Казанск. биржев. листок*, 1891, № 93 (18 апреля), стр. 2.

Н. О. [Короленко, В. Г.] Запрос — *Волжск. вестн.*, 1891, № 95 (20 апреля), стр. 3.

Иванович [Сведенцов, И. И. Путевые заметки, П. Н.-Новгород (Таинственное исчезновение тысячи рублей...)]— *Казанск. биржев. листок*, 1891, № 137 (16 июня), стр. 2. [О пропавших деньгах, собранных на учреждение стипендии им. Гациского].

Н.-Новгород (Стипендия имени А. С. Гациского) — *Казанск. биржев. листок*, 1891, № 179 (8 августа), стр. 3.

Н. О. [Короленко В. Г.] Нижегородские известия. О стипендии имени А. С. Гациского — *Волжск. вестн.*, 1891, № 188, прибавл. (19 августа), стр. 1.

Короленко В. Г. Полное собрание сочинений. Посмертное изд., т. II. Письма 1888—1889 (Харьков). Гос. изд. Украины, 1928, стр. 102, 107 [Описание юбилея в письмах Е. С. Короленко от 3 и 7. VII. 1889 г.].

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

Волгарь, 1893, № 91 (23 апреля), отд. „Мест. хрон.“, стр. 2 [Сообщение о болезни].

Памяти А. С. Гациского — *Волгарь*, 1893, № 95 (18 апреля), стр. 1—2.

Волжск. вестн., 1893, № 106 (28 апреля), стр. 2.

Нижег. губ. вед., 1893, № 17 (28 апреля), стр. 1.

А. С. Гациский (Некролог) — *Новости и биржев. газ.*, 1893, № 115 (28 апреля), стр. 2.

Короленко В. Г. — *Русск. жизнь*, 1893, № 112 (27 апреля), отд. „Телегр.“, стр. 3.

Волгарь, 1893, № 96 (29 апреля), отд. „Мест. хрон.“, стр. 3.

Кончина А. С. Гациского — *Волжск. вестн.*, 1893, № 107 (29 апреля), стр. 2.

Новое время, 1893, № 6165 (29 апреля), стр. 3.

Русск. жизнь, 1893, № 113 (29 апреля), стр. 3.

А. С. Гациский — *Русск. вед.*, 1893, № 115 (29 апреля), отд. „Внутр. изв.“, стр. 2.

Волгарь, 1893, № 97 (30 апреля), стр. 1.

Похороны А. С. Гациского — *Волгарь*, 1893, № 97 (30 апреля), стр. 2.

Правительств. вестн., 1893, № 92 (30 апреля), отд. „Внутр. изв.“, стр. 2.

Всемирн. иллюстр., 1893, т. XLIX, № 19 (№ 1267) (1 мая), отд. „Некрологи“, стр. 335.

А. У. [Патрашкин, С. Т.?] А. С. Гациский (Некролог) — *Саратовск. дневник*, 1893, № 90 (1 мая), стр. 2—3.

Саратовск. листок, 1893, № 91 (1 мая), отд. „Внутр. изв.“, стр. 3.

Старый друг [Коробкин, Н. И.] Обо всем (из городской жизни) — *Волгарь*, 1893, № 99, (2 мая), стр. 2—3.

Поволжский Местно-областные мотивы (Очерки из общественной жизни Камско-волжск. края) — *Волжск. вестн.*, 1893, № 110 (2 мая), стр. 3.

Похороны А. С. Гациского — *Волжск. вестн.*, 1893, № 110 (2 мая), стр. 3.

Русск. вед., 1893, 118 (2 мая), отд. „Внутр. изв.“, стр. 2.

Самарск. вестн., 1893, № 50 (2 мая), отд. „По России“, стр. 3.

Полляк, В. Н. Пионер провинциальной печати (А. С. Гациский) —

Саратовск. листок, 1893, № 92 (2 мая), стр. 2.

Речи Вл. Г. Короленко и А. М. Меморского на могиле А. С. Гациского — *Волжск. вестн.*, 1893, № 111 (3 мая), стр. 3.

Саратовск. листок, 1893, № 93 (4 мая), отд. „Внутр. изв.“, стр. 3.

Д. [Демьянов Г. П.]. Памяти А. С. Гациского — *Нижег. губ. вед.*, 1893, № 18 (5 мая), „Местн. отд.“, стр. 1—2.

Похороны А. С. Гациского — *Саратовск. дневник*, 1893, № 93 (5 мая), стр. 3.

[Короленко, В. Г.] — *Русск. жизнь*, 1893, № 128 (15 мая), отд.

„Русск. печать“, стр. 2.

Русск. мысль, 1893, № 5 (май), отд. „Внутр. обзор“, стр. 210—211.

Русск. богатство, 1893, № 5, отд. „Хроника местн. жизни“, стр. 85—86.

[Трефолев Л. Н. Письмо на имя Н. М. Баранова по поводу смерти А. С. Гациского] — *Волгарь*, 1893, № 135 (15 июня), отд.

„Мест. хрон.“, стр. 2.

Историч. вестн., 1893, т. LII, № 6 (июнь), отд. „Смесь“, стр. 880.

Нижегородские общественные деятели — *Волгарь*, 1893, № 163 (18 июля), стр. 3 [В. А. Соболев и А. С. Гациский].

Боборыкин П. Д. Две кончины — *Русск. вед.*, 1893, № 303 (3 ноября), стр. 2 [А. С. Гациский и А. Н. Плещеев].

Раевский М. Н. А. С. Гациский (Некролог) — *Изв. Русск. геогр. о-ва*, 1893, т. XXIX, вып. VI, стр. 294—295.

Некрологи 1893 года — *Саратовск. листок*, 1894, № 1 (1 января), стр. 3.

Кузнецов И. П. Памяти Александра Серафимовича Гациского — *Волжск. вестн.*, 1894, № 89 (28 апреля), стр. 1—2.

Волгарь, 1894, № 95 (28 апреля), отд. „Мест. хрон.“, стр. 2.

Чествование памяти А. С. Гациского — *Волгарь*, 1894, № 85 (28 апреля), стр. 3.

Русск. вед., 1894, № 118 (1 мая), отд. „Внутр. изв.“, стр. 2.

Н. Р. Памяти Александра Серафимовича Гациского (Отчет о соед. собр. ниж. уч. арх. ком. и статистич. ком-та) — *Русск. жизнь*, 1894, № 121 (7 мая), отд. „Провинция“, стр. 3.

Саратовский дневник, 1894, № 132 (23 июня), отд. „По России“, стр. 3.

Звездин, А. И. Отчет о деятельности ниж. губ. стат. ком-та за 1893 г. — LXX засед. ниж. губ. статистич. ком-та 12 мая 1894, Н.-Н., 1894, стр. 13—15.

Нижег. губ. вед., 1897, № 18 (30 апреля), часть неофф., отд. „Хрон.“, стр. 5.

В училище имени А. С. Гациского — *Нижег. листок*, 1903, № 113 (28 апреля), стр. 2.

[10-лет со дня смерти А. С. Гациского] — *Нижег. листок*, 1903, № 113 (28 апреля), стр. 2.

Звездин А. И. Памяти А. С. Гациского (По поводу 10-летия со дня его кончины) — *Нижег. листок*, 1903, № 114 (29 апреля), стр. 2 [Перепечатка: Журналы и доклады (ниж. губ. уч. арх. ком.) заседания LVIII—LXVIII с 25. V. 1901 по 2. III. 1903... Н. Н. 1903, стр. 73—75].

Русск. вед., 1903, № 116 (29 апреля), отд. „Внутр. изв.“, стр. 2.

Темтович. Нижегородские картинки — *Нижег. листок*, 1903, № 115 (30 апреля), стр. 3.

СПБ-ские вед., 1903, № 116 (1 мая), отд. „Внутр. обзор.“, стр. 5.

Журнал экстр. засед. ниж. губ. уч. арх. ком. 27 апреля 1903 г. в память 10-летия со дня кончины А. С. Гациского — Журналы и доклады (ниж. губ. уч. арх. ком.) Заседания LVIII—LXVIII с 25. V. 1901 г. по 2. III. 1903 г... Н. Н., 1903, стр. 71—72.

Агафонов, Н. Я. Памяти А. С. Гациского (Посвящается другу его А. А. Савельеву) — Журналы и доклады (ниж. губ. уч. арх. ком.) Заседания LVIII—LXVIII с 25. V. 1901 г. по 2. III. 1904, Н. Н. 1903, стран. 76—78. [Отзыв об этой статье: III.—*Историч. вестн.*, т. XCVII, август, отд. „Критика и библиография“, стр. 672. Автор ошибается в отношении Гациского к „Щаповской панихиде“; эту ошибку повторил Ф. П. Хитровский в статье „Поэт Леонид Граве и его время“ — *Натиск*, 1935, № 2, стр. 84, 86].

Короленко В. Г. Письма 1888—1921. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Л. „Время“, 1922, стр. 32 [Сообщение о смерти Гациского в письме Н. К. Михайловскому 2. V. 1893].

Короленко, В. Г. Дневник, т. I (1881—1893) (Полное собрание сочинений). (Харьков). Гос. изд. Украины. 1925, стр. 268, 270 [Дневниковые записи о смерти и заседании памяти Гациского].

Свободов, А. Н. Памяти А. С. Гациского — *Нижег. коммуна*, 1928, № 107 (10 мая), стр. 2.

Памяти А. С. Гациского — *Нижег. коммуна* 1928, № 116 (20 мая), стр. 4.

Прокопьев, Д. В. Памяти А. С. Гациского (1838—1893). Н. Н. 1928, 4 стр. [Листовка в выставке, посвященной Гацискому].

II. ОТДЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

ГАЦИСКИЙ—ОБЛАСТНОЙ ПИСАТЕЛЬ, РЕДАКТОР МЕСТНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СПБ-ские вед., 1863, № 179 (11 августа), стр. 2 [редакт. деятельн.].

Ковальский; Н. Поездка на Нижегородскую ярмарку, III — *Народн. богатство*, 1863, № 176 (13 августа), стр. 1 [редакт. деятельн. Ответ Гациского: см. — *Нижег. ярм. стр. листок*, 1863, № 27].

Что такое физиономия? (Заметки о современных задачах этиографии) — *Камско-Волжск. газ.*, 1874, № 5 (11 января), стр. 1.

Мордовцев, Д. Л. Печать в провинции — *Дело*, 1875, № 9, отд. „Совр. обзор.“, стр. 47—74 (с пропуск.); № 10, отд. „Совр. обзор.“; стр. 1—20, 30. [Перепечатка: Мордовцев Д. Л. Исторические пропилеи, т. II, СПб, 1888, стр. 249—310 (с пропуск.)].

Будущность провинциальной печати — *Неделя*, 1875, № 48 (30 ноября), стлб. 1582—1586.

П. Н. Pro domo suo. По поводу статей г. Мордовцева о провинциальной печати, III — *Сибирь*, 1876, № 18 (2 мая), стр. 1.

Мордовцев Д. Л. Quos ego! (ответ Казанскому литератору —

обывателю и его издателю) — *Дело*, 1876, № 5, отд. „Совр. обзор“, стр. 140, 178.

[Боборыкин, П. Д.]. Литература и журналистика — *Молва*, 1876, № 37 (12 сентября), стр. 648.

Литератор-Обыватель [Лаврский, К. В.] — Литературное обозрение — *Первый шаг*, провинц. литерат. сборник. Казань. 1876, стр. 476, 491 — 492.

П. Б. (Боборыкин, П. Д.) От Макария — *Русск. вед.*, 1879, № 215 (26 августа), стр. 2.

Боборыкин, П. Д. На родных местах — *Новости и биржев. газ.*, 1884, № 252 (12 сентября), стр. 1.

Монастырский, С. Иллюстрированный спутник по Волге... Казань, 1884, стр. 41 и др.

Волжск. вестн., 1886, № 22 (28 января), отд. „Журн. заметки“, стр. 3.

Немирович-Данченко, В. И. Вниз по матушке по Волге, VII — *Новости и биржев. газ.*, 1887, № 243 (5 сентября), стр. 2.

Круглов, А. В. Факты и мысли, XXIV — *День*, 1889, № 419 (4 августа), стр. 2.

Семевский, М. И. Путевые очерки и заметки при поездке по России в 1891 году, гл. 2 — *Русск. старина*, 1892, т. LXXIV, май, стр. 446.

Поляк, В. Н. Пионер провинциальной печати (А. С. Гациский) — *Саратовск. листок*, 1893, № 92 (2 мая), стр. 2.

Иванюков, И. И. Очерки провинциальной печати — *Русск. мысль*, 1894, кн. 7 (июль), стр. 103—104.

Немо W [Васильев, Н.] Волжские мотивы (...Пионер провинциальной мысли и истинно земский человек) — *Самарск. газ.*, 1894, № 190 (18 сентября), стр. 2—3.

Россия. Полное географич. описание нашего отечества... Под ред. В. П. Семенова... т. I, СПб. Изд. А. Ф. Девриена, 1899, стр. 388.

Овсянников, А. Н. Из воспоминаний старого педагога. Несколько страниц из пережитого и передуманного, гл. VII — *Русск. старина*, 1900, т. CI, январь, стр. 202, 206.

Ветринский, Ч. [Чешихин, В. Е.]. В. Г. Короленко в Нижнем. Материалы — *Нижегородский сборник*. СПб. Изд. т-ва „Знание“ 1905, стр. 71, 84, 90—93.

Протопопов, С. Д. Заметки о В. Г. Короленко — *Нижегородский сборник*. СПб. Изд. т-ва „Знание“, 1905, стр. 263.

Агафонов, Н. Я. Автобиография — *Сборник сообщений, описей и документов (Действия НГУАК)*, т. VIII, Н. Н. — Канавино, 1900, стр. 108—110 [сотрудн. „Камско-волжск. газ.“].

Ветринский, Ч. [Чешихин, В. Е.] Очерк истории журналистики за вторую половину XIX в. — История русской литературы XIX в. Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, т. V, М. „Мир“, 1910, стр. 429—430 [дискуссия о провинц. печати 70 гг.].

Мельников, А. П. Нижегородская старина. Путеводитель в помощь экскурсантам. Н. Н. „Культура“ 1923, стр. 6—7, 33, 39.

Архангельский, С. И. Из история краеведческой идеи в Нижегородском крае (Мельников-Печерский—Гацицкий — Короленко) — *Краеведение*, 1925, № 2, стр. 74—80 [влияние А. П. Щапова].

Свободов, А. Н. Литературно-культурные экскурсии по Н. Новгороду. Н. Н. 1926, стр. 43.

Пиксанов, Н. К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар... М.-Л. Гиз. 1928, стр. 32, 33, 124, 125, 129 [сотр. „Камско-Волжск. газ.“].

Архангельский, С. И. Основы и метод краеведной работы
А. С. Гацкого — *Краеведение*, 1929, № 10, стр. 585—593.

Богодин, С. И. Первая нижегородская газета. К столетию местной периодической печати — *Горьковск. рабочий*, 1938, № 15 (19 января), стр. 3 [редакт. деятельн.].

ГАЦИСКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СТАТИСТИКИ И ЭКОНОМИКИ КРАЯ; СЕКРЕТАРЬ СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА

О переселении чехов в Россию — *Соврем. летопись*, 1876, № 47 (24 декабря), стр. 9.

Изв. Русск. геогр. о-ва, 1869, т. V, отд. I, стр. 234—235 [хлебн. промысл.].

СПБ-ские вед. 1870. № 54 (24 февраля), отд. „Хроника“, стр. 2 [Урало-Сибирск. ж. д.].

Сведения об экспедициях, снаряженных... Русск. геогр. обществом, I Экспедиция для исследования хлебной промышленности и торговли в России — *Изв. Русск. геогр. о-ва*, 1871, т. VII, № 6 (5 сентября), отд. II, стр. 325.

Изв. Русск. геогр. о-ва, 1872, т. VIII, № 2 (7 апреля), стр. 49.

Опровержение слуха — *Камско-Волжск. газ.*, 1872 (14 апреля), стр. 130 [о постройке англичанами ж. д. Казань-Нижний].

Провинциальные труды по областной истории и библиографии — *Русск. старина*, 1872, т. VI (декабрь), от. „Библиогр. листок новых русских книг“, стр. 2.

Изв. Русск. геогр. о-ва, 1873, т. VIII, № 8 (8 января), стр. 312—313 [хлебн. пром.].

Мордовцев, Д. Л. Современное экономическое значение Поволжья — *Дело*, 1873, № 6 (июнь), отд. I, стр. 77—82, 102—107, 108.

Нормальные центры статистики — *Неделя*, 1873, № 32 (12 августа) стлб. 1156.

Изв. Русск. геогр. о-ва, 1873, т. VIII, № 9 (20 декабря), стр. 367.

Немирович-Данченко, В. И. На Волге (Очерки и впечатления летней поездки), СПб. Изд. И. Л. Тузова. 1877, стр. III, 22, 27, 31

Молчанов, А. Н. По Саратовской губернии... — *Новое время* 1880, № 1574 (17 июля), стр. 2.

Пругавин, В. С. Очерки среднего и низового Поволжья — *Волжск. вестн.*, 1889, № 56 (5 марта), стр. 1.

Казанск. биржев. листок, 1889, № 226 (17 октября), стр. 3 (иссл. куст. пром.).

Казанск. биржев. листок, 1889, № 262 (1 декабря), отд. „Обл. вестн.“, стр. 2 [иссл. куст. пром.].

Пыпин, А. Н. История русской этнографии. т. II, СПб, 1891. стр. 310.

Плотников, М. А. Кустарные промыслы Нижегородской губ. Н. Н., 1894, стр. V, IX, 34, 87—88, 128, 172, 259 [иссл. куст. пром.].

Семенов-Тянь-Шаньский, П. П. История полувековой деятельности Русск. геогр. об-ва, ч. II, отд. IV, 1896, стр. 905 [иссл. хлебн. пром.].

Духовской, С. А. Несколько слов об А. С. Гациском — *Нижег. листок*, 1903, № 114 (29 апреля), стр. 2 [иссл. куст. пром.].

Караваев, В. Ф. Библиографический обзор земской статистической и оценочной литературы со времен учреждения земств. 1864—1903, вып. I. СПб, 1906, стр. 363, 366, 367, 378—380, 390—396 (иссл. куст. пром.).

ГАЦИСКИЙ—ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ КРАЯ И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Москва, 1867, № 190 (29 ноября), „Обл. отд.“, стр. 2.

Андреевский, И. Е. Ученые архивные комиссии в 1887 г. Обзор их деятельности—*Русск. старина*, 1888, т. LX, декабрь, стр. 733, 747.

Андреевский, И. Е. Ученые архивные комиссии в 1888 г. Обзор их деятельности—*Русск. старина*, 1889, т. LXIV, декабрь, стр. 808, 813.

Русск. вед., 1890, № 18 (19 января), отд. „Моск. вести“, стр. 3 [Доклад на археологич. съезде в Москве].

Андреевский, И. Е. Губернские ученые архивные комиссии в 1889 г.—*Русск. старина*, 1890, т. LXVIII, кн. 9, стр. 558—572 [с перерыв.].

Заседание Ниж. губ. уч. арх. ком.—*Нижег. биржев. листок*, 1891, № 253 (24 октября), стр. 3 [отчетный доклад].

Звездин А. И. Историческая и археологическая деятельность А. С. Гацкого в ниж. губ. статистич. ком-те до учрежд. арх. ком.—*Журнал XX засед. ниж. губ. уч. арх. ком.* 23 мая 1893 г., стр. 8—10.

Савельев, А. А., А. С. Гацкий, как историк и исследователь местного края—*Журнал XX засед. Ниж. губ. уч. арх. ком.* 23 мая 1893 г., стр. 3—5.

Снежневский, В. И.—А. С. Гацкий, как председатель арх. ком.—*Журнал XX засед. ниж. губ. уч. арх. ком.* 23 мая 1893 г., стр. 5—8.

Звездин, А. И. К истории Петровского археологического музея в Н. Новгороде—*Сборник сообщений, описей дел и докладов (Действия НГУАК)*, т. II, вып. 15, Н. Н. 1895, стр. 52—53.

Звездин, А. И. К 25-летию ниж. губ. уч. арх. ком. Н. Н. 1912, стр. 12.

Ветринский, Ч. [Чешихин, В. Е.] Архивные комиссии (По поводу юбилея Нижег. уч. арх. ком.)—*Голос минувшего*, 1913, № 2, стр. 287—291.

ГАЦИСКИЙ—ДЕЯТЕЛЬ ЗЕМСТВА И ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ*

Журнал ниж. губ. земск. собрания 1 декабря 1878 г.—*Нижег. биржев. листок*, 1878, № 125 (3 декабря), стр. 3—4.

СПБ-ские вед., 1878, № 334 (4 декабря), стр. 1—2.

Русск. вед., 1878, № 313 (11 декабря), отд. „Внутр. изв.“, стр. 2.

Русск. вед., 1878, № 329 (30 декабря), отд. „Внутр. изв.“, стр. 2.

[Неопubl. ответ Гацкого—Архив Гацкого (Горьковск. ОАУ), папка № 721, л. 14—15].

Московск. листок, 1884, № 132 (14 мая), стр. 2.

Семергидем [Богданович, А. И.?] Из нижегородской жизни—*Волжск. вестн.*, 1889, № 258 (21 октября), стр. 2 [прения санитарн. ком.].

Волжск. вестн., 1889, № 285 (19 ноября), стр. 3 [о стенографировании думск. прений].

*** Нижегородская жизнь (о думских протоколах...)—*Казанск. биржев. листок*, 1889, № 254 (21 ноября), стр. 2 [о стеногр. думск. прений].

Казанск. биржев. листок, 1889, № 256 (24 ноября), отд. „Обл. вести“, стр. 3. [о сохр. мирового института Нижег. округа.]

Казанск. биржев. листок, 1889, № 262 (1 декабря), отд. „Обл. вести“, стр. 2 [куст. пром.].

Богданович, А. И. Небывалый земский скандал—*Волжск.*

* В прямых скобках указаны темы выступлений Гацкого.

вестн. 1889, № 313 (19 декабря), стр. 2 [Требование свободного доступа на хоры земск. собр.].

***Нижег. губ. земск. собр. — *Казанск. биржев. листок*, 1889, № 276 (19 декабря), стр. 1 — 2 [Положение павловских кустарей].

Богданович, А. И. Нижег. губ. земск. собр. (Заключение земского инцидента) — *Волжск. вестн.*, 1889, № 319 (22 декабря), стр. 2. [Удовлетворение требований свободного доступа на хоры земск. собр.].

Semper idem [Богданович, А. И.?] Из нижегородской жизни — *Волжск. вестн.*, 1889, № 317 (23 декабря), стр. 1 — 2 [старейший земец, стеногр. думск. прений].

Z.Нижег. губ. земск. собр. — *Волжск. вестн.*, — 1889, № 321 (30 декабря), стр. 2 — 3 [Положение павловских кустарей].

Нижег. известия. Экстренное собрание губ. земства — *Волжск. вестн.*, 1891, № 60 (9 марта), стр. 3 [введение обществ. запасек и правительств. ссуда голодающим].

Н. - Новгород (земское собрание...) — *Казанск. биржев. листок*, 1891, № 147 (29 июня), стр. 3. [Рассрочка податей; изучение причин упадка крестьянск. хоз. - ва].

Нижегородские дела (Экстр. губ. земск. собр.) — *Казанск. биржев. листок*, 1891, № 156 (10 июля), стр. 3 [введение обществ. запасек].

О ходе продовольственного дела в Нижег. губ. — *Казанск. биржев. листок*, 1891, № 267 (26 ноября), стр. 3 [народные чтения.]

О ходе продовольственного дела в Нижег. губ. — *Казанск. биржев. листок*, 1891, № 274 (3 декабря), стр. 2 [правительств. таксы на рожь и муку].

Н.-Новгород (18 декабря. Земское собрание) — *Казанск. биржев. листок*, 1891, № 292 (22 декабря), отд. „Обл. хрон.“, стр. 3 [подходный налог].

III. Областные дела и делишки — *Казанск. биржев. листок*, 1891, № 295 (25 декабря), стр. 5 [подходный налог, изучение перспектив сельск. хоз.].

Н. И. Вопрос о подходном налоге в нижег. губ. земстве. — *Волгарь*, 1893, № 24 (30 января), стр. 3.

Савельев, А. А. Эпизод из ген.-губернат. деятельности гр. Н. П. Ипатьева в Н. - Новгороде — *Сборник сообщений, описей и документов (Действия НГУАК)*, т. VIII, Н. Н. — Кававино, 1909, стр. 8 — 9 [передача дел о поджогах и конокрадстве военному суду].

Чешихин (Ветринский), В. Е. Пятьдесят лет жизни Нижегородских земств. Очерк развития земского хозяйства. Н. Н., 1914, стр. 12, 124, 153, 207, 224, 225.

Духовской, С. А. Нижегородское городское самоуправление за 45 лет — Нижегородский ежегодник. Иллюстр. календарь - справочник. Под ред. Г. И. Сергеева и В. Е. Чешихина (Ч. Ветринского), Н. Н., 1915, стр. 114 — 115.

Чешихин-Ветринский, В. Е. Выборный человек нижегородского края А. А. Савельев — *Вестн. Европы*, 1916, кн. 7 (июль) стр. 326 — 327, 329 [„волжск. сепаратизм“].

Короленко, В. Г. Дневник, т. II (1893 — 1894). (Полное собрание сочинений. Посмертн. изд.) (Харьков). Гос. изд. Украины, 1926, стр. 274 [дневниковая запись о роли Гациского в голодный и холерный год].

ГАЦИСКИЙ — ДЕЯТЕЛЬ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Голос, 1874, № 64 (5 марта), стр. 3 (О-во распр. грамотн.).

П. Т. Наша городская библиотека — *Волжск. вестн.*, 1885, № 223 (26 сентября), стр. 2.

Волжск. вестн. 1889, № 25 (27 января), отд. „Корресп.“, стр. 3 (гор. библиотека).

Волгарь. 1894, № 90 (22 апреля), стр. 1 [О-во распр. нач. образ.].

Иорданский Н. Н. Общество распространения начального образования в Нижег. губ. (1872—1897) — *Нижег. губ. вед.*, 1897 г. № 46 (14 ноября), часть неофф., стр. 1.

Игнатъев И. А. Исторический очерк возникновения, открытия и развития нижег. кулибииск. ремесл. училища. Н. Н., 1897, стр. 4.

Звездин, А. И. Из материалов для биографии А. С. Гацкого (к 10-летию со дня его кончины) — *Нижег. листок*, 1903, № 112 (27 апреля), стр. 2 [О-во распр. нач. обр.].

Иорданский, Н. Н. — А. С. Гацкий и М. В. Овчинников. По поводу 10-летия со дня их смерти — Отчет о состоянии народных училищ г. Н. Новгорода за 1903 г. Н. Н. 1904.*

Козьмин Н. Н. и Н. М. Ядринцев — Сборник избранных статей. стихотворений и фельетонов Н. М. Ядринцева... Красноярск. Изд-журн. „Сибирские записки“, 1919, стр. X—XII [значение Омского университета].

РЕЦЕНЗИИ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГАЦСКОГО И СБОРНИК, ЕМУ ПОСВЯЩЕННЫЙ

Воспоминания о С. В. Ешевском (*Нижег. губ. вед.*, 1865, № 23, „Нижегородка“, 1877 г.).

Бестужев-Рюмин, К. Н. Ст. Вас. Ешевский — Ешевский С. В. Собрание сочинений, т. I, 1870, стр. IX, XIII, XLVII—XLVIII.

Архангельский, С. И. Исторические взгляды Ешевского (1829—1865) — *Ж. М. Н. Пр.* 1916, т. LXIII, № 6, отд. 3, стр. 114, 123.

Воспоминания о П. И. Якушкине (полностью не опубликованы (оригинал — А. Г., папка № 56, стр. 41—50); основной материал использован Чешихиным (см. ниже).

Боборыкин, П. Д. [Воспоминания о П. И. Якушкине] — Якушкин, П. И. Сочинения, СПб, 1884, стр. LXXIX.

Ветринский, Ч. [Чешихин, В. Е.] П. И. Якушкин в Нижнем-Новгороде (По материалам архива А. С. Гацкого) — *Мир божий*, 1908, апрель, стр. 29—46 [Перепечатка — *Современ. мир*, 1908, № 4, (апрель), отд. I, стр. 29—46].

Действия Нижегородской губ. уч. арх. ком., изд. под ред. Гацкого.

Волжск. вестн. 1889, № 93 (18 апреля), стр. 2—3.

Русск. мысль, 1889, № 10 (октябрь), „Библиогр. отдел“, стр. 429.

Новое время, 1891, № 5575 (6 сентября), стр. 4.

Русск. богатство, 1894, № 11 (ноябрь), стр. 79—83.

Заметка о книге Сухомлинова (*Изв. Русск. Геогр. О-ва*, 1867, № 2).

Деятельность, 1868, № 179 (8 ноября), стр. 708.

* Описать de visu не удалось.

Из путевых заметок по Нижегородскому Поволжью
(„Первый шаг“, Казань, 1876).

Заурядный читатель [Скабичевский А. М.] Мысли по поводу текущей литературы — *Биржев. вед.* 1876, № 77 (19 марта), стр. 2.

Фауст Шигровского уезда [Венгеров, С. А.] — *Новое время*, 1876, № 38 (8 апреля), стр. 1—2.

Гр.—*Донск. газета*, 1876, № 28 (15 апреля), стр. 1—2.

Вс. С-в [Соловьев, В. С.]—*Руск. Мир*, 1876, № 105 (18 апреля), отд. „Соврем. литература“, стр. 1.

Шашков С. С. Спасители отечества из Казани — *Дело*, 1876, № 4, отд. „Соврем. обзор“, стр. 89—90.

ов.. и н... — *Молва*, 1876, № 19 (9 мая), отд. „Библиогр. заметка“, стр. 352.

Корреспонденция от 24 октября (*СПБ-ские вед.* 1871, № 300).

Рагозин В. И.—*СПБ-ские вед.*, 1871, № 312 (12 ноября), л. 2, стр. 1.

Люди Нижегородского Поволжья. Биографич. очерки. (*Нижг. губ. вед.* 1884, № 27 и др.; отдельной книгой — Н. Н., 1887).

Боборыкин, П. Д. На родных местах — *Новости и биржев. газ.* 1884, № 252 (12 сентября), стр. 1.

Усов П. С. Люди нижегородского Поволжья. — *Историч. вестн.*, 1885, т. XIX, № 2 (февраль), отд. „Заметки и поправки“, стр. 466—471.

Нижг. биржев. листок, 1887, № 226 (24 сентября), отд. „Наука и искусство“, стр. 4.

Богданович, А. И. Нижегородские дела (...Нижегородские „общественные деятели“... — *Казанск. биржев. листок*, 1887, № 225 (4 октября), стр. 3. Об этой и двух ниже помещенных статьях см. Короленко, В. Г. Памяти А. И. Богдановича — Богданович, А. И. Годы перелома. 1908, стр. XIII, XVIII; перепечатка: Короленко, В. Г. Воспоминания о писателях. Под ред. и с примеч. С. В. Короленко и А. Л. Кривинской. М. „Мир“, 1934, стр. 111, 114).

Ав-в [Гольцев, В. А.] — *Русск. вед.*, 1887, № 283 (14 октября), отд. „Библиогр. заметки“, стр. 3.

Староверов, Н. Из Нижнего-Новгорода (...Городские новости..) *Волжск. вестн.*, 1887, № 269 (15 октября), стр. 3.

Мордовцев, Д. Л. Жизнь, жизнь провинции! — *Новости биржев. газ.*, 1877, № 289 (21 октября), стр. 2.

П. А. [Альбицкий, П. А.] — *Нижг. губ. вед.* 1887, № 43 (28 октября), часть неофф., отд. „Библиогр. заметка“, стр. 4.

Макаренко, А. — *Волжск. вестн.* 1887, № 282 (29 октября), стр. 3.

[Богданович, А. И.] Нижегородские дела (...Местный панегирист. Обратная сторона медали...) — *Казанск. биржев. листок*, 1887, № 264 (20 ноября), стр. 3.

Правительствен. вестн. 1887, № 259 (1 декабря), отд. „Библиография“, стр. 3.

Ж. М. Н. Пр. 1887, ч. CCLIV, декабрь, отд. 2 „Критика и библиография“, стр. 380.

[Богданович, А. И.] Ответ на письмо г. Гациского (Письмо редактору) — *Казанск. биржев. листок*, 1888, № 8 (12 января), стр. 2.

Neue Dörptsche Zeitung, 1890, № 156 (10 juli). Abschn. „Literarisches“, S. 3

Молодым либералам, профессорам казанского университета (стих., „Сборник памяти Гациского“, Н. Н., 1897, стр. 37).

Васильев, М. А. Песни казанского студенчества (1850-60-х гг.) — *Ученые записки Казанск. гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина*, 1930. кн. 5, стр. 841, 857—859.

Гессен, С. Я. Студенческое движение в начале шестидесятых годов. М., изд. Политкаторжан, 1932, стр. 116, 117, 138—139, 141.

„Нижегородка“, 1875.

Рыбинск. биржев. листок, 1875, № 37 (10 мая), отд. „Корреспонденция“, стр. 2.

Казанск. биржев. листок, 1875. № 39 (18 мая), отд. „Библиография“, стр. 2—3.

О новой книге — *Саратовск. справ. листок*, 1875, № 106, (22 мая), стр. 1.

Сын отечества 1875, № 118 (27 мая), отд. „Петерб. летопись“, стр. 2 [отрицат. отзыв].

Х. У. З. [Чу й ко, В. В.] Очерки литературы — *Голос*, 1875, № 154 (5 июня), стр. 3.

Казанск. губ. вед. 1875, № 51 (5 июля), часть неофф., отд. „Библиогр. изв.“, стр. 2.

Русск. старина, 1875, т. XIII, № 8 (август), отд. „Библиогр. листок новых русских книг“, стр. 2.

„Нижегородка“, 1876.

Голос, 1876, № 155 (6 июня), отд. „Внутр. новости“, стр. 2.

Киевск. телеграф, 1876, № 67 (6 июня), отд. „Библиогр. листок“, стр. 3.

Донск. газ., 1876. № 44 (10 июня), стр. 1.

Биржев. вед. 1876, № 159 (11 июня), отд. „Библиография“, — стр. 2.

Саратовск. спр. листок, 1876, № 121 (11 июня), стр. 1—2.

Астраханск. спр. листок, 1876, № 72 (15 июня), отд. „Библиография“, стр. 2.

П. В. — *Казанск. биржев. листок*, 1876, № 58 (22 июля), отд. „Библиогр. заметка“, стр. 2—3.

Русский провинциал. Письмо в редакцию — *Саратовск. спр. листок*, 1876, № 194 (12 сентября), стр. 1.

„Нижегородка“, 1877.

И. Смех сквозь слезы (Увеселения нижегородской ярмарки) — *Неделя*, 1877, № 34 (21 августа), стлб., 1130.

П. *СПБ-ские вед.*, 1877, № 236 (27 августа), отд. „Литерат. обзор.“ стр. 2.

Указатель по делам печати, 1877, № 16—17 (1 сентября), часть неофф., стр. 3.

Г. Ф. — *Спр. листок района Моршанско-Сызранск. ж. д.*, 1877, № 184 (6 сентября), отд. „Библиогр. заметка“, стр. 1.

Северн. вестн., 1877, № 150 (28 сентября), отд. „Литерат. новости и заметки“, стр. 2.

Тифлисск. вестн., 1877, № 238 (1 ноября), отд. „Библиография“, стр. 2—3.

„Нижегородский летописец“ (*Ниж. губ. вед.* 1884,

№ 31 и др.; отдельной книгой — Н. Н. 1886).

Новое время, 1887, № 3905 (12 января), отд. „Библиогр. новости“,

стр. 3 [Перепечатка — *Нижег. биржев. листок*, 1887, № 11 (15 января), стр. 1].

Нижег. биржев. листок, 1887, № 10 (14 января), стр. 2.

Русск. вед. 1887, № 19 (20 января), отд. „Новости наук, искусства и литературы“, стр. 3.

А. [Альбицкий, П. А.] — *Нижег. губ. вед.*, 1887, № 4 (28 января), часть неофф., отд. „Библиогр. заметка“, стр. 3.

Н. Ч. — *Библиограф.*, 1887, № 2 (февраль), стр. 28—29.

Ж. М. Н. Пр. 1887, ч. ССXLIX, февраль, отд. 2 „Книжн. новости“, стр. 401.

Северн. вестн. 1887, № 2 (февраль), отд. 2, стр. 102—103.

Новости и биржев. газ., 1887, № 60 (3 марта), отд. „Библиография“, стр. 2.

Волжск. вестн. 1887, № 61 (7 марта), отд. „Библиография“, стр. 2—3.

Московск. вед. 1887, № 75 (17 марта), отд. „Литература и искусство“, стр. 4.

Областное значение архивных комиссий — *Восточ. обозр.*, 1887, № 13—14 (2 апреля), стр. 12.

Русск. мысль, 1887, кн. 5 (май), „Библиогр. отдел“, стр. 285.

П. У. [Усов, П. С.] — *Историч. вестн.*, 1887, т. XXVIII, № 6 (июнь), отд. „Критика и библиография“, стр. 691—692.

Тихомиров, И. П. — *Ж. М. Н. Пр.*, 1887, ч. ССLII, июль, отд. 2 „Критика и библиография“, стр. 172—176.

А. С. — *Вестн. археологии и истории*, 1888, вып. 7, отд. 2, стр. 10.

Можаровский, А. Нижегородский летописец — *Нижег. губ. вед.* 1897, № 8 (19 февраля), часть неофф., стр. 3.

„Нижегородский сборник“, т. I, Н. Н. 1867.

СПБ-ские вед., 1867, № 232 (23 августа), отд. „Библиография, наука и искусство“, стр. 2.

Изв. Русск. геогр. о-ва, 1867, т. III, № 6 (26 сентября), отд. 2, раздел „Библиография“, стр. 188.

Прогрессист. Прогресс в Нижнем Новгороде (Письма к редактору) — *Современ. изв.*, 1868, № 25 (26 января), стр. 1—2 [Отрицат. отзыв — ответ Г. см.:— *Нижег. губ. вед.*, 1868, № 48].

„Нижегородский сборник“, т. II, Н. Н. 1869.

СПБ-ские вед. 1869, № 245 (6 сентября), отд. „Библиография“, стр. 2—3.

Н. Ш. [Шелгунов, Н. В.] — *Дело*, 1870, № 7, отд. „Внутр. обозр.“, стр. 23—45.

Новое время, 1870, № 226 (19 августа), стр. 1 [достоверность материала противопоставляется статьям Каткова].

„Нижегородский сборник“, т. III, Н. Н. 1870.

СПБ-ские вед., 1870, № 268 (29 сентября), отд. „Библиография“, стр. 2.

Голос, 1870, № 318 (17 ноября), отд. „Библиография“, стр. 2.

„Нижегородский сборник“, т. IV, Н. Н. 1871.

Голос, 1871, № 187 (8 июля), отд. „Внутр. изв.“, стр. 1—2.

Н. Ш. [Шелгунов, Н. В.] Статистическая программа — *Дело*, 1871, № 7, отд. „Совр. обозр.“, стр. 49—66.

Ильин, В. [Ленин, В. И.]. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. СПб. Изд. М. И. Водовозовой, 1899, стр. 269 [Ср. Ленин, В. И. Сочинения. Изд. 3, т. III, М. Л. 1930, стр. 274].

„Нижегородский сборник“, т. V, Н. Н. 1875.

Новое время, 1875, № 57 (11 марта), отд. „Библиография“, стр. 3.
СПБ-ские вед., 1875, № 71 (14 марта), отд. „Библиография“, стр. 2—3.

Труженики родиноведения — *Неделя*, 1875, № 13 (30 марта), стлб. 429—432.

Русск. старина, 1875, т. XIII, № 5 (май), отд. „Библиогр. листок новых русских книг“, стр. 2.

[Берви-Флеровский, В. В.] Оглянемся назад — *Отечествен. записки*, 1877, ССXXXI, № 3, стр. 124, 133—134, 141, 147.

Молчанов, А. М. По России. СПб. Изд. А. Ильина, 1884, стр. 52—53.

„Нижегородский сборник“, т. VI, Н. Н. 1877.

Северн. вестн. 1877, № 167 (15 октября), отд. „Литерат. новости и заметки“, стр. 2.

Неделя, 1877, № 42 (16 октября), стлб. 1399.

Тифлисс. вестн. 1877, № 238 (1 ноября), отд. „Библиография“, стр. 2—3.

Донск. газ. 1877, № 86 (6 ноября), стр. 1.

Указатель по делам печати, 1877. № 22/24 (15 декабря), отд. II, часть неофф., стр. 2—3.

Икс — *Спр. листок района Моршанско-Сызранск. ж. д.*, 1877, № 265 (18 декабря), стр. 1—2.

И-в, В. С. [Иконников, В. С.] — *Русск. старина*, 1878, кн. 10. (октябрь), обертка.

„Нижегородский сборник“, т. VII, Н. Н. 1887.

Макаренко, А. *Волжск. вестн.*, 1887, № 146 (6 июня), отд. — „Библиография“, стр. 3.

Нижег. губ. вед., 1887, № 23 (10 июня), часть неофф., отд. „Библиогр. заметка“, стр. 7—8.

Нижег. вестн. пароходства и промышл., 1887 № 10 (сентябрь), отд. „Библиография“, стр. 84.

П. Ш. Нужды кустарной промышленности в Нижегородской губернии (Беглые заметки) — *Казанск. биржев. листок*, 1887, № 231 (11 октября), стр. 2—3; № 232 (13 октября, стр. 2), № 233 (14 октября), стр. 2—3.

Мордовцев, Д. Л. Жизнь, жизнь провинции! — *Новости и биржев. газ.*, 1887, № 289 (21 октября), стр. 2.

Правительств. вестн., 1887, № 250 (19 ноября), отд. „Библиография“, стр. 2.

М-в, П. [Майков, П. М.] — *Ж. М. Н. Пр.*, 1887, ч. ССLIV, декабрь, отд. 2 „Критика и библиография“, стр. 373—376.

„Нижегородский сборник“, т. VIII, Н. Н. 1889.

Нечаев А. Кустарные промыслы Ардатовского уезда Нижегородской губернии — *Казанск. бирж. листок*, 1889, № 196 (7 сентября), стр. 2—3; № 197 (8 сентября), стр. 1—2; № 198 (10 сентября), стр. 2—3.

Русск. богатство, 1889, № 9 (сентябрь), отд. „Новые книги“, стр. 219—220.

Нижег. губ. вед., 1889, № 260 (2 ноября), стр. 2.

Русск. вед. 1889, № 307 (6 ноября), отд. „Библиогр. заметки“, стр. 3.

Скворцов, П. — *Юридич. вестн.*, 1890, т. IV, кн. 3 (март), стр. 536—541.

Русск. мысль, 1890, № 4 (апрель) „Библиогр. отдел“, стр. 169—170.

„Нижегородский сборник“ т. IX, Н. Н. 1890.

Н. Х. — *Этногр. обозр.*, 1890, № 3, стр. 168.

Нижег. биржев. листок, 1890, № 139 (19 июня), отд. „Наука и искусство“, стр. 3.

Neue Dörptsche Zeitung, 1890, № 156 (10 juli), Abschn. „Literarisches“ S. 3.

Н - ч, А. Кустарные промыслы Васильского, Горбатовского, Княгининского и Лукояновского уездов Нижег. губ. — *Волжск. вестн.*, 1890, № 213 (29 августа), стр. 2 — 3; № 219 (6 сентября), стр. 2; № 227 (1 сентября), стр. 2.

А. В. [Пыпин, А. Н.] — *Вестн. Европы*, 1890, т. IV, август, отд. „Литерат. обозр.“, стр. 865—868.

Русск. мысль, 1890, кн. 9 (сентябрь), „Библиогр. отдел“, стр. 423.

Neue Dörptsche Zeitung, 1890, № 85 (12 April) Abschn. „Literarisches“, S. 2.

„Нижегородский сборник“, т. X, Н. Н. 1890.

Нижег. биржев. листок, 1890, № 297 (16 декабря), отд. „Наука и искусство“, стр. 3.

Сепрег идем [Богданович, А. И.?] Из Нижегородской хроники (...Несколько слов по поводу последнего тома „Нижегородского сборника“) — *Казанск. вестн.*, 1891, № 66 (21 февраля), стр. 3.

А. Б. [Богданович, А. И.]. Из истории местной печати. Посвящается А. С. Гацискому — *Казанск. вестн.*, 1891, № 115 (16 апреля), стр. 3.

Новое время, 1891, № 5438 (19 апреля), стр. 3.

В. Л. Б. — *Русск. вед.*, 1891, № 115 (29 апреля), стр. 3.

Книжн. вестн., 1891, № 4 (апрель), стлб. 174—175.

Наблюдатель, 1891, № 4 (апрель), отд. „Новые книги“, стр. 21—23.

Историч. вестн., 1891, т. XLIV, июнь, стр. 727.

Н - ч, А. — *Казанск. биржев. листок*, 1891, № 203 (7 сентября), отд. „Библиография“, стр. 2.

Ф. П. — *Московск. вед.*, 1891, № 263 (23 сентября), отд. „Библиогр. заметка“, стр. 5.

„Нижегородский театр (1798—1867)“ (*Нижег. губ. вед.*, 1867, № 11 и др.; отдельной книгой — Н. Н. 1867).

СПБ-ские вед. 1867, № 343 (12 декабря), отд. „Библиография, наука и искусство“, стр. 2.

Боборыкин, П. Д. Автору книжки „Нижегородский театр“ — *Нижег. губ. вед.*, 1868, № 7 (14 февраля), стр. 41—43 [Ответ Гациского — см. *Нижег. губ. вед.*, 1868, № 8].

Березин-Ширяев, Я. Ф. Дополнительные материалы для библиографии. СПб, 1876, стр. 244—245.

Юшков, Н. Ф. К истории русской сцены. Е. Б. Пиунова - Шмиггоф в своих и чужих воспоминаниях — *Волжск. вестн.*, 1889, № 300 (5 декабря), стр. 3; № 301 (6 декабря), стр. 2. [Перепечатка: Юшков Н. Ф. Материалы для истории русской литературы и театра. Казань, 1893, стр. 228—232, 235, 240, 246].

Снежневский, В. И. Старый Нижегородский театр — *Сборник статей, сообщений, описей и докладов (Действия НГУАК)*, т. VI, Н. Н., 1905, стр. 76—81.

Морозов П. О. Воспоминания о нижегородском театре 60-х годов — *Ежегодник имп. театров*, 1910, вып. 3, стр. 15.

Ефремов, П. А. — Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Болярского... к библиографу С. И. Пономареву. М. Изд. Л. Э. Бухгейм, 1915, стр. 94.

Данилов, С. С. О провинциальном театре — Русский провинциальный театр. Воспоминания. Л. — М., „Искусство“, 1937, стр. 11.

„О задачах членов-корреспондентов Археологического съезда“ (Труды IV археологического съезда, т. I. Казань 1884, стр. 29—38).

Корсаков, Д. А. — *Историч. вестн.* 1884, т. XVIII, октябрь, стр. 225, 227.

(О нанимателях и нанимающихся (*Ниж. ярм. спр. листок*, 1863, № 1).

О. Б. А. [Короленко, В. Г.] К вопросу о прислуге — *Русск. богатство*, 1898, № 9 (сентябрь), отд. „Хроника внутр. жизни“, стр. 241—242 [Перепечатка: Короленко В. Г., Полное собрание сочинений, т. VIII Пг. Т-во А. Ф. Маркс, 1914, стр. 322—323].

Опыты уголовной статистики Нижегород. губ. (Памятная книжка Ниж. губ. на 1865 год).

СПБ-ские вед., 1865, № 32 (6 февраля), стр. 1.

Очерки прошлого нижегородского Поволжья. Книжка для чтения в школах. (Брошюра, запрещенная (и не вышедшая в свет) главн. управ. по делам печати 16. VI. 1878).

Сельск. чтение, 1878, № 2, отд. „Книжн. указат.“, стр. 24—25.

Сборник в память первого русского статистического съезда, вып. II, под ред. А. С. Гациского, Н. Н., 1875.

Русск. вед., 1875, № 2 (3 января), отд. „Внутр. изв.“, стр. 2.

О. И. Н. — *Биржев. вед.*, 1875, № 106 (19 апреля), отд. „Библиография“, стр. 3.

N — *Московск. вед.*, 1875, № 96 (19 апреля), отд. „Библиография“, стр. 5.

H. — *Киевск. телеграф*, 1875, № 66 (4 июня), отд. „Библиография“, стр. 1—2; № 67 (6 июня) отд. „Библиография“, стр. 2.

Киевский телеграф, 1875, № 73 (20 июня), отд. „Библиография“ стр. 2.

Друг народа, 1875, № 13 (1 июля), отд. „Новые книги“, стр. 204
Шелгунов, Н. В. — *Дело*, 1875, № 9, отд. „Внутр. обзор“, стр. 136, 138, 139.

X. Y. Z. [Чуйко, В. В.] Очерки литературы — *Голос*, 1875, № 300 (30 октября), стр. 1.

Знание, 1876, № 2 (февраль), отд. „Критика и библиография“, стр. 19—28.

P-в, H. — *Архангельск. губ. вед.*, 1876, № 90 (10 ноября), отд. „Библиография“, стр. 2—3; № 91 (13 ноября), отд. „Библиография“, стр. 2—3.

Сборник в память Александра Серафимовича Гациского. Н. Н., 1897.

Сибирь, 1897, № 12 (26 января), стр. 4.

Восточн. обзор., 1897, № 43 (9 апреля), отд. „Хроника русск. жизни“, стр. 3.

N — *Нижег. губ. вед.*, 1897, № 23 (4 июня), часть несф., отд. „Библиография“, стр. 9—10.

А. Б. [Богданович, А. И.] Критические заметки — *Мир божий*, 1897, № 8 (август), отд. 2, стр. 1—7 [частичная перепечатка: *Саратовск. дневник*, 1897, № 173 (10 августа), отд. „Обзор печати“, стр. 2].

П. Ш. — *Русск. вед.*, 1897, № 227 (18 августа), отд. „Библиогр. заметки“, стр. 3.

Ангарский, В. [Леонович, В. В.] Пионер областничества — *Сибирь*, 1897, № 104 (5 сентября), стр. 2—3.

Памяти литератора-обывателя — *Новое время*, 1897, № 7732 (6 сентября), стр. 5—6.

[Короленко, В. Г.] — *Русск. богатство*, 1897, № 11, отд. „Новые книги“, стр. 27—28.

Глинский, Б. Б. Русская периодическая печать в провинции — *Историч. вестн.*, 1898, т. LXXI, январь, стр. 293, 294, 305, 307, 313—320.

Сведения о деятельности Нижегородского статистического комитета (*Изв. Русск. географ. о-ва*, 1866, т. II, № 7, стр. 210—212).

Обзор важнейших географических работ в России за 1866 год — *Изв. Русск. геогр. о-ва*, 1867, т. III, № 5 (31 июля), отд. 2, стр. 173—174.

Смерть провинции или нет? (Отдельная брошюра — Н. Н. 1876)

Донск. газ. 1876, № 44 (10 июня), стр. 1.

Крайности провинциализма — *Неделя*, 1876, № 16 (12 июня), стлб. 513—518.

О. Л. [Лаврский, К. В.] — *Неделя*, 1876, № 19 (27 июня), стлб. 637.

А. А. [Андряшев, А. Ф.] *Друг народа*, 1876, № 13 (2 июля), стр. 200—201.

Сибирь, 1876, № 29 (18 июля), отд. „Библиография“, стр. 6.

Учет сил — *Свет*, 1877, вып. 2 (февраль), стр. 1—6.

Мордовцев, Д. Л. Несколько слов — *Саратовск. дневник*, 1884, № 82 (18 апреля), стр. 1—2 [Перепечатка: „Лучше поздно, чем никогда“ — *Волжск. вестн.*, 1884, № 50 (1 мая), стр. 2].

Первое собрание „Саратовского общества вспомоществования нуждающимся литераторам“ 20 февраля 1888 — *Саратовск. дневник*, 1888, № 43 (23 февраля), стр. 2 [в отчете помещено письмо Д. Л. Мордовцева, затрагивающее прошлую дискуссию о провинциальной печати].

Мордовцев, Д. Л. Привет „земле“ — *Одесск. листок*, 1889, № 31 (2 февраля), стр. 2. [Перепечатка — *Волжск. вестн.*, 1889, № 39 (11 февраля), стр. 3].

Мордовцев, Д. Л. Письмо в редакцию — *Минск. листок*, 1893, № 1 (1 января), стр. 2.

Поволжский. Местные областные мотивы (Из областной жизни Камско-Волжск. края) — *Волжск. вестн.* 1893, № 47 (21 февраля), стр. 2.

Прозоров Л. Из провинциальной печати (...Взгляды г. Мордовцева и Гацкого...) — *Северн. вестн.*, 1893, № 2 (февраль), „Обл. отдел“, стр. 30—31.

Страничка из жизни 50-х годов („Казанский литературный сборник“, 1878).

Гильдебрандт, П. А. — *Древняя и Новая Россия*, 1878, т. II, стр. 82.

С. Г. Несколько слов по поводу предыдущей статьи (О письме П. Д. Бобыркина из Дерпта в Казань) — Литературный сборник к 100-летию Казанского университета. Былое из университетской жизни, Казань, 1904, стр. 118—123*.

Евлахов А. М. — *Историч. вестн.*, 1905, т. XCIX, февраль, отд. „Критика и библиография“, стр. 691.

* Этой заметке предшествуют (стр. 105—117) „Воспоминания А. С. Гацкого об А. М. Бутлерове, С. В. Ешевском и др. профессорах 1850-х годов“, являющиеся перепечаткой его воспоминаний из „Казанск. литерат. сб.“ 1878 г.

„У невидимого града Китежа“ („Древняя и Новая Россия“
1877, т. III, № 11, стр. 267—278).

Reclus, E. Nouvelle géographie universelle La terre et les hommes
t. V. Paris, 1880, p. 756 (В русск. переводе — Реклю, Э. Земля и люди
Всеобщая география, т. 5, вып. 2. СПб. — 1883, стр. 393).

Что нужно испытать в Сибири (Камско-Волжск. газ.
1873, № 118).

(Ядринцев, Н. М.) Ответ г. Гацискому на заметку о реформах
в Сибири — Камско-Волжск. газ., 1873, № 135 (18 ноября), стр. 584.

Эпизод из 60-х годов (Неделя, 1876, № 1).

[Ямпольский, И. Г.] Василий Курочкин — Поэты „Искры“. Ред.
и примеч. И. Ямпольского. Вступ. статья А. П. Селивановского. Л.
Изд. писат. в Л-де, 1933, стр. 43.

Ефремин, А. В. Социальный смысл творчества В. С. Курочкина —
Курочкин, В. С. Собрание стихотворений... М. — Л. Academia, 1934,
стр. 31.

Du développement de la statistique locale (Реферат IX
Международному конгрессу в Будапеште 1876 г. Русск.
пер. „Нижегородский сборник“, т. VIII, 1889, стр. 647—649).
Учет сил — Свет, 1877, вып. 2 (февраль), стр. 1—6.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

(Стихи, рассказы о Гациском и литературные посвящения).

Сурский, Н. [Соковнин, Н. М.] Выбор. Совершенно несообразное
событие. Фантастические сцены в 1 действ. — Искра, 1871, № 6 (7 фев-
рала), стлб. 173—179 (Рассказ посвящен Гацискому. Этим автор хотел
привлечь его к участию в „Искре“ — см. Письмо Н. М. Соковнина от
6. II. 1871—А. Г., папка № 21).

Боборыкин, П. Д. Солидные добродетели. Роман в 4 кн. СПб.
Изд. Е. М. Печаткина, 1871, стр. 110—114, 497—501 [Гациский выведен
в лице земского деятеля под именем „Статистика“].

Крб., Н. (Коробкин, Н. И.) А. С. Гацискому — Нижегород. биржев.
листок, 1889, № 149 (2 июля), стр. 2 (стихотв., посвященное юбилею Г.).

Родзевич, Г. О. Надежда Прокофьевна Суслова. Странички из
истории русской медицины — Волжск. вестн., 1889, № 161 (4 июля),
стр. 2 [статья посвящена юбилею Гацискому].

Поспелов, А. П. А. С. Гацискому. 1859—1889 — Нижегород. губ.
вед., 1889, № 28 (12 июля), стр. 1—2 [стихотв., посвященное юби-
лею Г.].

Нянины сказки — Нижегород. губ. вед., 1889, № 28 (12 июля), стр. 11
[стихотв. посвящено Г.].

Мартьянов, П. К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом
русских деятелей XIX века в силуэтах, кратких характеристиках, над-
писях к портретам и эпитафиях. СПб. 1890, стр. 57 (2-е изд. — СПб,
1891, стр. 55). [Четверостишие, характеризующее деятельность Г.].

Звездин, А. И. Над могилой А. С. Гациского — Волгарь, 1893,
№ 101 (5 мая), стр. 1 [стихотв.].

В. В. [Барановский, В.?] Нет, — он не умер, он живет (На смерть А. С. Гациского) — *Нижег. губ. вед.* 1893, № 18 (5 мая), стр. 2 (стихотв.).

Горький М. Исключительный факт — *Волгарь*, 183, № 279 (24 ноября), стр. 1; № 281 (26 ноября), стр. 1 (Рассказ, навеянный смертью Гациского. По поводу этого рассказа см.: 1) Горький, М. Из воспоминаний о В. Г. Короленко — Жизнь и творчество В. Г. Короленко. Сборник статей и речей к 65-му юбилею. Пг., 1918, стр. 55—56; 2) Александров, К. Д. Забытый рассказ молодого Горького — *Горьковск. коммуна*, 1934, № 248 (27 октября), стр. 4].

Короленко, В. Г. Полное собрание сочинений. Посмертн. изд. т. XV. Очерки и рассказы (неизданные при жизни автора). (Харьков-Гос. изд. Украины. 1923, стр. 149—162 (рассказы о Гациском: „Сон“ и „Грезы“).

VARIA.

Новое время, 1870, № 85 (25 марта), отд. „Внутр. изв.“, стр. 3 [Неправильная информация — возраж. Гациского — *Судебн. вестн.*, 1870, № 89].

Журнал комитета общества для вспомоществования бедным студентам казанского университета. — *Камск-Волжск. газ.* 1872, № 100 (12 декабря), стр. 435—436 [участие Гациского].

*** Нижегородская жизнь (...Оригинальный праздник. Юбилейное торжество) — *Казанск. бирж. листок*, 1889, № 53 (8 марта), стр. 2 [Гациский о канавинск. празднике „козий день“, 700-летие рождения основателя Н. Новгорода].

Волжск. вестн. 1889, № 66 (15 марта), отд. „Корресп.“, стр. 3 [выступление Гациского на юбилейных заседаниях].

Волжск. вестн. 1889, № 92 (17 апреля), отд. „Наука, литерат. и иск.“, стр. 2 [предположение издать альбом местн. памятн. гражд. и церковн. зодч.].

В книжном отделе казанской выставки 1890 г. — *Волжск. вестн.*, 1889, № 225 (13 сентября), стр. 2 [экспонирование работ Гациского].

Нижег. биржесв. листок, 1889, № 229 (23 сентября), [экспонирование работ Гациского на казанск. выставке].

Короленко В. Г. Покушение на генерала Баранова в 1890 году (Картинка из недавнего прошлого) — *Минувшие годы*, 1908, № 8 (август), стр. 167—168. [Перепечатка: Короленко, В. Г. Полное собрание сочинений, т. IX, Пг. Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1914, стр. 133—135 — детали покушения, сообщенные Гациским].

Сборник в память В. И. Снегневского. (Действия НГУАК), т. VII, статьи, сообщения, описи и документы, Н. Н. 1908, стр. 6, 7, 12, 14, 15, 17, 18, 22, 25 [два письма Гациского и отношение его к Снегневскому (по статьям В. Г. Короленко и А. И. Звездина)].

Ветринский, Ч. (Чешихин, В. Е.) Одна из умных ненужностей XIX века (М. Я. Чаадаев). — *Сборник сообщений, описей и документов (Действия НГУАК)*, т. VIII. Н. Н. Канавино. 1909, стр. 26, 27, 32 [расследования Гациского о Чаадаеве].

Сборник в память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). (Действия НГУАК), т. IX, Н. Н. 1910, стр. 44, 57—58, 203—248 [Переписка с П. И. Мельниковым и их взаимоотношения (по статье А. П. Мельникова)].

Ветринский, Ч. [Чешихин, В. Е.] Поминки по Н. Г. Чернышевском (к годовщине его смерти) — *Нижег. листок*, 1911, № 283 (17 октября), стр. 3 [Текст речи и организационная роль Гацкого — ср. Елпатьевский, С. Я. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929, стр. 225].

Ветринский, Ч. [Чешихин, В. Е.] Материалы по истории русской литературы. А. Н. Плещеев в письмах к А. С. Гацискому — *Русск. мысль*, 1912, кн. 4, стр. 114—128 [В настоящее время 23-х описанных писем Плещеева в Архиве Гацкого нет, хранится лишь письмо от 13. VIII. 1889 г. (папка № 18, л. 124—125) и визитн. карт. (№ 489), в описание данной статьи не попавшие].

Мельников, А. П. Столетие нижегородской ярмарки. Н. Н., 1917, стр. 38—39, 103, 106, 113, 121, 132, 133, 176, 197 [упоминания различного характера].

Золотницкий, В. Н. Где жил, учился и работал М. Горький в Н. Новгороде — *Нижег. коммуна*, 1928, № 5 (6 января), стр. 5. Автор ошибочно утверждает, что Горький жил в доме, принадлежавшем Гацискому. Эту же ошибку повторил А. Н. Свободов: По горьковским местам Н. Новгорода. Н. Н. Изд. тор. отд. Губоно, 1928, стр. 20—21.

Короленко, В. Г. История моего современника, кн. 3, т. III—IV, М. — Л. Academia, 1931, стр. 638, 748 [Знакомства].

Муратов, А. В гостях у великого земляка — *Горьковск. коммуна*, 1934, № 62 (16 марта), стр. 4 [Горький о Гациском].

Гриневицкая, А. Д. — А. С. Гацкий. К столетию со дня рождения. 1838—1938 — *Горьковск. рабочий*, 1938, № 134 (14 июня), стр. 4.

Гриневицкая, А. Д. Александр Серафимович Гацкий. (К столетию со дня рождения). 1838—1938 — *Горьковск. обл.*, 1938, № 6 (июнь), стр. 73—84.

Дмитриев, К. Сборник памяти А. С. Гацкого — *Книжн. новости*, 1938, № 13 (15 июля), стр. 27—28. [Предварительная заметка о настоящем сборнике].

Гриневицкая, А. Д. „Нижегородские губернские ведомости“ — *Горьковск. обл.*, 1938 № 9 (сентябрь), стр. 111, 113—116. [О редакторской деятельности Гацкого].

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие	3
<i>В. Г. Короленко.</i> Памяти А. С. Гацкого	5
<i>В. Г. Короленко.</i> Сон	32
<i>В. Г. Короленко.</i> Грезы	43
<i>М. Горький.</i> Исключительный факт	47
<i>А. С. Гацкий.</i> Эпизод из шестидесятих годов	57
<i>А. С. Гацкий.</i> „Шаповская панихида“	63
<i>А. С. Гацкий.</i> Обыденщина	70
Комментарии к материалам сборника	79
Летопись жизни А. С. Гацкого	96
Библиография	119

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство обращается ко всем читателям и библиотечным работникам с просьбой присылать отзывы об этой книге по адресу: г. Горький, ул. Гоголя, 19, Областному Издательству ОГИЗа

2

ПРОБЕЖНО

30. 7. 1948

